

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые на русском!

ДОМ ГОЛОСОВ

Новый шедевр от маэстро итальянского триллера!

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые на русском!

ДОМ ГОЛОСОВ

Новый шедевр от маэстро итальянского триллера!

Annotation

«Дом голосов» — новый бестселлер Донато Карризи, короля итальянского триллера.

Пьетро Джербер — психолог, но не такой, как другие. Его специализация — гипноз, и все его пациенты — это дети, с которыми что-то случилось: они перенесли травму, стали свидетелями драматических событий или в их хрупкой памяти хранится важная информация, которая может помочь полиции или органам опеки в расследовании. Но вот с другого конца света, из Австралии, психологу звонит коллега и просит принять пациента. Пьетро недоумевает, зачем обращаться именно к нему, ведь Ханна Холл взрослая. Оказывается, молодой женщине не дает покоя воспоминание о некоем убийстве, будто бы совершенном ею в детстве. И чтобы понять, правда это или иллюзия, ей необходим лучший психолог Флоренции — Пьетро Джербер.

Впервые на русском!

- [Донато Карризи](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Донатто Карризи

Дом голосов

Donato Carrisi

La casa delle voci

Copyright © Donato Carrisi 2019

© А. Ю. Миролюбова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Антонио, моему сыну:

он — моя память,

он — моя идентичность

23 февраля

Ласковое прикосновение во сне.

На смутной границе с явью, за миг до того, как ей провалиться в бездну забытья, ледяные пальцы коснулись ее лба и кто-то шепотом, печальным и очень нежным, позвал ее.

По имени.

Услышав зов, девочка широко раскрыла глаза. Испугалась. Кто-то пришел сюда, к ней, пока она засыпала. Может, кто-то из бывших обитателей дома, с которыми она иногда говорила, а иногда слышала, как они ходят по комнатам, жмутся вдоль стен, словно мыши.

Но призраки говорили внутри ее, не снаружи.

И Адо — *бедный Адо, грустный Адо* — приходил к ней. Но, в отличие от других призраков, Адо никогда ничего не говорил. Так что сейчас ее смущало совершенно определенное соображение.

Кроме мамы и папы, никто из мира живых не знал ее имени.

То было «правило номер три».

Мысль о том, что она нарушила одну из родительских заповедей, ужасала ее. Родители всегда ей доверяли, не хотелось их

разочаровывать. Тем более сейчас, когда папа обещал взять ее на охоту с луком и стрелами и даже маму уговорил это разрешить. Но потом девочка задумалась: как, где могла она провиниться?

Правило номер три: никогда не называть чужим своего имени.

Она не называла чужим своего нового имени, никто посторонний не мог узнать его, даже случайно. Еще и потому, что по меньшей мере пару месяцев они не видели никого, кто приближался бы к хутору. Они жили одни среди полей, два дня пути до ближайшего города.

Они в безопасности. Только втроем.

Правило номер четыре: никогда не приближаться к чужим и не позволять им приближаться к тебе.

Как же так получилось? Сам дом позвал ее, другого объяснения нет. Иногда балки потолка зловеще скрипели или мелодично стонали. Папа говорил, что дом проседает, давит на фундамент: так пожилая синьора, сев в кресло, время от времени ерзает, устраиваясь поудобнее. Засыпая, девочка слышала такой звук, и ей показалось, будто кто-то зовет ее по имени. Вот и все.

Сердце ее успокоилось, волнение улеглось. Она снова закрыла глаза. Сон беззвучно призывал следовать за ним в теплое местечко, где все расплывается и растворяется.

Девочка уже почти забылась, когда кто-то снова позвал ее.

На этот раз она подняла голову с подушки и, не спускаясь с кровати, взгляделась в темноту. Печь в коридоре давно прогорела. Холод подступал к постели, набрасывался, стоило вылезти из-под одеяла. Девочка окончательно проснулась.

Кто бы ни звал ее, он находился не в доме, а снаружи, в студеной зимней ночи.

Она поговорила со сквозняками, которые проникали под дверь и через щели в ставнях. Но в тишине, слишком глубокой, было не разобрать ни звука, только сердце отчаянно билось, как пойманная рыба в ведре.

Девочка подумывала, не спросить ли у мрака: «Кто ты?» Но боялась ответа. Или, возможно, уже знала его.

Правило номер пять: если чужой зовет тебя по имени, беги.

Девочка вскочила с постели. Но прежде, чем двинуться дальше, ощупью нашла тряпичную куклу с одним-единственным глазом, которая спала рядом, и прихватила с собой. Не зажигая ночник на

тумбочке, двинулась вслепую по комнате. Под легкими шагами ее босых ног поскрипывал дощатый пол.

Нужно предупредить маму и папу.

Она вышла в коридор. С лестницы, которая вела на верхний этаж, доносился запах дров, медленно тлеющих в камине. Девочка представила себе кухонный стол из оливкового дерева, еще уставленный тем, что они не доели вечером, справляя праздник. В торте из хлеба и сахара, который мама испекла в дровяной печи, не хватало ровно трех кусков. Десять свечек она задула с первого раза, сидя у папы на коленях.

По мере того как она приближалась к родительской спальне, счастливые воспоминания уступали место мрачным предчувствиям.

Правило номер два: чужие опасны.

Девочка видела своими глазами: чужие забирали людей, увозили их прочь от родных и любимых. Никто не знал, куда их везли и что там с ними делалось. Или ей никто ничего не рассказывал, ведь она еще маленькая, не способна понять. Одно она знала точно: увезенные не возвращались.

Никогда.

— Папа, мама... Там снаружи кто-то есть, — проговорила она сбивчиво, но все-таки уверенная, что теперь ее уже нельзя считать маленькой.

Папа проснулся первым, через мгновение — мама. И оба со всем вниманием прислушались к словам девочки.

— Что ты слышала? — допытывалась мама, а папа схватил электрический фонарь, который всегда лежал возле постели.

— Меня позвали, — ответила девочка с запинкой: боялась, что ее станут ругать за то, что она нарушила одно из пяти правил.

Но никто ей ничего не сказал. Папа включил фонарь, прикрывая его ладонью, чтобы луч немного рассеял темноту в комнате, но при этом чужие не догадались, что обитатели дома проснулись.

Родители больше ничего не спрашивали. Думали, верить ей или нет. Не потому, что подозревали, будто девочка сказала неправду: знали, что она никогда не стала бы лгать о таких вещах. Просто требовалось установить, связан ее рассказ с реальностью или же нет. Девочка сама бы очень хотела, чтобы все это ей пригрезилось.

Мама и папа насторожились. Но не двинулись с места. Сидели молча, чуть приподняв голову, вслушиваясь в темноту — как радиотелескопы из ее книжки по астрономии, которые вперяются в неизвестность, скрытую в небесах, надеясь, но одновременно и боясь уловить сигнал. Ведь, как объяснял отец, то, что мы не одни во вселенной, необязательно хорошая новость: «инопланетяне могут и не подружиться с нами».

Текли нескончаемые секунды абсолютного покоя. Только ветер раскачивал ветви облетевших деревьев, жалобно скрипел на крыше ржавый железный флюгер, и потрескивали доски старого сеновала — будто фыркали спящий на дне океана кит.

Звякнул металл.

Ведро упало на землю. Ведро из старого колодца, если точнее. Папа привязал его между двумя кипарисами. Одна из звуковых ловушек, которые он устраивал каждый вечер вокруг всего дома.

Ведро было подвешено недалеко от курятника.

Папа хотел что-то сказать, но не успел: мама прикрыла ему рот рукой. Она, наверное, хотела предположить, что к дому подобрался какой-нибудь ночной хищник, куница или лиса, необязательно кто-то из чужих.

— Собаки, — прошептал отец.

Девочке только сейчас это пришло в голову. Папа был прав. Если ведро уронила лиса или куница, сторожевые псы залаяли бы, поднимая тревогу. Коль скоро они молчали, тому находилось только одно объяснение.

Кто-то заставил их замолчать.

При одной мысли о том, что с ее лохматыми друзьями могло случиться что-то плохое, у девочки к глазам подступили жгучие слезы. Из всех сил она старалась не плакать: горе смешалось с внезапно накатившим страхом.

Родители просто переглянулись. Они уже знали, что делать.

Папа первым вылез из постели. Торопливо оделся, но обуваться не стал. Мама сделала то же самое, но, к изумлению девочки, улучив момент, когда папа смотрел в другую сторону, сунула руку под матрас, взяла оттуда какой-то маленький предмет и поспешно положила к себе в карман. Девочка не успела рассмотреть, что это было.

Поведение мамы ей показалось странным. Они с папой никогда не имели друг от друга секретов.

Прежде чем девочка смогла что-то спросить, мама дала ей второй фонарь, встала перед ней на колени и набросила ей на плечи одеяло.

— Помнишь, что нам сейчас нужно делать? — спросила она, пристально глядя девочке в глаза.

Девочка кивнула. Решимость в мамином взгляде и ей придала отваги. С тех пор как они поселились на заброшенном хуторке, все трое десятки раз отрабатывали процедуру, как это называл папа. До сегодняшней ночи ни разу не приходилось прибегать к ней.

— Крепче держи свою куклу, — велела мама, потом сжала ее маленькую ладошку в своей, горячей и сильной, и повела за собой.

Когда они спускались по лестнице, девочка на мгновение обернулась и увидела, как папа, вынув из чулана канистру, брызгает на стены верхнего этажа. Жидкость с резким запахом просачивалась сквозь щели в полу.

Внизу мама потащила ее в задние комнаты. Щепки впивались в босые ноги, девочка стискивала зубы, стараясь не вскрикивать от боли. Хотя могла и не стараться: поздно было скрывать свое присутствие. Там, снаружи, чужие уже все поняли.

Девочка слышала, как они окружают дом, готовясь войти.

Не в первый раз что-то или кто-то угрожал им в месте, которое они считали надежным. Но в конце концов им всегда удавалось избежать опасности.

Они с мамой прошли мимо стола из оливкового дерева, на котором оставался именинный торт с десятью задутыми свечками. Мимо эмалированной кружки, из которой она утром должна была бы пить молоко; мимо деревянных игрушек, которые папа для нее вырезал; мимо коробки с печеньем; мимо полок с книжками, которые они все вместе читали после ужина. Мимо всего, с чем они должны были попрощаться в очередной раз.

Мама подошла к камину, облицованному камнем. Пошарила в дымоходе. Нащупала конец железной цепи, почерневшей от копоти. Потянула на себя изо всей силы, и звенья стали наматываться на блок, закрепленный под крышей дома. Одна из известняковых плит под очагом начала сдвигаться. Но она была слишком тяжелая, без папы не справиться. Он и придумал такое приспособление. Так почему же

медлит, не присоединяется к ним? От неожиданного сбоя в процедуре стало еще страшнее.

— Помоги мне, — велела мама.

Девочка схватилась за цепь, они стали тянуть вместе. В спешке мама задела локтем глиняную вазу, стоявшую на каминной полке. Они смотрели, не в силах этому помешать, как ваза падает на пол, разбивается. Отголосок глухого удара прокатился по всем комнатам дома. Через миг раздался громкий стук во входную дверь. Стук этот достиг их слуха как предупреждение.

Мы знаем, что вы там. Знаем, где вы. Мы пришли, чтобы забрать вас.

Мать и дочь еще энергичнее стали дергать цепь. Камень под очагом сдвинулся на достаточное расстояние. Мама высветила фонарем деревянную лесенку, которая вела в подпол.

Удары в дверь участились.

Они с мамой повернули голову к коридору и наконец увидели папу: тот нес в руках две бутылки, вместо крышек заткнутые мокрыми лоскутами. Раньше, в лесу, девочка видела, как отец поджег одну такую бутылку и бросил в засохшее дерево, которое моментально вспыхнуло.

Чужие бились во входную дверь; к великому изумлению всех троих, петли, на которых она держалась, начали выламываться из стены, а четыре засова, ее скреплявшие, все сильнее выгибались с каждым ударом.

В единый миг они поняли, что эта последняя преграда не сможет надолго сдержать нападавших.

Папа посмотрел на маму и дочку, потом на дверь, потом снова на них. На процедуру не оставалось времени. Тогда, недолго думая, он сделал им знак, мотнув головой, и в то же самое время одну из бутылок поставил на пол, но только затем, чтобы вытащить из кармана зажигалку.

Дверь с грохотом сорвалась с петель.

Пока оружие тени перепрыгивали через порог, папа бросил последний взгляд на них с мамой — на обеих вместе, словно заключая в объятие. Столько в эти секунды скопилось в глазах отца любви, сострадания и горечи, что боль прощания осталась сладостной навсегда.

Поджигая лоскут, папа слегка улыбнулся, только им двоим. Потом бросил бутылку и вместе с тенью исчез в пламени. Больше девочка ничего не видела, потому что мама толкнула ее в отверстие под камином и пошла следом, держась за конец цепи.

Затаив дыхание, спотыкаясь на каждом шагу, они спустились по деревянным ступенькам. Сверху донесся приглушенный грохот нового взрыва. Неразборчивые крики, топот. Сойдя вниз, в сырой подпол, мама отпустила цепь, чтобы механизм сработал, и каминная плита над ними закрылась. Но что-то где-то застопорилось, и осталась широкая щель. Мама дергала и тянула, пытаясь разблокировать шкив. Безрезультатно.

Согласно процедуре, семья должна была укрыться здесь, внизу, пока дом горел над их головами. Чужие могли испугаться и убежать или поверить, что все семейство погибло в огне. По плану, когда шум наверху утихнет, они с мамой и папой снова сдвинут каменную плиту и выберутся на поверхность.

Но что-то пошло не так. *Все* пошло не так. Прежде всего, папы не было с ними, и потом, проклятая плита закрылась не полностью. А наверху все уже полыхало. Дым заползал в щель, выкуривая их. Но из тесного подпола было не выбраться.

Мама потащила ее в самый дальний конец. В нескольких метрах от них в холодной земле под кипарисом был похоронен Адо. Они должны были вырыть его и унести с собой. Но им и самим теперь не убежать.

Мать сняла одеяло с ее плеч и спросила:

— Ты в порядке?

Девочка вся дрожала, прижимая к груди тряпичную куклу с одним-единственным глазом, но все же кивнула.

— Теперь послушай меня, — продолжала мать. — Сейчас ты должна быть очень храброй.

— Мама, мне страшно, я не могу дышать, — сказала девочка и закашлялась. — Давай выйдем отсюда, прошу тебя.

— Ты ведь знаешь, что, если мы выйдем, чужие заберут нас. Ты этого хочешь? — спросила она с упреком. — Мы принесли столько жертв, чтобы этого не случилось, а теперь должны сдаться?

Девочка подняла глаза к потолку. Чужих уже было слышно, чужие находились в нескольких метрах: пытались потушить огонь, чтобы

добраться до них и увезти с собой.

— Я соблюдала все правила, — рыдая, оправдывалась девочка.

— Знаю, милая, — утешала ее мама, гладила по щеке.

Над ними дом голосов, охваченный пламенем, стонал, словно раненый исполин. От этого разрывалось сердце. Через неплотно прилегающую известняковую плиту теперь проникал густой черный дым.

— У нас осталось немного времени, — объявила мама. — Но есть еще способ уйти...

Она сунула руку в карман и что-то оттуда вынула. Тайный предмет, который она прятала даже от папы, оказался стеклянным пузырьком.

— По глотку каждой.

Мама вытащила из горлышка пробку и протянула девочке пузырек.

Та заколебалась.

— Что это?

— Не спрашивай, пей.

— И что будет после? — спросила она в испуге.

— Это водичка для забывания... Мы заснем, а когда проснемся, все будет кончено.

Но девочка не верила ей. Почему эта вода не упоминалась в процедуре? Почему папа о ней ничего не знал?

Мама схватила ее за плечи, встряхнула.

— Какое правило номер пять?

Девочка не понимала, зачем сейчас вспоминать правила.

— Правило номер пять, быстро, — настаивала мать.

— Если чужой зовет тебя по имени, беги.

— Номер четыре?

— Никогда не приближаться к чужим и не позволять им приближаться к тебе, — отвечала девочка голосом, уже прерывающимся от плача. — Третье правило: никогда не называть чужим своего имени, но я не называла, честное слово, — вдруг стала она оправдываться, вспомнив, с чего все началось этой ночью.

Голос мамы смягчился:

— Давай второе правило.

Девочка, через секунду:

— Чужие опасны.

— Чужие опасны, — очень серьезно повторила мать. Потом поднесла пузырек к губам и отпила глоток. Снова протянула девочке. — Люблю тебя, моя милая.

— И я люблю тебя, мама.

Девочка посмотрела матери в глаза. Потом перевела взгляд на пузырек в ее руке. Взяла его и уже без колебаний проглотила все, что там оставалось.

Правило номер один: доверять только маме и папе.

Для ребенка семья — самое надежное место в мире. Или самое опасное.

Пьетро Джербер старался никогда об этом не забывать.

— Ну что, Эмильян, не расскажешь мне о кладовке?

Шестилетний мальчик с кожей тонкой до прозрачности, похожий от этого на привидение, по-прежнему молчал. Даже не поднял взгляда от крепости из разноцветных кубиков, которую они строили вместе. Джербер его не торопил, терпеливо продолжая прибавлять кирпичики к стенам. Опыт ему подсказывал, что Эмильян сам найдет подходящий момент, чтобы заговорить.

Каждый ребенок живет в своем времени, любил повторять Джербер.

Вот уже минут сорок он сидел по-турецки перед Эмильяном на паласе всех цветов радуги в комнате без окон, которая находилась на третьем этаже дворца четырнадцатого века, расположенного на улице делла Скала, в историческом центре Флоренции.

С самого начала здание предназначалось для благотворительных целей, служило «приютом для беспризорных мальчиков», то есть для детей, брошенных семьями, слишком бедными, чтобы их содержать, а также незаконнорожденных, сирот и подростков, уличенных в какой-то противоправной деятельности.

Со второй половины девятнадцатого века во дворце обосновался суд по делам несовершеннолетних.

Строение представляло почти безликим, терялось на фоне блистательных зданий, окружающих его, самым абсурдным образом сосредоточенных на немногих квадратных километрах, что и превращает Флоренцию в один из красивейших городов мира. Но и его, это строение, нельзя было счесть заурядным. Во-первых, в связи с его назначением: изначально здесь находилась церковь. Во-вторых, благодаря сохранившейся фреске Боттичелли, изображающей Благовещение^[1].

В-третьих, благодаря игровой комнате.

Кроме кубиков, которыми занялся Эмильян, там были кукольный домик, железная дорога, разные машинки, гоночные и грузовые, лошадка-качалка, игрушечная кухня, чтобы понарошку готовить всякую вкуснятину, и вдобавок великое изобилие плюшевых зверушек. Имелся там и низенький столик с четырьмя стульчиками, и все необходимое для рисования.

Но то была чистой воды фикция, ибо все на этих двадцати квадратных метрах служило тому, чтобы скрыть истинное назначение места.

Игровая комната со всех точек зрения представляла собой зал суда.

Одну из стен занимало огромное зеркало, за которым скрывались судья и представитель обвинения, а также обвиняемые и их защитники.

Такая планировка была задумана, чтобы не повредить психике маленьких потерпевших, которые должны были дать показания с минимальным ущербом для себя. Чтобы малышу было легче облечь свой опыт в слова, каждый предмет в этой комнате, избранный и продуманный детскими психологами, играл определенную роль в пересказе или в интерпретации фактов.

Дети часто выбирали плюшевого мишку или куклу и во время рассказа брали на себя роль своих мучителей и обращались с игрушками так же, как взрослые обращались с ними. Иные предпочитали не говорить, а рисовать, иные сочиняли сказки, куда вплеталось повествование о том, что им довелось перенести.

Но иногда дети откровенничали невольно, на подсознательном уровне.

Именно поэтому с постеров, развешенных по стенам, за играми маленьких гостей следили не только веселые сказочные персонажи, но и скрытые камеры. Каждое слово, жест, особенность поведения фиксировались, чтобы служить доказательством при вынесении приговора. Но глаза электроники были не в состоянии уловить некоторые оттенки. Детали, которые Пьетро Джербер научился безошибочно различать только к тридцати трем годам.

Продолжая вместе с Эмильяном строить крепость из цветных кубиков, он пристально изучал мальчика, в надежде уловить малейший знак того, что ребенок вот-вот раскроется.

В помещении поддерживалась температура в двадцать три градуса, лампы на потолке излучали голубоватый свет, а метроном в глубине отбивал ритм сорок ударов в минуту.

Наиболее благоприятная атмосфера для полной релаксации.

Если у Джербера спрашивали, кто он по профессии, он никогда не отвечал: «детский психолог, специалист по гипнозу». Употреблял выражение, заимствованное у того, кто научил его всему, и наилучшим образом обозначающее смысл его усилий.

Улеститель детей.

Джербер отдавал себе отчет в том, что многие считают гипноз чем-то вроде алхимии, с помощью которой можно манипулировать чужим разумом; полагают, что человек под гипнозом не контролирует себя и свое сознание, находясь во власти гипнотизера, который может заставить его сказать или сделать что угодно.

На самом деле, это всего лишь техника, призванная помочь людям, пребывающим в растерянности, вновь обрести связь с самими собой.

Никакой потери контроля, никакого отключения сознания — маленький Эмильян играет, как всегда: вот и доказательство. Благодаря гипнозу уровень бодрствования понижается, пока не исчезнут помехи внешнего мира: исключая всякое стороннее вмешательство, гипноз помогает углубиться в себя.

Но Джербер в своей работе преследовал и более конкретную цель: научить детей наводить порядок в их еще такой хрупкой памяти, колеблющейся между игрой и реальностью, и отличать правду от того, что таковой не является.

Между тем время, выделенное для сеанса с Эмильяном, истекало, и эксперт мог представить себе, как хмурится Бальди, судья по делам несовершеннолетних, стоящая за зеркалом вместе с остальными. Она назначила психолога консультантом по этому делу, она же давала инструкции по поводу вопросов, какие следует задать ребенку. Перед Джербером стояла задача определить лучшую стратегию, направленную на то, чтобы побудить Эмильяна снабдить их именно данной конкретной информацией. Если ничего не получится в ближайшие десять минут, придется перенести слушание дела на другое число. Психолог, однако, не хотел сдаваться: они встречались

уже в четвертый раз, наметилось некое продвижение вперед, крохотными шажками, но не настоящий прогресс.

Эмильян — мальчик-привидение — должен был повторить в зале суда то, что однажды неожиданно выложил школьной учительнице. Но с тех пор он ни разу не упомянул «историю с кладовкой», и в этом состояла проблема.

Нет истории — нет доказательств.

Прежде чем признать неудачной и эту попытку, гипнотизер решил применить крайнюю меру.

— Не хочешь говорить о кладовке — я с тобой не играю, — сказал он и, не дожидаясь реакции малыша, прекратил строить крепость. Мало того, взял несколько кубиков и стал возводить другое здание, рядом.

Эмильян это заметил и, оторопев, уставился на взрослого.

— Я рисовал у себя в комнате, когда услышал считалочку... — наконец проговорил он еле слышно, опустив глаза.

Джербер не выказал никакой реакции, ждал, что он скажет дальше.

— О любопытном мальчишке. Знаешь ее? — Эмильян повторил нараспев. — Вот любопытный мальчишка — в двери отодвинул задвижку — в темноте крошечной — голос слышится нежный — лукавое привидение — заманивает вареньем — любопытному мальчишке хочет разорвать штанишки.

— Знаю, — признал психолог, продолжая играть как ни в чем не бывало, разговор, дескать, как разговор, ничего особенного.

— Я пошел посмотреть, откуда это слышится...

— И что обнаружил?

— Это слышалось из кладовки.

Джерберу впервые удалось вывести Эмильяна за пределы игровой комнаты: теперь они находились в доме, где жил ребенок. Нужно было продержаться там как можно дольше.

— Ты пошел посмотреть, кто там, в кладовке? — спросил гипнотизер.

— Да, я пошел вниз.

Такое признание Эмильяна было важно. В награду психолог протянул ему кубик, позволяя участвовать в строительстве новой крепости.

— Там, наверное, темно. Тебе не страшно было идти вниз одному? — Психолог не спрашивал, утверждал, в первый раз проверяя надежность показаний маленького свидетеля.

— Нет, — ответил мальчик без малейшего колебания. — Там горел свет.

— И что ты там увидел?

Снова колебание. Джербер перестал передавать кубики.

— Дверь не была закрыта на ключ, как всегда бывает, — продолжал мальчик. — Мама говорит, что я не должен ее открывать, что это опасно. Но в тот раз дверь была приоткрыта. Можно было увидеть, что там внутри...

— Ты подглядывал?

Малыш кивнул.

— Разве ты не знаешь, что подглядывать некрасиво?

Такой вопрос мог привести к непредсказуемым последствиям. Услышав упрек, Эмильян мог замкнуться в себе и перестать рассказывать. Но чтобы получить неопровержимые доказательства, Джербер должен был рискнуть. Ребенок, который не в состоянии понять предосудительность собственных действий, не может считаться надежным свидетелем, когда дело касается действий других людей.

— Знаю, но тогда я забыл, что подглядывать некрасиво, — стал оправдываться малыш.

— И что ты увидел в кладовке?

— Там были люди... — только и сказал мальчик.

— Дети?

Эмильян покачал головой.

— Значит, взрослые.

Мальчик кивнул.

— И что они делали? — подстегнул его психолог.

— Они были без одежды.

— Как в бассейне или на море или как под душем?

— Как под душем.

Эта информация представляла собой значительный прогресс в показаниях: для детей нагота взрослых — табу. Но Эмильян преодолел препятствие, перестал стесняться.

— На них были маски, — добавил он, хотя Джербер больше ничего не спрашивал.

— Маски? — притворился изумленным психолог, которому была известна история, пересказанная учительницей Эмильяна. — Какие маски?

— Из пластика, с резинкой сзади, которые закрывают лицо, — пояснил малыш. — Животные.

— Животные? — переспросил психолог.

Мальчик начал перечислять.

— Кот, овца, свинья, филин... и волк, да, волк там тоже был, — выпалил он единым духом.

— Почему они были в масках, как ты думаешь?

— Они играли.

— Во что они играли? Ты знаешь такую игру?

Ребенок на мгновение задумался.

— Делали штуки из интернета.

— Штуки из интернета?... — Джербер хотел, чтобы Эмильян выразился точнее.

— У Лео, моего школьного друга, есть старший брат, ему двенадцать лет. Однажды брат Лео показал нам видео в интернете, там все были голые и как-то странно обнимались и странно целовались.

— Тебе понравилось то видео?

Эмильян поморщился:

— А потом брат Лео велел хранить секрет, потому что это игра для взрослых.

— Понятно, — нейтральным тоном проговорил психолог, избегая оценивать сказанное. — Ты очень храбрый, Эмильян, я бы на твоём месте до смерти перепугался.

— Мне не было страшно, потому что я их знал.

Психолог сделал паузу: наступил самый деликатный момент.

— Ты знал, кто были эти люди в масках?

На миг забыв о крепости, мальчик-привидение поднял взгляд на зеркальную стену. За этим стеклом пять человек молча ждали его ответа.

Кот, овца, свинья, филин. И волк.

Джербер знал, что в данный момент он не должен помогать Эмильяну. Надеялся только, что малыш, опираясь на опыт, накопленный за шесть лет жизни, найдет в себе мужество назвать по именам участников кошмара.

— Папа, мама, дедушка, бабушка. И отец Лука.

Для ребенка семья — самое надежное место в мире. Или самое опасное, повторил про себя Пьетро Джербер.

— Хорошо, Эмильян. теперь мы с тобой вместе посчитаем в обратном порядке. Десять...

Закончив сеанс, Джербер проверил сотовый телефон, у которого был отключен звук, и обнаружил только один звонок, с неизвестного номера. Пока он раздумывал, следует ли перезвонить, Бальди напустилась на него с вопросом:

— Что ты об этом думаешь?

Судья даже не дождалась, пока Джербер закроет за ними дверь. Скорее всего, сомнения мучили ее с того самого момента, когда Эмильян высказался до конца.

Психолог прекрасно знал, насколько судье не терпится поделиться с ним впечатлением от этих свидетельских показаний. Но корень вопроса был в другом.

Сказал ли Эмильян правду?

— У детей пластичный ум, — заговорил эксперт. — Иногда они создают ложные воспоминания, но это необязательно выдумки: дети искренне убеждены, что пережили то или иное событие, даже совершенно абсурдное. У них настолько живая фантазия, что самые странные вещи им кажутся настоящими, но настолько еще незрелая, что не позволяет отличить реальное от воображаемого.

Очевидно, для Бальди такого объяснения было недостаточно.

Перед тем как сесть за стол, она направилась к окну и распахнула его настежь, будто в разгаре лета, хотя стояло зимнее утро, холодное и хмурое.

— По одну сторону у меня молодая пара приемных родителей, которые долго стремились к тому, чтобы им доверили ребенка; заботливые дедушка с бабушкой, способные порадовать любого внука, и священник, который уже много лет бьется за то, чтобы вырывать несовершеннолетних, таких как Эмильян, из невыносимых условий и обеспечивать им будущее, полное любви... По другую — этот очаровашка, этот живчик, который нам рассказывает о какой-то святотатственной языческой оргии.

Под сарказмом судья скрывала разочарование, и Джербер понимал, что ее выбило из колеи.

Эмильян родился в Белоруссии, гипнотизер читал и перечитывал его личное дело. Согласно документам, в два с половиной года его забрали из семьи, где ребенок подвергался дурному обращению во всех его видах. Мама с папой забавлялись, испытывая волю ребенка к тому, чтобы пребывать в этом мире, этакая игра на выживание. Целыми днями его оставляли голодным, плачущим, барахтающимся в собственных экскрементах. К счастью, напомнил себе Джербер, у детей до трех лет нет памяти. Но естественно, где-то в мозгу Эмильяна запечатлелось что-то от бывшего заточения.

Отец Лука нашел его в каком-то приюте и сразу выделил среди остальных детей: Эмильян отставал в развитии и с трудом говорил. Священник, возглавлявший ассоциацию по заочному усыновлению, активно действовавшую на территории бывшего Советского Союза, нашел для мальчика семью, молодую супружескую пару из своих прихожан; после бесконечных и дорогостоящих бюрократических процедур тем наконец удалось забрать ребенка в Италию.

Прожив год в счастливой семье, Эмильян догнал своих сверстников и уже довольно бегло говорил по-итальянски. Но когда, казалось бы, все устроилось как нельзя лучше, у него проявились симптомы ранней анорексии.

Отказываясь от еды, он превратился в мальчика-привидение.

Приемные родители водили его от одного врача к другому, не скупясь на расходы, но никто не был в силах ему помочь. Врачи, однако, сходились на том, что источник столь серьезных нарушений питания следует искать в прошлом ребенка, когда он был заброшен и подвергался дурному обращению.

Несмотря на бессилие врачей, родители не сдались. Приемная мать даже оставила работу, чтобы полностью посвятить себя сыну. При таком положении вещей не было ничего удивительного в том, что судью Бальди крайне огорчало очередное несчастье, обрушившееся на женщину и ее мужа.

— Не думаю, что у нас есть альтернатива, — заметил Джербер. — Мы должны продолжать работу и выслушать все, что имеет нам сказать Эмильян.

— Не знаю, захочется ли мне опять торчать за зеркалом и слушать его, — с оттенком горечи проговорила судья. — Когда ты маленький, у тебя нет выбора: ты любишь тех, кто произвел тебя на свет, даже если

они причиняют тебе зло. Прошное Эмильяна в Белоруссии — черная дыра, зато теперь его положение кардинальным образом изменилось, и он обнаружил, что располагает мощным оружием: любовью своей новой семьи. И безнаказанно обращает эту любовь против них самих, точно как его настоящие родители поступали с ним. И только затем, чтобы испытать, каково это — быть тем, кто мучает.

— Жертва становится палачом, — согласился Джербер, который по-прежнему стоял перед столом судьи, совершенно окоченевший.

— Вот именно. — Судья потрясла пальцем перед лицом психолога, подчеркивая, что тот добрался-таки до сути дела. Ей явно требовалось выплеснуть свои чувства.

Анита Бальди была первой из представителей правосудия, с кем Джербер познакомился, когда только прокладывал себе путь в профессии, собственно, поэтому она так запросто и обращалась с ним. Эксперт, однако, никогда бы не посмел держать себя с ней так же. За годы знакомства он научился терпеть нотации и изливания чувств: Бальди, наверное, была самой справедливой, самой сострадательной из всех, с кем он имел дело в этой среде. Ей оставалось несколько месяцев до пенсии; замужем она никогда не была и всю свою жизнь посвятила самоотверженной заботе о детях, которых у нее самой не было. На стене за ее спиной висели рисунки, подаренные ребятами, проходившими через эти мрачные комнаты. На столе громоздились папки с судебными делами, а между ними сверкали россыпи разноцветных карамелек.

Среди множества папок лежала и папка с делом Эмильяна. При взгляде на нее Джербер подумал, что для мальчика-привидения было, увы, недостаточно сменить страну, имя и город, чтобы обрести также и новую жизнь. Вот почему на этот раз Анита Бальди ошибалась.

— Все не так просто, — заявил детский психолог. — Боюсь, за этим кроется что-то еще.

Услышав это, судья подалась вперед.

— Что заставляет тебя так думать?

— Вы заметили, в какой момент мальчик взглянул на зеркало? — спросил Джербер; интуиция подсказывала ему, что у Бальди не найдется этому объяснения.

— Да, и что?

— Несмотря на состояние легкого транса, Эмильян знал, что кто-то смотрит на него с той стороны.

— Полагаешь, он нас раскусил? — изумилась судья. — Тогда еще более вероятно, что он все выдумал, — с удовлетворением заключила она.

Но у Джербера на этот счет сложилось твердое убеждение.

— Эмильян хотел, чтобы мы были там, и хотел также, чтобы там была его новая семья.

— Зачем?

— Пока не знаю, но выясню.

Судья обдумала точку зрения Джербера.

— Если Эмильян солгал, он это сделал с какой-то определенной целью. То же самое — если сказал правду, — подытожила она, уловив наконец смысл, заключенный в словах психолога.

— Доверимся ему, посмотрим, куда он хочет нас привести своим рассказом, — предложил Джербер. — Возможно, за этим ничего не последует и он начнет сам себе противоречить, или же это направлено к чему-то, чего мы пока не постигаем.

Ждать оставалось недолго: делам, касавшимся несовершеннолетних, быстро давали ход, и следующий сеанс должен был состояться уже через неделю.

За окном раздался раскат грома. Над городом собиралась гроза, и даже с четвертого этажа можно было слышать возгласы туристов, которые бежали по улице делла Скала, ища, где укрыться.

Надо бы уйти поскорее, чтобы не попасть под дождь, заволновался Пьетро Джербер, хотя его центр находился в нескольких кварталах от здания суда.

— Если это все... — сказал он и сделал шаг к двери, в надежде, что судья распрощается с ним. Но Бальди сменила тему:

— Как там твоя жена, сын?

— Хорошо, — с явным нетерпением отозвался Пьетро.

— Держись за свою супругу, береги ее. Сколько исполнилось Марко?

— Два года. — Джербер глаз не сводил с того, что творилось за окном.

— Знаешь, я ведь вижу, что дети доверяют тебе, — продолжала судья, вновь возвращаясь к делу Эмильяна. — Ты не только

побуждаешь их раскрыться, они с тобой чувствуют себя в безопасности. — Потом наступила пауза, полная сдержанной скорби.

«Почему в каждый наш разговор вклинивается пауза, полная сдержанной скорби?» — спросил себя Джербер. Этот краткий миг молчания служил прелюдией к хорошо ему известной фразе.

В самом деле, судья добавила:

— Он бы гордился тобой.

При упоминании, пусть косвенном, *синьора Б.* Джербер напрягся.

К счастью, в этот момент в кармане у него зазвонил сотовый. Джербер вытащил его, посмотрел на дисплей. Тот же номер, с которого звонили во время сеанса. Наверное, кто-то из родителей или опекунов кого-нибудь из его юных пациентов, подумал он. Но заметил, что у номера международный код. Скорее всего, какое-нибудь занудство — колл-центр с очередным «предложением, от которого нельзя отказаться». Так или иначе, это великолепный предлог, чтобы распрощаться.

— Если не возражаете. — Пьетро показал сотовый, намекая, что звонок деловой.

— Конечно-конечно, иди. — Бальди наконец отпустила его движением руки. — Передавай привет жене и поцелуй за меня Марко.

Джербер мчался по лестнице стремглав, надеясь добежать до своего центра, прежде чем разразится гроза.

— Как вы сказали, простите? — кричал он в трубку.

Помехи, разряды — связь была очень плохая. Определенно тому виной толщина стен старинного дворца.

— Погодите, я не слышу вас, — твердил он, прижимая к уху мобильник.

Джербер переступил порог и оказался на улице в тот самый миг, когда обрушился ливень. Его тут же затянуло в водоворот прохожих, спасающихся от апокалипсиса. Подняв воротник поношенного плаща фирмы «Burberry» и закрывая рукой свободное ухо, он силился понять, чего хочет от него женский голос.

— Я говорю, меня зовут Тереза Уолкер, мы с вами коллеги, — повторила женщина по-английски, но с акцентом, какого психолог еще не слышал. — Я звоню из Аделаиды, это в Австралии.

Джербер изумился, осознав, что ему звонят буквально с другого конца планеты.

— Чем могу быть полезен вам, доктор Уолкер? — спросил он, ускоряя шаг под яростными потоками воды.

— Я нашла ваш телефон на сайте Всемирной ассоциации психического здоровья, — объяснила женщина свой звонок. — Хочу предложить вашему вниманию один случай.

— Если вы согласны немного подождать, я через пятнадцать минут буду у себя в центре, и вы мне все как следует объясните. — Перепрыгнув через лужу, Джербер свернул в переулок.

— Я не могу ждать, — встревожилась Уолкер. — Она уже едет.

— *Кто* едет? — осведомился психолог. Но не успел он задать вопрос, как его охватило предчувствие.

И ливень припустил со всей силы.

Змеящаяся дрожь.

Джербер не мог по-другому определить это скользкое, маслянистое, понемногу охватывающее его ощущение. Может быть, поэтому укрылся в одной из многих подворотен проулка.

Нужно было вникнуть в ситуацию.

— Что вы знаете о СА? — продолжала Уолкер.

СА, или селективная амнезия.

Джербер по-прежнему недоумевал. Эту тему усиленно обсуждали, вопрос был спорным. Для одних психологов речь шла о расстройстве, которое трудно диагностировать, другие наотрез отказывались признавать, что такая вообще существует.

— Немного, — признался он, и это была правда.

— Но вы сами как относитесь к такому феномену?

— Скептически, — заявил он. — Мой профессиональный опыт показывает, что невозможно исключить из памяти *отдельные воспоминания*.

Приверженцы противоположной теории, наоборот, считали, что речь идет о механизме самозащиты, который психика запускает на подсознательном уровне. Чаще всего такое происходит в детстве. Сироты, попавшие в новые семьи, внезапно забывают, что они приемные; дети, получившие серьезные травмы или подвергавшиеся дурному обращению, полностью стирают из памяти пережитое. Однажды и сам Джербер столкнулся с подобным случаем: ребенок присутствовал при том, как отец убил мать, а потом покончил с собой. Через несколько лет психолог снова встретил этого мальчика: он учился в средней школе и был убежден, что его родители умерли естественной смертью. И все же одного эпизода недостаточно, чтобы Джербер поменял точку зрения.

— Я тоже думала, что такое невозможно, — неожиданно согласилась с ним доктор Уолкер. — Если предположить, что селективная амнезия существует, она не связана с физиологическими причинами вроде повреждения мозга. Шоком ее тоже нельзя

объяснить, ведь она проявляется, когда травмирующее событие уже давно произошло.

— Я бы сказал, здесь скорее подавление, результат свободного выбора, — развил ее мысль Джербер. — Вот почему было бы неправильно говорить об амнезии.

— Но вопрос в том, можно ли забывать *выборочно*, — продолжала Уолкер, — так, будто психика решает сама для себя, что пережить травму можно, только изо всех сил ее отрицая: она прячет от нас этот тяжелый груз с единственной целью — позволить нам двигаться вперед.

Многие сочли бы благословением способность забывать неприятности, подумал Джербер. Такова и химерическая цель любой фармакологической индустрии: найти таблетку, которая помогла бы нам забыть самые мрачные эпизоды нашей жизни. Но гипнотизер считал, что события, которые с нами происходят, даже самые неприятные, делают нас такими, какие мы есть. Составляют часть нашей личности, хотя мы и делаем все, чтобы их забыть.

— У детей, которым вроде бы поставили диагноз СА, детские воспоминания вернулись и спонтанно вышли на поверхность, когда они стали взрослыми, — напомнил психолог. — А последствия внезапного возвращения памяти всегда непредсказуемы и зачастую причиняют вред.

Последний довод Уолкер выслушала со всем вниманием и ничего не возразила.

— Но к чему все эти вопросы? — под шум дождя осведомился Пьетро Джербер, укрывшийся в подворотне. — Что за странный случай вы хотели предложить моему вниманию?

— Несколько дней назад женщина по имени Ханна Холл явилась во мне в кабинет, чтобы подвергнуться лечению гипнозом: первоначальной целью было упорядочить мучительные воспоминания. Однако во время первого сеанса кое-что произошло...

Уолкер надолго замолчала. Джербер понял: она ищет подходящие слова, дабы объяснить, что именно ее взволновало.

— За долгие годы практики мне никогда не доводилось присутствовать при подобной сцене, — заговорила доктор Уолкер, опытный профессионал, будто в чем-то оправдываясь. — Сеанс начался как нельзя лучше: пациентка поддавалась гипнозу, шла на

контакт. И вдруг принялась кричать. — Она запнулась, ей было трудно рассказывать дальше. — У нее внезапно всплыло воспоминание об убийстве, которое произошло, когда она была еще ребенком.

— Не понимаю, почему вы не убедили ее обратиться в полицию, — вмешался Джербер.

— Ханна Холл не рассказала, как произошло преступление, — уточнила коллега. — Но я убеждена, что оно совершилось на самом деле.

— Пусть так, но почему вы препоручаете это дело мне?

— Потому что жертва похоронена в Италии, где-то среди тосканских полей, и никто так и не узнал о случившемся, — заявила Уолкер. — Ханна Холл полагает, что вытеснила из памяти произошедшее, поэтому едет туда: хочет вспомнить, что на самом деле случилось.

Ханна Холл едет во Флоренцию. Еще не зная ее, Джербер насторожился.

— Простите, мы говорим о взрослой женщине, верно? — перебил он собеседницу. — Вы ошиблись, доктор: вам следует позвонить кому-то другому, ведь я детский психолог.

У Джербера не было намерения обидеть коллегу, но он по непонятной причине чувствовал себя неловко.

— Эта женщина нуждается в помощи, а я отсюда ничего не могу сделать, — продолжала Тереза Уолкер как ни в чем не бывало, даже не замечая его попыток отвертеться. — Мы не можем игнорировать ее рассказ.

— *Мы?* — Джербер остолбенел: он-то каким образом к этому причастен?

— Вы не хуже меня знаете, что не рекомендуется прерывать лечение гипнозом, — настаивала собеседница. — Что это может серьезно повредить психику.

Он это знал и понимал, что ситуация чревата нарушением медицинской этики.

— Моим пациентам самое большее двенадцать-тринадцать лет, — защищался Джербер.

— Ханна Холл утверждает, что убийство произошло до того, как ей исполнилось десять. — Уолкер стояла на своем, вовсе не собираясь сдаваться.

— А вдруг она мифоманка, вы не рассматривали такую возможность? — предположил Джербер, упорно не желавший иметь ничего общего с этой историей. — Настоятельно советую обратиться к психиатру.

— Она уверяет, что жертва — мальчик по имени Адо.

Фраза повисла в воздухе посреди плеска дождя. У Пьетро Джербера больше не было сил бороться.

— Может быть, невинное дитя, погребенное неизвестно где, заслуживает того, чтобы мы узнали правду, — спокойно продолжала коллега.

— Что я должен сделать? — сдался психолог.

— У Ханны нет никого в целом мире: представляете, она даже не пользуется сотовой связью. Но она обещала, что, приехав во Флоренцию, меня об этом оповестит; когда это произойдет, я направлю ее к вам.

— Да, но что я должен сделать? — повторил Джербер свой вопрос.

— Выслушать ее, — просто ответила Уолкер. — Внутри этой взрослой женщины живет девочка, которая хочет выговориться: кто-то должен войти с ней в контакт и выслушать ее.

Знаешь, я ведь вижу, что дети доверяют тебе.

Так недавно сказала судья Бальди.

Ты не только побуждаешь их раскрыться, они с тобой чувствуют себя в безопасности... Он бы гордился тобой.

Синьор Б. ни за что бы не отступил.

— Доктор Уолкер, вы уверены, что через столько лет есть смысл возвращаться к этому? Даже если под гипнозом получится извлечь из памяти вашей пациентки воспоминание о том, что случилось с Адо, оно уже будет замутнено временем и пережитым опытом, искажено событиями последующей жизни.

— Ханна Холл говорит, что знает, кто убил ребенка, — перебила его Уолкер.

Джербер запнулся. Снова возникло неприятное ощущение, такое же как в начале разговора.

— И кто же? — выдавил он через силу.

— Она сама.

Как выглядит девочка, убившая ребенка? Согласившись заняться этим странным случаем, Пьетро Джербер долго задавал себе этот вопрос.

Он впервые увидел эту девочку, принявшую вид взрослой женщины, в восемь часов серого зимнего утра: Ханна Холл сидела на ступеньке, посередине последнего пролета лестницы, ведущей к площадке, на которую выходила дверь его центра.

Улеститель детей — насквозь промокший плащ «bugberry», руки в карманах — застыл как вкопанный, глядя на хрупкую женщину, которую никогда не видел, но которую тотчас же узнал.

Ханну озарял слабый свет из окна, Джербер же оставался в тени. Женщина не заметила его появления. Она смотрела наружу, на густой, мелкий дождик, падающий на улицу Черки, на еле видную издалека площадь Синьории.

Джербер, удивляясь сам себе, не мог оторвать от нее взгляда. Незнакомка вызвала у него необычайное любопытство. Их разделяло несколько ступенек, он, протянув руку, мог дотронуться до длинных белокурых волос, стянутых в хвост простой эластичной резинкой.

У него возникло странное желание приласкать ее — из-за внезапно вспыхнувшего чувства острой жалости.

Черный свитер с высоким воротом был ей явно велик и доходил до бедер. Черные джинсы, черные сапожки на невысоком каблуке. Черную сумку на длинном ремешке Ханна Холл держала у себя на коленях.

Джербер удивился, что при ней нет пальто или другой теплой одежды. Определенно, как многие иностранцы, она не представляла, как холодно бывает здесь в это время года. Кто знает, почему все думают, что в Италии вечное лето.

Ханна сидела сторбившись, сплетя руки на животе, зажав сигарету в пальцах правой, которые едва виднелись из-под слишком длинного рукава. Окутанная легким облачком дыма, она была погружена в свои мысли.

Психологу было достаточно одного взгляда, чтобы все о ней понять.

Тридцать лет, одежда заурядная, вид неухоженный. Черный цвет выбран, чтобы оставаться незаметной. Легкая дрожь в руках — побочный эффект лекарств, которые она принимала, психотропных или антидепрессантов. Обкусанные ногти и поредевшие брови говорили о непроходящем тревожном состоянии. Бессонница, головокружения, время от времени панические атаки.

Для такой патологии не имелось названия. Но психолог видел десятки людей, подобных Ханне Холл: у всех был такой вид, будто через мгновение они провалятся в бездну.

Тем не менее Пьетро Джербер был не вправе лечить взрослую женщину, это не входило в его компетенцию. Как и сказала Тереза Уолкер, он должен поговорить с девочкой.

— Ханна? — окликнул он тихо, чтобы не напугать ее.

Женщина резко обернулась.

— Да, это я, — подтвердила она по-итальянски без малейшего акцента.

У нее были изящные черты. Никакой косметики. Мелкие морщинки в уголках голубых глаз, невероятно грустных.

— Я ждал вас к девяти, — сказал Джербер.

Женщина подняла руку, взглянула на маленькие пластмассовые часики.

— И я ожидала, что вы придете к девяти.

— Тогда извините за преждевременный приход, — улыбнулся Джербер.

Но Ханна оставалась серьезной. Психолог понял, что она не уловила иронии, но решил, что, хотя женщина и говорит по-итальянски правильно, все-таки существует некий языковой барьер.

Джербер прошел вперед, порывшись в карманах, отыскал ключи и открыл центр.

Войдя, скинул мокрый плащ, включил свет в коридоре, прошелся по комнатам, проверяя, все ли в порядке, заодно показывая путь необычной пациентке.

— Как правило, по утрам в субботу здесь никого не бывает.

Он и сам должен был находиться в Лукке, в гостях у друзей, вместе с женой и сыном, но пообещал Сильвии, что они туда поедут на

следующий день. Краем глаза заметил, как Ханна сплюнула в мятый бумажный платок, потушила там окурок и все вместе положила в сумку. Женщина покорно следовала за ним, не говоря ни слова, стараясь сориентироваться на обширном мансардном этаже старинного дворца.

— Я решил принять вас сегодня, чтобы избежать лишних вопросов относительно вашего присутствия здесь. — или чтобы она не чувствовала себя неловко, подумал Джербер, но не стал этого говорить. Обычно во всех комнатах резвились дети.

— Чем именно вы занимаетесь, доктор Джербер?

Тот завернул манжеты рубашки на рукава оранжевого пуловера, обдумывая наименее сложный вариант ответа.

— Наблюдаю несовершеннолетних с различными психологическими проблемами. Некоторых мне поручают судебные органы, но иногда родители сами приводят сюда своих детей.

Женщина промолчала. Так и стояла, вцепившись в свою сумку; Джербер подумал, что Ханна его боится, и решил создать непринужденную обстановку.

— Выпьете кофе? Или вы предпочитаете чай? — предложил он.

— Чай, пожалуйста. Два кусочка сахара, если вас не затруднит.

— Сейчас принесу, а вы пока располагайтесь в моем личном кабинете.

Он указал на одну из двух дверей в конце коридора, единственную открытую. Но Ханна направилась к той, что располагалась напротив.

— Нет, не туда, — вскричал Джербер торопливо, даже немного резко.

Ханна застыла на месте.

— Извините.

Эту комнату не открывали три года.

Кабинет улестителя детей, расположенный под самой крышей, был уютным и приветливым.

Скошенный вправо потолок, стропила на виду, дубовый пол, камин, облицованный камнем. Большой красный ковер, усеянный деревянными и мягкими игрушками, жестяные коробки, полные карандашей и цветных мелков. На раздвижных полках научные труды соседствовали со сказками и раскрасками.

Кресло-качалка сразу привлекало внимание маленьких пациентов, именно туда они охотно садились на время сеансов.

Дети не замечали, что в кабинете не хватает письменного стола. Психолог сидел в офисном кресле из «Икеа», обитом черной кожей, с классической отделкой под палисандр, а рядом притулился столик вишневого дерева, на нем — метроном, запускавшийся на время гипноза, блокнот, авторучка и фотография в рамке, которую Пьетро Джербер всегда клал изображением вниз.

Больше в комнате не было никакой мебели.

Когда Джербер вернулся к Ханне Холл с двумя дымящимися чашками, куда уже был насыпан сахар, та стояла посреди кабинета, оглядываясь вокруг и прижимая к себе сумку: явно не знала, куда ей сесть.

— Простите, — спохватился психолог, вдруг поняв, что она стесняется садиться в кресло-качалку. — Подождите секунду.

Он поставил чай на столик и вскоре вернулся с обитым велюром креслицем, которое позаимствовал из зала ожидания.

Ханна Холл уселась. Спина прямая, ноги сдвинуты, руки, сжимающие сумку, по-прежнему сплетены на животе.

— Вы замерзли? — спросил Джербер, протягивая ей чай. — Конечно замерзли, — сам ответил на свой вопрос. — По субботам отопление не включают. Но мы это быстро исправим...

Он подошел к камину, стал укладывать дрова, собираясь разжечь хороший огонь.

— Если хотите, можете курить, — разрешил он, ведь, по его представлениям, Ханна не могла обойтись без курения. — Другим моим пациентам я не разрешаю курить, пока им не исполнится по крайней мере семь лет.

И снова шутка Джербера повисла в воздухе. Ханна, которая только и ждала позволения, тотчас же закурила сигарету.

— Значит, вы австралийка, — подкладывая бумагу под поленья, заметил психолог, просто чтобы завязать разговор и понемногу создать доверительную атмосферу.

Женщина кивнула.

— Я никогда не был в Австралии, — добавил Джербер.

Он взял спичку из коробка, стоявшего на полке, зажег ее и поместил в середину маленького штабелька. Потом нагнулся и подул

на огонек, тот через несколько секунд разгорелся на славу. Наконец, выпрямившись, он с удовлетворением взглянул на дело своих рук. Обтер ладони о вигоновые штаны и уселся в свое кресло.

Ханна Холл все время следила за ним взглядом, словно бы изучала его.

— Сейчас, наверное, вы будете меня гипнотизировать? — спросила она натянуто.

— Не сегодня, — успокоил он ее, улыбаясь. — Сегодня проведем предварительную беседу, чтобы лучше узнать друг друга.

На самом деле он должен был окончательно решить, брать ли на себя эту пациентку. Он пообещал Уолкер, что проведет курс лечения, только если сможет рассчитывать на результат. А это зачастую зависит от предрасположенности субъекта: на многих гипноз вообще не оказывает никакого действия.

— Чем вы занимаетесь? — сразу же спросил Джербер.

Казалось бы, ерунда, но для пациента такой вопрос часто оказывался самым трудным. Как на него ответить, если твоя жизнь пуста.

— Что вы имеете в виду? — подозрительно переспросила Ханна.

— У вас есть работа? Или была? Как вы вообще проводите дни? — постарался он упростить задачу.

— У меня есть сбережения. Когда деньги кончаются, я перевожу что-нибудь с итальянского.

— Вы очень хорошо говорите, — с улыбкой похвалил он.

Знание языков предполагает способность открываться навстречу другим и предрасположенность к постоянному приобретению нового опыта. Но Тереза Уолкер сказала, что вокруг Ханны никого нет, она даже мобильником не пользуется. Такие пациенты, как Холл, заключены в своем маленьком мирке и все время повторяют одни и те же привычные действия. Интересно было бы узнать, каким образом эта женщина, кроме английского, так хорошо изучила итальянский.

— Вы какую-то часть жизни провели в Италии?

— Только детство, меня увезли отсюда, когда мне было десять лет.

— Вы переехали в Австралию с родителями?

Ханна помедлила, прежде чем ответить.

— По правде говоря, я их не видела до того момента... Я выросла в другой семье.

Джербер записал, что Ханну удочерили. Это была очень важная информация.

— Теперь вы постоянно живете в Аделаиде?

— Да.

— Это красивый город? Вам нравится там жить?

Женщина задумалась.

— Я как-то никогда об этом не думала, — только и ответила она.

Джербер счел, что общих мест достаточно, и перешел к сути дела.

— Почему вы решили подвергнуться гипнозу?

— Повторяющийся сон.

— Не хотите мне о нем рассказать?

— Пожар, — ответила она лаконично.

Странно, почему Тереза Уолкер об этом не упомянула. Джербер сделал запись в блокноте. Он решил пока не давить на Ханну, еще будет время вернуться к этой теме.

— Чего вы ожидаете от терапии? — вместо того спросил он.

— Сама не знаю, — призналась Ханна.

Детскую психику легче исследовать с помощью гипноза. Дети меньше, чем взрослые, противятся проникновению чужого разума.

— Вам провели только один сеанс, верно?

— По правде говоря, это доктор Уолкер предложила мне такой курс, — сообщила Ханна, выпуская через ноздри колечки серого дыма.

— А сама-то вы что думаете о такой технике? Только откровенно...

— Должна признаться, вначале я в нее не верила. Сидела неподвижно, с закрытыми глазами и чувствовала себя полной дурой. Выполняла все, что мне говорили — насчет того, чтобы расслабиться, — и в то же время у меня чесался нос, и я думала, что, если сейчас я его почешу, доктор себя почувствует неловко. Ведь это доказывает, что я еще бодрствую, так?

Джербер кивнул: рассказ его позабавил.

— Сеанс начался среди бела дня, при ярком солнце. Поэтому, когда доктор Уолкер велела мне открыть глаза, я думала, что прошло не больше часа. Но за окном уже было темно. — Ханна помолчала, потом проговорила изумленно: — А я ничего не заметила.

Никакого упоминания о крике, который она издала, будучи под гипнозом, и о котором говорила Уолкер. Это тоже показалось

Джерберу странным.

— Вы знаете, почему ваш лечащий врач вас направил ко мне?

— А вы знаете, зачем я приехала? — спросила в свою очередь Ханна: было очевидно, что причина ей представляется весьма серьезной. — Может быть, и вы подозреваете, что я сошла с ума?

— Доктор Уолкер вовсе так не думает, — успокоил ее психолог. — Но дело, которое вас привело во Флоренцию, довольно необычное, вы не находите? Вы утверждаете, что более двадцати лет назад был убит ребенок и вы помните только его имя.

— Адо, — сказала она с полным убеждением в своей правоте.

— Адо, — повторил психолог, будто соглашаясь с ней. — Но вы не можете сказать, где и почему произошло это убийство, более того, признаете себя виновной, хотя вовсе не уверены в этом.

— Я тогда была еще девочкой, — защищалась она, будто считая, что ненадежная память — более тяжкая вина, чем способность совершить убийство в столь нежном возрасте. — В ночь, когда случился пожар, мама дала мне выпить водички для забывания, поэтому я ничего и не помню...

Прежде чем продолжить, Джербер записал в блокноте и это необычное выражение.

— Но ведь вы понимаете, что почти наверняка не сохранились материальные свидетельства преступления? Если и было какое-то орудие, оно подевалось непонятно куда. Даже если бы его удалось найти, нельзя утверждать, что оно связано именно с этим преступлением. И потом, нельзя говорить об убийстве, если нет тела...

— Я знаю, где Адо, — откликнулась женщина. — Он до сих пор похоронен у дома, сгоревшего при пожаре.

Джербер постучал авторучкой по блокноту.

— И где находится этот дом?

— В Тоскане... точно не знаю где. — Ханна потупила взгляд.

— Это, конечно, вас обескураживает, но вы не должны думать, будто я вам не верю: наоборот, я здесь для того, чтобы помочь вам вспомнить и установить вместе с вами, насколько реально это воспоминание.

— Оно реально, — мягко, но решительно произнесла Ханна Холл.

— Хочу вам кое-что объяснить, — терпеливо приступил Джербер. — Доказано, что дети до трех лет не имеют памяти. — Тут

он вернулся мыслями к случаю Эмильяна. — Начиная с трех лет они не запоминают автоматически, а учатся это делать. В ходе обучения реальность и фантазия помогают друг другу и тем самым неизбежно смешиваются... По этой причине мы в данном случае не можем исключить сомнение, ведь так?

Женщина вроде бы успокоилась. Перевела взгляд на большое слуховое окно, откуда за плотной темной пеленой дождя виднелась башня Палаццо Веккьо.

— Знаю, это вид для немногих счастливиц, — поспешил сказать психолог, думая, что Ханна восхищается архитектурой. Но она жалобно проговорила:

— В Аделаиде почти никогда не бывает дождя.

— Дождь наводит на вас меланхолию?

— Нет, он внушает страх, — с неожиданным пылом возразила Ханна.

Джербер представил себе, через какой ад прошла эта женщина, прежде чем явиться к нему. И какой ад еще ждет ее впереди.

— Вы часто испытываете страх? — спросил он со всей деликатностью.

Ответом ему был пристальный взгляд голубых глаз.

— Каждую минуту. — Она, казалось, говорила искренне. — А вы боитесь чего-нибудь, доктор Джербер?

Задавая вопрос, женщина смотрела на фотографию в рамке, которая лежала на столике из вишневого дерева изображением вниз. На снимке психолог позировал вместе с женой и сыном на фоне альпийской панорамы. Но Ханна Холл не могла этого знать. Как не могла знать, что ему важно было иметь эту фотографию рядом с собой, но он скрывал изображение, потому что не подобает выставлять напоказ портрет своей счастливой семьи перед детьми, у которых серьезные проблемы в аффективной сфере. Джерберу, однако, показалось, что этот взгляд был нарочитым. Какую бы цель ни преследовала пациентка, психологу стало не по себе.

— Моя мать всегда говорила: тот, у кого нет семьи, не знает, что такое настоящий страх, — продолжала женщина, давая понять, что догадалась о том, кто изображен на фотографии.

— И все же многие утверждают, что жизнь — постоянный риск для всех и каждого, — возразил психолог, меняя тему. — Если не

принять такого простого положения вещей, можно остаться в одиночестве на всю жизнь.

Женщина слабо улыбнулась в первый раз за их встречу. Потом подалась вперед и заговорила вполголоса:

— Если я вам скажу, что есть вещи, от которых вы не сможете защитить любимых, вы поверите мне? Если я вам скажу, что опасности, которые мы даже не можем себе вообразить, подстерегают нас, вы поверите мне? Если я вам скажу, что в мире существуют злые силы, от которых никуда не скрыться, вы поверите мне?

В других обстоятельствах Джербер пропустил бы мимо ушей слова пациентки, сочтя их безумным бредом. Но то, что спор разгорелся вокруг его семейной фотографии, чрезвычайно его смутило.

— Что вы имеете в виду? — невольно спросил он.

Ханна Холл вертела в руках чашку. Опустив взгляд на дымящийся чай, она произнесла:

— Верите ли вы в привидения, в живых мертвецов, в злых колдуний?

— Я уже давно перестал в это верить, — отмахнулся он.

— Тут-то и кроется разгадка... Почему ребенком вы верили в это?

— Потому что был наивен и не обладал знаниями, какие приобрел позже: жизненный опыт и культура помогают нам преодолеть суеверия.

— Только поэтому? Неужели вы не припомните хотя бы один эпизод из детства, когда на ваших глазах произошло что-то необъяснимое? Что-то таинственное, чему вы стали свидетелем?

— По правде говоря, ничего такого не приходит в голову, — снова улыбнулся психолог. — Наверное, у меня было заурядное детство.

— Ну же, подумайте хорошенько, невозможно, чтобы не было совсем ничего.

— Ладно, — уступил Джербер. — Один мой восьмилетний пациент как-то рассказал мне историю. Дело было летом, они с двоюродным братом играли в доме у моря, в Порто-Эрколе. Мальчики были одни, когда вдруг разразилась гроза. Они услышали, как хлопнула входная дверь, и пошли посмотреть, не проник ли кто-нибудь в дом. — Джербер помолчал. — На лестнице, что вела на верхний этаж, отпечатались следы мокрых босых ног.

— Дети пошли посмотреть?

Психолог покачал головой.

— Следы обрывались на середине пролета.

Такая история действительно имела место, но Джербер опустил одну деталь: он сам в ней участвовал. До сих пор помнил ощущение, испытанное много лет назад при виде тех влажных следов: горький привкус во рту, непонятная щекотка в животе.

— Готова спорить, что эти дети ничего не рассказали родителям, — заметила Ханна Холл.

Да, так оно и было. Психолог прекрасно помнил, что они с кузенном не осмелились об этом заговорить, боялись, что им не поверят или, того хуже, поднимут на смех.

Ханна вдруг осеклась, будто вспомнила что-то.

— Не могли бы вы дать мне листок из вашего блокнота и одолжить на секунду авторучку? — спросила она, указывая на то, что он держал в руках.

Просьба ему показалась необычной, даже несколько неуместной: этой авторучкой пользовались только два человека. Женщина, похоже, заметила, что он колеблется, но не успела спросить почему: Джербер решил все-таки удовлетворить ее просьбу — вырвал листок из блокнота и снял с авторучки колпачок.

Протягивая ей то и другое, слегка коснулся ее руки.

Ханна вроде бы не заметила. Что-то написала на листочке, но тут же зачеркнула, вывела сверху какие-то каракули, будто бы вдруг передумала. Сложила листок, сунула его в сумку.

Наконец вернула авторучку.

— Спасибо, — только и сказала она без каких-либо объяснений. — Если вернуться к вашей истории, спросите кого хотите: любой взрослый сможет припомнить какое-то необъяснимое событие, произошедшее в детстве, — с уверенностью заявила она. — Вырастая, мы, однако, стремимся избавиться от этих эпизодов, считая их плодом воображения, только потому, что, когда они имели место, мы были слишком малы, чтобы их осмыслить.

Именно так он, собственно говоря, и поступил.

— А если, наоборот, мы в детстве обладали особым талантом — видеть невозможное? Если в самые первые годы нашей жизни были

способны заглянуть за пределы реальности, взаимодействовать с невидимыми мирами, а потом, повзрослев, утратили это умение?

У психолога вырвался нервный смешок, но то была всего лишь маска, ибо эти слова вызвали в нем какое-то смутное беспокойство.

Ханна Холл уловила эту слабину. Протянула холодную руку, вцепилась ему в плечо. Потом заговорила голосом, ледящим душу:

— Когда Адо приходил ко мне по ночам, в доме голосов, он всегда прятался под кроватью... Но не он в тот раз позвал меня по имени... То были чужие... — И потом заключила: — Правило номер два: чужие опасны.

— Ты никогда не рассказывал мне, что приключилось с тобой и твоим кузенком в домике на море! — крикнула Сильвия с дивана в гостиной, где она сидела, прихлебывая шардоне.

— Потому что я подавил это воспоминание, а не потому, что я его стыдился, — откликнулся Пьетро: в одной рубашке, с кухонным полотенцем через плечо, он споласкивал последнее блюдо, прежде чем поставить его к остальным в посудомоечную машину.

Жена приготовила ужин, значит Пьетро Джербер должен убраться на кухню.

— Но ты все равно испугался, когда вспомнил о мокрых следах на лестнице, правда? — поддела его Сильвия.

— Конечно испугался, — охотно признал гипнотизер.

— Но сейчас, если подумать хорошенько, ты веришь, что это в самом деле был призрак? — продолжала она дразнить мужа.

— Если бы я тогда был один, то сейчас бы подумал, что все это выдумал... Но ведь со мной был Ишио.

Ишио, то есть Маурицио — так его звали с самого детства. Подобная участь рано или поздно всегда выпадает кому-то в любой семье: например, младшая сестренка плохо выговаривала имя, а поскольку все умилялись, такое невнятное прозвище закрепляется за человеком на всю жизнь.

— Может, тебе стоит позвонить Ишио, — забавлялась Сильвия.

— Ничего смешного...

— Нет, погоди, я серьезно: может, у этой Ханны Холл паранормальные способности и она пытается что-то открыть тебе, какую-то тайну... Может, она как тот ребенок, который в фильме с Брюсом Уиллисом говорил: «Вижу мертвых людей...»^[2]

— Не шути так: этот фильм — кошмар для детского психолога, — отвечал Джербер в том же шутливом тоне.

Потом он закрыл дверцу посудомоечной машины и включил самую экологичную программу. Вытер руки, бросил полотенце на стол, взял бокал вина и пошел к Сильвии.

Притушив свет, он сел с другой стороны дивана, а Сильвия положила ноги ему на бедра, чтобы согреться. Марко спал в своей кровати, и теперь Джерберу хотелось, чтобы жена поухаживала за ним. Неделя выдалась тяжелая. Сначала Эмильян, мальчик-призрак, с его рассказом о том, как родители под масками животных вместе со священником устроили оргию, потом бредовые речи Ханны Холл.

— Нет, серьезно, — сказал он Сильвии. — Эта женщина утверждает, что все мы в детстве пережили какой-то эпизод, который не можем объяснить с точки зрения разума. С тобой, например, такое случилось?

— Мне было шесть лет, — ответила та, не задумываясь. — Ночью, когда умерла моя бабушка, в тот самый час прозвонил будильник, и было такое впечатление, будто кто-то присел на мою постель.

— Черт возьми, Сильвия! — воскликнул Джербер, не ожидавший услышать подобный рассказ. — Кажется, я больше никогда не смогу уснуть!

Оба прыснули, а потом весело смеялись по меньшей мере минуту. Пьетро был счастлив, что женился на ней, еще и потому, что Сильвия тоже была психологом, и он мог свободно обсуждать с ней случаи из своей практики. Но Сильвии хватило здравого смысла стать частным консультантом по вопросам брака. Такая работа гораздо реже доводила до стресса, чем возня с проблемными детьми, не говоря уже о том, что была гораздо более прибыльной.

Ничто так не повышает настроение, как дружный смех, который делишь с любимым человеком. В отличие от многих женщин, особенно от Ханны Холл, Сильвия находила забавными его хохмы. Поэтому Пьетро Джербер почувствовал облегчение. Но ненадолго.

— Вот что рассказала мне психолог Тереза Уолкер: Холл обвиняет себя в убийстве ребенка по имени Адо, которое она якобы совершила, когда сама была еще маленькой девочкой, — вспомнил он, тотчас же помрачнев. — Ханна жила в Тоскане в родной семье до десяти лет, потом переехала в Аделаиду и выросла в другой семье, приемной. Она утверждает, что в свое время подавила воспоминание об убийстве и ныне вернулась в Италию только затем, чтобы выяснить, случилось ли это на самом деле или же нет.

Когда Адо приходил ко мне по ночам, в доме голосов, он всегда прятался под кроватью... Но не он в тот раз позвал меня по имени... То были чужие.

— «Правило номер два: чужие опасны», — точь-в-точь повторил Джербер слова предполагаемой убийцы.

— Что это за «дом голосов»? — спросила Сильвия.

— Понятия не имею, — покачал головой Пьетро.

— Она хорошенькая? — лукаво осведомилась жена.

Джербер сделал вид, будто шокирован.

— Кто?

— Пациентка... — улыбнулась Сильвия.

— Она на три года моложе меня... на год старше тебя, — пустился он в описание, чтобы потешить жену. — Блондинка, с голубыми глазами...

— Красотка, стало быть, — отметила Сильвия. — Но ты хотя бы нашел информацию об этой Терезе Уолкер?

Джербер проверил рекомендации и личные данные коллеги на сайте Всемирной ассоциации психического здоровья, том самом, на котором психолог из Австралии нашла его контакты. Фотографию милой шестидесятилетней женщины с лицом, окруженным дымкой рыжих волос, сопровождал весьма почтенный послужной список.

— Да, с лечащим врачом все в порядке, — подтвердил он.

Сильвия поставила на пол бокал шардоне, приподнялась и обхватила лицо мужа ладонями, чтобы они могли смотреть друг другу в глаза.

— У этой Ханны Холл нет чувства юмора: ты сам сказал, что она не понимает твоих шуток.

— Ну и что?

— Неспособность воспринимать иронию — первый признак шизофрении. А у нас тут к тому же паранойя, бред и видения.

— То есть ты хочешь сказать, что я этого не заметил.

Синьор Б. не преминул бы заметить, сказал себе Пьетро. Он бы сразу все понял.

— Но это нормально. Ты лечишь только детей, максимум предпубертатного возраста. Ты не привык распознавать некоторые симптомы, поскольку они возникают позже, — утешала жена, приводя доводы в его оправдание.

Джербер задумался.

— Да, ты права, — признал он наконец, хотя какая-то часть его рассудка твердила, что Сильвия ошибается.

Шизофреники ограничиваются тем, что рассказывают свои страхи, бред, видения. Заставив его вспомнить эпизод в домике на море, Ханна Холл хотела, чтобы психолог испытал то же, что испытывала она. И почти в этом преуспела.

Если я вам скажу, что есть вещи, от которых вы не сможете защитить любимых, вы мне поверите? Если я вам скажу, что опасности, которые мы даже не можем себе представить, подстерегают нас, вы мне поверите? Если я вам скажу, что в мире существуют злые силы, от которых никуда не скрыться, вы мне поверите?

* * *

Как было запланировано, в воскресенье они обедали у друзей в Лукке. Народу было много, человек двадцать, так что Пьетро Джербер имел возможность включаться в общую беседу, смеяться вместе со всеми, и никто не заметил, что в тот день он был особенно молчалив.

Его осаждала неотвязная мысль.

У детей пластичный ум, твердил он себе, вспоминая то, что сказала судья Бальди по поводу Эмильяна. Порой они создают ложные воспоминания и убеждают себя в том, что в самом деле пережили то или иное событие. У них настолько живая фантазия, что самые странные вещи им кажутся настоящими, но настолько еще незрелая, что не позволяет отличить реальное от воображаемого.

Все это касалось и самого Пьетро Джербера, когда он был ребенком.

Перед тем как сесть за стол, психолог ненадолго отлучился на веранду, чтобы позвонить. Если бы Сильвия спросила кому, он бы сказал, что родителям одного из своих юных пациентов.

— Привет, Ишио, это я, Пьетро.

— Эй, ну ты как? Как Сильвия и Марко? — спросил кузен, явно удивленный.

— Спасибо, хорошо, а вы как?

Ишио был старше примерно на год, жил в Милане, занимался биржевыми операциями, сделал карьеру в кредитном банке. Они не виделись три года, с похорон *синьора Б.*, только перезванивались, поздравляя друг друга с Рождеством.

— Вчера мы с Сильвией говорили о тебе.

— Неужели? — наигранно изумился кузен, определенно ломающий голову над истинной причиной звонка. — В связи с чем?

— Знаешь, я подумываю подготовить домик в Порто-Эрколе к следующему лету, хочу пригласить тебя, Глорию и девочек.

Ничего подобного. Пьетро ненавидел тот дом. Он был полон бесполезных воспоминаний. Но тогда почему до сих пор не выставил его на продажу?

— Несколько преждевременно спрашивать меня сейчас, — заметил Ишио, поскольку стояла зима.

— Хотелось бы собраться всей семьей, — пустился в объяснения Джербер, чтобы предлог для звонка не показался слишком странным. — Нам так редко выпадает случай побыть вместе.

— Пьетро, с тобой все в порядке? — снова спросил кузен, слегка озабоченный.

— Конечно, — ответил тот, но тон, каким он это произнес, даже ему самому не показался убедительным. — Помнишь, как нас застукали, когда мы курили дедушкину трубку в лодочном сарае?

— Помню тоже, как нам влетело в тот день, — развеселился Ишио.

— Точно: мы на целую неделю были наказаны... А помнишь, мы думали, что во время грозы в дом вошло привидение? — бросил он как бы невзначай.

— Разве такое забудешь! — воскликнул кузен и звонко расхохотался. — До сих пор прихожу в ужас при одном воспоминании.

Джерберу стало не по себе. Он, по правде говоря, надеялся, что Ишио ничего такого не припомнит. Его бы очень утешило, если бы выяснилось, что это созданное в детстве ложное воспоминание.

— А теперь, через двадцать пять лет, как ты это можешь объяснить?

— Не знаю: ты у нас психолог, ты мне и объясни.

— Может, мы просто внушили это друг другу, — подытожил Джербер: вдруг все-таки так оно и было.

После нескольких расхожих фраз он прервал звонок и почувствовал себя полным дураком.

Зачем он вообще звонил? Что с ним происходит?

Ближе к вечеру, на обратном пути, когда Марко спал в своем креслице, а Сильвия читала последние новости на планшете, Джербер задавался вопросом, нужно ли ему вообще братья за лечение Ханна Холл.

Он опасался, что ничем не сможет ей помочь.

Накануне, в конце их первой короткой встречи, он назначил следующий сеанс на понедельник. На самом деле психолог под каким-то предлогом завершил предварительную встречу, как только женщина схватила его за плечо. Ханна не ожидала, что все закончится так быстро, и была растеряна.

Джербер до сих пор чувствовал ее холодные пальцы на коже. Рассказывая Сильвии о своей пациентке, эту подробность он опустил, поскольку знал, что в данном случае скажет жена. Она дала бы мудрый совет связаться с доктором Уолкер и сообщить ей, что он прекращает всякие отношения с Ханной.

Между лечащим врачом и пациентом всегда должна существовать непреодолимая дистанция вроде силового поля или невидимого барьера. Если кто-то из двоих переходит границу, пусть даже ненамного, происходит некая контаминация, и лечение от этого непоправимо страдает.

Психолог *наблюдает*, всегда говорил *синьор Б.*: как кинооператор, снимающий документальный фильм, не вмешивается, чтобы спасти детеныша газели из пасти льва, так и врач не взаимодействует с психикой пациента.

Но непонятно почему Пьетро Джербер продолжал задаваться вопросом, не сам ли он поощрил Холл, спровоцировал ее на этот жест. И каким образом.

Если это так, дело серьезное.

Когда семья приехала домой и Сильвия стала готовить ужин для Марко, он придумал какой-то предлог, чтобы заехать на работу, пообещав вернуться скоро.

Добравшись до улицы Черки и поднявшись на мансардный этаж, он сразу прошел в свой кабинет.

Включил свет, и перед ним предстала сцена, от которой он безуспешно пытался отделаться весь этот день. Креслице, в котором сидела Ханна Холл, стояло на том же месте. И на столике вишневого дерева, рядом с метрономом, красовались две чашки, из которых они пили чай. В воздухе остался затхлый запах табака от сигареты, которую выкурила Ханна.

Джербер направился к книжному шкафу. Открыл ящик, вытащил оттуда ноутбук, уселся в свое кресло, положив его на колени.

Когда компьютер загрузился, стал искать программу видеонаблюдения.

Кабинет был оснащен десятью микрокамерами, скрытыми в самых несусветных предметах — тут и робот, стоявший на полке, и корешок книги, и лампа в форме единорога, и картины, и всякие безделушки.

Джербер обыкновенно записывал сеансы. Все записи хранились в архиве. Он это делал из предосторожности, поскольку работал с несовершеннолетними и вовсе не желал превратиться в главного героя их опасных фантазий. Но также и затем, чтобы пристальнее изучать маленьких пациентов и в случае чего вносить коррективы в стратегию лечения.

Накануне, принимая Ханну Холл, он, пока готовил чай в соседней комнате, включил систему так, что пациентка ничего не заметила.

Джербер открыл файл с датой минувшей субботы и начал просматривать запись их первой встречи. Был один момент, который больше всего интересовал психолога.

Не могли бы вы дать мне листок из вашего блокнота и одолжить на секунду авторучку?

Джербер вспомнил, что просьба показалась ему необычной, даже неуместной, особенно в том, что касалось авторучки.

Эта авторучка когда-то принадлежала *синьору Б.*

И, кроме Пьетро Джербера, никто не имел права пользоваться ею. Не то чтобы на ней была надпись «руками не трогать». Просто Джербер избегал таких ситуаций, когда требовалось кому-либо ее одалживать.

Тогда как ему пришло в голову передать авторучку совершенно посторонней женщине? Он должен был ей отказать под каким-то предлогом. Почему же все-таки уступил?

Ответ нашелся, когда на мониторе показалась сцена, как он передает листок и ручку пациентке. Все было в точности так, как он помнил.

Протягивая то и другое, Джербер *коснулся ее руки*.

Было ли это сделано намеренно или вышло случайно? Заметила ли это Ханна? Не из-за этого ли доверительного жеста она решила, что вправе схватить его за плечо?

Пока вопросы роились у него в голове, Джербер снова увидел сцену, когда женщина что-то записала, а потом быстро зачеркнула. Увидел, как Ханна сложила листок, сунула его в сумку и наконец вернула ему авторучку.

Джербер поставил запись на паузу и стал искать лучший ракурс. Может быть, одна из скрытых камер расположена наиболее удачно.

В самом деле, одна из них была помещена в раму картины, которая висела за спиной пациентки.

Психолог включил запись, и в тот самый момент, когда Ханна стала выводить буквы, попытался прочесть, что у нее получилось.

Она написала только одно слово.

Но потом слишком быстро зачеркнула его какими-то каракулями. Тогда Джербер замедлил воспроизведение, но все равно ничего нельзя было разобрать.

Он не признал себя побежденным. Вернулся назад, остановил фотограмму за мгновение до того, как Ханна уничтожила слово, и попытался увеличить изображение.

Он не умел менять фокус, ему до сих пор не приходилось этого делать. Но после пары попыток удалось навести объектив прямо на листок.

Но никак невозможно было выделить эти несколько неразборчивых букв. Разве что сунуть нос в самый монитор. Что он и сделал, чувствуя, как смешно это выглядит со стороны. Но эксперимент увенчался успехом: ему, хоть и с трудом, удалось прочесть написанное.

Пьетро Джербер вскочил с кресла. Ноутбук упал на пол, к его ногам. Но он все смотрел на монитор, не веря своим глазам.

На листке было написано: «ИШИО».

Но он не называл Ханне Холл прозвище двоюродного брата.

Джербер не спал всю ночь.

Ворочаясь с боку на бок, искал объяснений. Но те, которые ему приходили на ум, облегчения не приносили.

Ханна Холл знала историю о призраке, который вошел в домик у моря в Порто-Эрколе, но сделала вид, что поверила версии доктора, будто это произошло с его восьмилетним пациентом. Как она узнала? Наводила о нем справки? Но разве она могла это сделать за столь короткое время, до их встречи, притом что они *никогда раньше не виделись*? Даже если бы Ханна выяснила, кто его двоюродный брат, имя Ишио употреблялось *исключительно* в семейном кругу: откуда она могла узнать такую интимную подробность? А когда во время предварительной беседы заговорила о странных эпизодах, относящихся к детству, как могла угадать, что Джербер расскажет *именно* анекдот о призраке из Порто-Эрколе, если он ни разу не упомянул о нем даже Сильвии?

В течение бессонной ночи психолог принял решение: утром он позвонит доктору Уолкер и скажет, что ему очень жаль, но он вынужден отказаться от поручения. Да, так будет разумнее всего. Но когда занялся рассвет, в его мыслях все еще царил сумятица. Он определенно не сможет успокоиться, пока не разгадает тайну, а главное, не сможет отделаться от этой истории, пока не выяснит, в чем была его ошибка.

Он вышел из дома очень рано, торопливо поцеловав Сильвию на прощание. Чувствовал, как жена провожает его взглядом до самых дверей, но, к счастью, она не стала задавать вопросов.

Джербер вернулся в свой центр.

Там был только служитель, занятый уборкой. Джербер затворился у себя, чтобы на свежую голову пересмотреть видеозапись предварительной встречи с Ханной Холл. Утро вечера мудренее, твердил *синьор Б.*, побуждая его встать пораньше и повторить школьные уроки. Он был прав, и у Пьетро действительно вошло в привычку откладывать самые важные в жизни решения до первых утренних часов.

Он был уверен, что, пересмотрев запись, поймет, в чем ошибся накануне вечером.

Но когда он добрался до спорного места, ничего не прояснилось, наоборот, еще больше запуталось. Вечером ему удалось увеличить фотограмму и поставить ее в фокус, пусть даже и уткнувшись носом в монитор. На сей раз не удалось повторить счастливую комбинацию движений и действий.

В результате он уже не был так уверен, что женщина написала печатными буквами имя ИШИО.

Отказавшись от дальнейших попыток, он горестно вздохнул. Через час Ханна Холл позвонит в домофон, а он так и не выработал никакой стратегии, не знает, как подступиться к этому случаю. Более того, он вовлечен лично и эмоционально. Хотя ситуация не сравнима с той, когда психолог и пациент сводят на нет дистанцию, необходимую для лечения, Пьетро Джербер уже не был уверен, что он в достаточной мере объективен.

Ему оставалось очень мало времени, чтобы принять решение.

На вывеске старинного кафе «Ривуар» на площади Синьории было выведено золотыми буквами: FABBRICA DI CIOCCOLATA A VAPORE^[3]. Заведение с давней историей, расположенное на первом этаже палаццо Лависон, было основано в 1872 году.

Оно спасало не только от холода этой унылой зимы, но и давало благословенный приют обонянию.

Пьетро Джербер стоял у стойки, упиваясь запахами свежей выпечки, лелея в руках чашечку кофе.

Сквозь витрину увидел, как она свернула на площадь с улицы Ваккеречча. Черное пятно позади группы туристов, бодро шагавших к Уффици. Ханна Холл была одета так же, как накануне: свитер, джинсы, сапожки; сумка на длинном ремешке. Волосы так же собраны в хвост, и опять же, одежда никак не соответствовала сезону.

Джербер через стекло мог незаметно наблюдать за ней. Вообразил, как стучат ее каблуки по мостовой, омытой дождем, некогда покрытой флорентийской керамической плиткой, чтобы походка дам казалась более легкой.

Видел, как она вошла в табачную лавку и деловито встала в очередь. Когда подошел ее черед, указала на одну из пачек,

выставленных за прилавком, потом порылась в сумке, вытащила несколько смятых банкнот и горстку монет и все это вывалила перед продавцом, чтобы тот помог ей разобраться с незнакомой валютой.

Эти неловкие движения, в которых выражалась неуверенность, а также и неспособность принять участие в сложной игре жизни, убедили Пьетро Джербера в том, что ей следует предоставить еще один шанс.

Она не такая, как прочие игроки, сказал себе психолог. Она вступила в игру с заведомо невыгодной позиции.

Может, и нет в ней ничего дьявольского, как он подумал, просмотрев видеозапись. Может, ей в самом деле нужно, чтобы кто-то ее выслушал. Иначе она бы не отправилась в путь с другого конца света, чтобы выяснить, была ли реальной такая трагедия, как убийство ребенка по имени Адо, а главное, несет ли она за это какую-либо ответственность.

— Какие сигареты вы курите? — спросил он через некоторое время, когда Ханна прикурила первую, усевшись в то же креслице, что и в первый раз.

Женщина подняла взгляд от огонька зажигалки.

— «Винни», — ответила она, вытащила из сумки пачку «Винфилда» и показала доктору. — Сигареты австралийские, мы их у себя так называем.

Воспользовавшись тем, что она открыла сумку, Джербер разглядел там листок из блокнота, на котором Ханна написала имя Ишио.

— Вам нравится курить? — спросил он, чтобы отвлечь внимание Ханны от своего неуместного любопытства.

— Да, но приходится себя ограничивать. И не потому, что это вредит здоровью, — уточнила она. — В моей стране это дорогое удовольствие: пачка стоит почти двадцать евро, а в ближайшее время правительство собирается вдвое повысить цены, чтобы заставить всех бросить курить.

— Стало быть, здесь, в Италии, вы можете безудержно предаваться страсти, — заметил Джербер. Но женщина взглянула на него недоуменно. Психолог забыл, что Ханна лишена чувства юмора, и это позволяет диагностировать шизофрению.

Чуть раньше Джербер вручил ей нечто вроде блюдечка, которое шестилетняя пациентка слепила для него из пластилина. Изделие неправильной формы, богато украшенное разноцветной глазурью, по замыслу юной мастерицы должно было служить пепельницей.

Ханна была не так напряжена, как в прошлый раз, и оба чувствовали себя более вольготно. Психолог решил воссоздать все атрибуты их первой встречи: горящий камин, чай и полное отсутствие помех.

— Я думала, вы больше не захотите меня видеть, — выпалила Ханна, глядя на него в упор.

— Что навело вас на такую мысль?

— Сама не знаю... Может быть, ваша реакция в конце нашего разговора в субботу.

— Сожалею, что вы пришли к таким выводам, — приуныл Джербер: его в самом деле огорчило, что Ханна все поняла.

Ханна чуть прищурила влажные голубые глаза:

— Значит, вы мне поможете, да?

— Сделаю все, что в моих силах, — заверил ее Джербер.

Он долго размышлял над тем, какой подход избрать. Согласно его австралийской коллеге, следует забыть о взрослой и говорить с ребенком. И был один прием, который всегда срабатывал с его маленькими пациентами и помогал им с большей легкостью воссоздавать то, что с ними случалось.

Детям нравилось, когда их слушают.

И если взрослый показывал, что помнит *в точности* все, что они говорили прежде, дети это воспринимали как поощрение и находили достаточно уверенности в себе и доверия к доктору, чтобы продолжать рассказ.

— В прошлый раз, в конце нашей встречи, вы сказали... — Порывшись в памяти, чтобы ненароком не ошибиться, Джербер повторил: «Когда *Адо* приходил ко мне по ночам, в *доме голосов*, он всегда прятался под кроватью... Но не он в тот раз позвал меня по имени... То были *чужие*».

Гипнотизер записал в блокноте три детали, поразившие его.

— Удовлетворите мое любопытство... Как мог *Адо* звать вас по имени, если он уже умер?

— Адо не очень-то говорил, — уточнила Ханна. — Просто я знала, когда он со мной, а когда — нет.

— Как же вы могли это узнать: вы его видели?

— Знала, — повторила пациентка, больше ничего не объясняя.

Джербер не настаивал.

— Вы вспоминаете многое из вашего детства, но среди этих реминисценций, этих образов прошлого нет воспоминания о том, как был убит Адо. Это так? — решил он вновь досконально прояснить этот пункт.

— Именно так.

Никто из двоих даже не намекнул на то, что Ханна себя считает убийцей ребенка.

— На самом деле вы, возможно, подавили целый ряд воспоминаний, не только это.

— Как вы можете это утверждать?

— Какие-то события пролагают путь, ведущий к воспоминанию о данном конкретном эпизоде.

Как хлебные крошки в сказке о Мальчике-с-пальчике. Ему нравилось это сравнение, так он и объяснял своим маленьким пациентам. Лесные птицы склевали хлеб, помешав бедному ребенку найти дорогу домой.

— Мы должны восстановить этот путь, и тут нам поможет гипноз.

— Итак, вы готовы?

Доктор попросил ее сесть в кресло-качалку, закрыть глаза и раскачиваться в ритме, заданном метрономом, который стоял на столике вишневого дерева.

Сорок ударов в минуту.

— Что будет, если я не смогу проснуться?

Он тысячу раз слышал этот вопрос от своих маленьких пациентов. У взрослых тоже возникали такие опасения.

— Никто не остается в гипнотическом сне, если сам этого не хочет, — ответил он, как отвечал всегда. Ведь гипнотизер, что бы там ни показывали в кино, не может подчинить субъекта собственной воле, у него нет такой власти, чтобы пленить его разум. — Ну что, начнем?

— Я готова.

Микрокамеры, спрятанные в комнате, уже записывали первый сеанс гипноза. Пьетро Джербер перечел пометки в блокноте, решая, с чего начать.

— Я объясню вам, как это действует, — добавил он. — Гипноз вроде машины времени, но вовсе не нужно выкладывать факты в хронологическом порядке. Мы будем бродить по первым десяти годам вашей жизни, то забегая вперед, то возвращаясь назад. Начнем с первого образа, который приходит вам на ум, или с первого ощущения. Обычно это относится к самым любимым людям...

Ханна Холл все еще цеплялась за сумку, прижимая ее к животу, но Джербер заметил, что руки у нее уже не так дрожат. Приznak того, что она расслабляется.

— До десяти лет я не знала настоящих имен моих родителей. Да и своего имени тоже, — сказала Ханна, извлекая эту странную деталь из неизвестно какой черной дыры в своей памяти.

— Как такое возможно?

— Я хорошо знала моих родителей, — уточнила женщина. — Но не знала, как их по-настоящему зовут.

— Вы отсюда хотите начать рассказывать вашу историю? — спросил гипнотизер.

— Да, — ответила Ханна Холл.

Я ничего не вижу. Первое ощущение — звон колокольчика. Такие вешают на шею котам — *маленькие колокольчики*. Но этот — не на шее у кота. Этот — на красной атласной ленточке, привязан к моей детской щиколотке.

Не знаю, что случилось с Адо, но каким-то образом этот звук имеет отношение к тому, что произошло с ним.

Я пока не знаю почему, но этот звук возвращает меня в былые времена. К маме и папе.

В моей семье ко мне относятся хорошо. В моей семье меня любят.

Стало быть, это нормально, что родители привязали мне колокольчик к щиколотке, чтобы забрать меня из земли мертвых.

Я еще ребенок, поэтому для меня такая странность и все другие в порядке вещей: это правила.

Мама всегда говорит, что каждая вещь таит в себе немного волшебства, и когда я не слушаюсь или балуюсь, она не наказывает меня, а чистит ауру. Папа каждый вечер забирается ко мне в постель и рассказывает сказки на сон грядущий: ему почему-то нравится сочинять истории про великанов. Папа всегда меня защитит.

У меня счастливая семья.

Мои родители не такие, как другие родители. Но это откроется мне только после пожара, когда изменится все. Но сейчас мы в самом начале, а в самом начале я не могу ничего этого знать.

Я не помню, как выглядят мои родители. Лишь отдельные детали. Многим такие мелочи покажутся незначительными. Но не мне. Ведь они — только мои, никто другой не может обладать ими.

Я не знаю, высокий мой отец или низенький, худой или толстый. Не смогу описать, какие у него глаза, какой нос. Есть ли смысл в том, чтобы знать, какого цвета у него волосы? Для меня важно, что они курчавые и густые и их никак не привести в порядок. Однажды, когда папа пытался их как-то укротить, расческа запуталась у него в волосах, и мама долго работала ножницами, чтобы высвободить ее.

Руки у моего отца мозолистые, а когда он берет в ладони мое лицо, пахнут сеном. Больше никто не может знать такой подробности. Именно это делает его *моим* отцом. Благодаря такой незначительной детали он *никогда* не будет отцом кого-то еще. А я навсегда останусь *его* дочерью.

У мамы розовая родинка на левой лодыжке. Ее не видно, она совсем крохотная: маленькая драгоценность. Нужно смотреть очень внимательно, а главное, быть к маме очень близко, чтобы заметить. Поэтому, если ты не дочь и не мужчина, который ее любит, то так ничего и не заметишь.

* * *

Не знаю, откуда происходят мои родители, какое у них было прошлое. Они никогда не говорят со мной о бабушках и дедушках и ни разу не упомянули о том, что где-то в других местах у них есть братья или сестры. Кажется, что мы вместе с самого рождения. Я имею в виду, что так было и в наши предыдущие жизни.

Только мы втроем.

Мама убеждена, что можно перевоплотиться и что переместиться из одного существования в другое так же легко, как перейти из комнаты в комнату. Ты не меняешься, меняется только мебель. Стало быть, очевидно, что не может быть никакого *до* или *после*.

Мы — это мы, и так будет всегда.

Порой, однако, кто-нибудь застревает на пороге. И это земля мертвых, где время останавливается.

Моя семья — это и есть место. Да, именно место. Может, для большинства людей почти естественно знать свои корни, землю, из которой они происходят. Для меня — нет.

Родная земля для меня — мать и отец.

Дело в том, что мы никогда не живем на одном и том же месте достаточно долго, чтобы считать его своим. Мы все время перемещаемся. Никогда нигде не задерживаемся дольше чем на год.

Мы с мамой и папой находим точку на карте — случайно, по наитию — и двигаемся туда. Обычно это место на карте закрашено

зеленым, иногда коричневым или бежевым, рядом с каким-нибудь синим пятном. Но всегда на большом расстоянии от черных линий и красных кружков — *от черных линий и красных кружков нужно держаться подальше!*

Чаще всего мы идем пешком по лугам и холмам или по проселочным дорогам. Или выходим на станцию и забираемся в товарный поезд, ночью, когда вагоны пустые.

Странствие — это самое прекрасное в нашей жизни, это больше всего занимает меня. Днем перед нами открывается мир. Ночи проходят под звездами: мы разводим костер, папа берет старую гитару, и мама поет нежные, грустные песни, под которые я привыкла засыпать с самого моего рождения.

Наш путь всегда заканчивается обещанием нового пути. Но когда мы приходим на место назначения, начинается другая жизнь. Первым делом мы прочесываем окрестности в поисках заброшенного дома. Поскольку такое жилище больше никому не нужно, оно становится нашим. Пусть и на короткое время.

Каждый раз, приходя на другое место, мы меняем имена.

Каждый выбирает для себя новое. Каждый сам решает, какое предпочесть, и другие не возражают. Так с того момента мы и зовем друг друга. Часто заимствуем имена из книг.

Я — не Ханна, еще нет. Я — Белоснежка, Аврора, Золушка, Златовласка, Шахерезада... Какая девочка в целом свете может похвастаться, что всегда была принцессой? Кроме настоящих принцесс, разумеется.

Зато мама с папой выбирают себе имена попроще. Но мне без разницы, я никогда не зову их этими новыми именами: для меня они всегда и только «мама и папа».

Есть, правда, одно условие. Эти имена не должны покидать пределы семьи. И главное, мы никогда-никогда-никогда не должны никому их открывать.

Правило номер три: никогда не называть чужим своего имени.

Когда все уже решили, как окрестить себя, мама заставляет нас провести обряд *очищения* нашего нового жилища. Исполняя обряд, мы бегаем по комнатам и выкрикиваем наши новенькие, с иголочки, имена. Голосим в полную силу, сколько хватает дыхания. Пока мы

зовем друг друга, переходя с места на место, мы привыкаем к этим звукам. Учимся доверять этим именам. Быть другими, оставаясь теми же самими.

Вот почему каждый новый дом становится для меня домом голосов.

Жизнь у нас нелегкая. Но для меня мама с папой ее представляют какой-то большой игрой. Любую превратность они способны обернуть забавой. Если у нас не хватает еды, папа, чтобы заглушить голод, берет гитару, мы все трое забираемся в большую постель и целый день проводим в тепле, рассказывая истории. Или когда протекает крыша, мы ходим по дому под зонтиками и расставляем кастрюли и тазы, чтобы послушать, как звенят капли, и сочинить песенку.

Нас трое, и этого довольно. Нет больше никаких мам, никаких пап, даже никаких дочек и сыновей. Более того, мне и в голову не приходит, что где-то есть другие дети.

Насколько мне известно, я — единственная на всей земле.

У нас нет ни ценных вещей, ни денег. Поскольку мы не поддерживаем ни с кем никаких контактов, нам они и не нужны.

Мама разбивает огород и выращивает в любое время года великолепные овощи. Папа иногда ходит на охоту с луком и стрелами.

Часто мы заводим домашнюю птицу: кур, индюшек, гусей, а однажды держали козу, которая давала молоко. Как-то у нас развелось целых сорок кроликов, но только потому, что мы не смогли совладать с ситуацией. Вся эта живность происходила с какой-нибудь фермы: они терялись, и никто их не искал.

У нас всегда есть несколько сторожевых собак.

Они не сопровождают нас, когда мы переходим на другое место, поэтому я не должна к ним слишком привязываться. Разумеется, в путь мы берем только самое необходимое. Обосновавшись, подбираем все, что нам надо: одежду, кастрюли, одеяла. Обычно это вещи, которые люди выбросили или где-то забыли.

Места, которые мы выбираем, всегда расположены в глуши, в сельской местности: крестьяне покинули их в поисках лучшей доли. В разрушенных домах можно найти уйму вещей, еще годных к употреблению. Однажды нам попался целый тюк тканей и старая

швейная машинка «Зингер» с ножным приводом: мама все лето провела, отшивая нам на зиму великолепный гардероб.

Нам не нужен никакой прогресс. Я, разумеется, знаю, что существует телефон, телевидение, кино, электрический свет и холодильники, но мы никогда ничем таким не владели, разве только электрическими фонариками на самый крайний случай.

Но, несмотря ни на что, я знаю мир, я хорошо образованна. В школу я не хожу, но мама учит меня читать и писать, а папа дает уроки арифметики и геометрии.

Остальное я черпаю из книг.

Их мы тоже подбираем повсюду, и всякий раз, когда попадается новая, у нас праздник.

Мир, встающий со страниц этих книг, — завораживающий и в то же время угрожающий, словно тигр в клетке. Ты восхищаешься его красотой, грацией, мощью... но знаешь, что, если вздумаешь его приласкать и протянешь руку через решетку, тигр откусит ее тебе без малейшего колебания. Так, по крайней мере, мне объясняли.

Мы держимся подальше от мира, надеясь, что и мир будет держаться от нас подальше.

Благодаря родителям, мое детство — бесконечное приключение. Я никогда не задаюсь вопросом, есть ли какая-то причина тому, что мы так живем. В моем понимании, когда нам надоедает какое-то место, мы собираем вещички и пускаемся в путь. Но хоть я и была маленькая, одну вещь все-таки поняла. Наши постоянные перемещения как-то связаны с предметом, который мы всегда носим с собой.

Маленький деревянный сундучок коричневого цвета, длиной примерно в три пяди.

Сверху — надпись, которую папа сделал раскаленным концом зубила. Когда мы приходим на новое место, он копает глубокую яму, кладет туда сундучок и зарывает его. Мы его извлекаем, только когда снова пускаемся в путь.

Я никогда не видела, что в этом сундучке, поскольку он обмазан смолой. Но знаю, что там заключен единственный член семьи, который никогда не меняет имени: оно выжжено раскаленным железом на крышке.

Для мамы и папы Адо — это всегда Адо.

Ханна умолкла, будто сама решила поставить точку в рассказе. На данный момент можно было этим ограничиться.

Пьетро Джербер продолжал недоумевать. Не знал, что и думать. Но была и положительная сторона: порой, слушая пациентку, он различал голос девочки, обитавшей в ней. Вокруг этой девочки, слой за слоем, образовалась тридцатилетняя женщина, сидевшая перед ним.

— Хорошо, теперь я хочу, чтобы вы вместе со мной начали считать в обратном порядке; потом вы откроете глаза, — сказал улеститель детей и начал обратный отсчет, как всегда, с десяти.

Ханна повторяла за ним. Потом распахнула в полутьме кабинета свои невероятно голубые глаза.

Джербер протянул руку, останавливая качающееся кресло.

— Погодите встать, — посоветовал он.

— Нужно глубоко дышать, верно? — спросила Ханна, явно припоминая наставления своего первого гипнотизера, Терезы Уолкер.

— Именно, — подтвердил Пьетро.

Ханна стала вдыхать и выдыхать.

— Вы не помните настоящих имен ваших родных отца и матери, верно? — спросил Джербер, желая убедиться, что все правильно понял.

Ханна покачала головой.

Это нормально, когда приемные дети не сохраняют память о своей первоначальной семье. Но Ханна переехала в Австралию, когда ей уже исполнилось десять лет, она должна была помнить имена своих настоящих родителей.

— Ведь и я стала Ханной Холл, только когда переехала в Аделаиду, — уточнила женщина.

— А живя в Тоскане, вы постоянно перебирались с места на место.

Женщина кивнула, соглашаясь и с этим утверждением.

Пока психолог делал пометки, она вежливо осведомилась:

— Могу я воспользоваться туалетом?

— Да, конечно: вторая дверь налево.

Женщина встала, но перед тем, как выйти, сняла сумку с плеча и повесила ее на спинку кресла-качалки.

Это движение не укрылось от Пьетро Джербера.

Когда Ханна вышла из комнаты, он уставился на черную сумку из кожзаменителя, которая раскачивалась перед ним, словно маятник. Там, внутри, хранился листок, который он вырвал из блокнота и передал Ханне Холл во время их предварительной встречи и на котором она, по всей вероятности, записала имя Ишио. Откуда ей знать прозвище моего кузена? — твердил он себе. Эта мысль становилась навязчивой. Но чтобы прояснить ситуацию, он должен вторгнуться в личное пространство пациентки, рыться в ее вещах, обмануть ее доверие.

Синьор Б. никогда бы такого не сделал. Даже осудил бы любую попытку так поступить.

Время шло, а Пьетро Джербер так и не мог решиться. Истина — здесь, до нее рукой подать. Но вытащить листок и прочитать записку означало еще больше запутаться в этих странных отношениях. И без того достаточно необычно, что Ханна Холл находится в числе его пациентов.

Вернувшись из туалета, женщина отметила его пристальный взгляд, устремленный на кресло-качалку.

— Простите, но кажется, там кончилось мыло, — только и сказала она.

Джербер попытался скрыть смущение.

— Мне очень жаль, велю служителю, чтобы положил новое, спасибо.

Ханна взяла сумку, повесила на плечо. Вытащила пачку «Винни», закурила, но садиться не стала.

— Вы говорили, будто родители привязали вам на шиколотку колокольчик, чтобы забрать вас из земли мертвых, — почти дословно процитировал Джербер. — Я правильно понял?

— Да, — подтвердила Ханна. — Маленький колокольчик, какие обычно вешают на шею котам. Мне его подвязывали на красной атласной ленточке, очень красивой, — повторила она.

— И вас забирали из земли мертвых? — вскинул брови психолог. — Вам случалось умирать, чтобы вас возвращали обратно?

Женщина выдержала его взгляд.

— В детстве я много раз умирала.

— У Адо тоже был такой колокольчик?

— Нет... У Адо его не было, поэтому он и остался там.

Разумеется, Ханна могла прочесть на лице Джербера весь его скептицизм, всю подозрительность и недоверие. Возможно, она чувствовала, что к ней относятся свысока, но Джерберу не оставалось ничего другого, чтобы помочь ей отличить реальность от того, что таковой не являлось. Только так он мог ее освободить: показать, что ее демоны не существуют.

— Дети знают то, о чем взрослые не имеют понятия, так, Ханна? Вроде того, как вернуться из мира мертвых?

— Да, именно так: взрослые о таких вещах забывают, — отвечала она еле слышно, в то время как взгляд ее наполнился странной печалью.

Джерберу казалось, будто он чувствует, что творится у нее внутри: она, наверное, готова плакать от ярости, кричать с досады, коль скоро он отказывается признать существование темных сил, окружающих нас. Коль скоро он, как все прочие, упорствует в своем недомыслии.

Вместо этого она глубоко затянулась сигаретой и сказала:

— Ваш сын никогда не зовет вас ночью потому, что у него под кроватью прячется чудовище?

Хотя для него и было нестерпимо, что Ханна опять приводит в пример его семью, Пьетро Джербер кивнул, стараясь, чтобы это выглядело примирительно.

— Чтобы успокоить его, вы, как хороший, храбрый папа, наклоняетесь, проверяете и показываете ему, что бояться нечего, — убежденно продолжала Ханна. — Но, поднимая покрывало, и вы испытываете тайную дрожь, представляя себе на одно мгновение, что все может оказаться правдой... Вы же не станете это отрицать?

Хоть Джербер и был человеком крайне здравомыслящим, он отрицать *не мог*.

— Хорошо, на сегодня хватит, — объявил он, кладя конец встрече. — Продолжим завтра, в тот же час, если вас устраивает.

Ханна ничего не сказала. Но перед тем, как попрощаться, жестом заядлого курильщика быстро облизала большой и указательный палец и погасила кончик «Винни», будто раздавила головку насекомого. Сигарета испустила коротенький столбик дыма. Убедившись, что она

погасла, вместо того чтобы положить ее в пластилиновую пепельницу, которую дал Джербер, Ханна вынула из сумки скомканный листок, завернула в него окурок и бросила в корзинку, стоявшую в углу комнаты.

Пьетро Джербер проследил взглядом параболу, которую описал бумажный шарик, прежде чем присоединиться к прочему мусору.

Ханна это вроде бы заметила, но ничего не сказала. Напротив, она, видимо, и хотела возбудить его любопытство.

— Что ж, хорошего дня, — сказала она, покидая мансарду.

Пьетро, чувствуя себя идиотом, подождал, пока хлопнет входная дверь. Невероятно, что я повелся на такой банальный трюк, — сказал он себе. Покачал головой, посмеялся над своей наивностью, пряча под смехом всю свою досаду. Потом встал с кресла и не торопясь направился к мусорной корзинке. Заглянул туда, даже предполагая, что, одураченный ловким фокусом, ничего там не найдет.

Но скомканная бумажка лежала на месте.

Он протянул руку, чтобы забрать листок. Схватил, стал разворачивать, в уверенности, что с этого момента многое изменится.

Но ему было необходимо знать.

Листок в самом деле был вырван из его блокнота. И чернила, которыми было написано слово, затем зачеркнутое каракулями, были из той самой авторучки, пользоваться которой он никому не давал.

Вот только печатные буквы обозначали не имя ИШИО.

Но — АДО.

— Ну и как вы ее находите?

— Вид запущенный, много курит, и я заметил, что у нее дрожат руки, хотя и не спросил, принимает ли она лекарства.

— Мне она говорила, что какое-то время пила золофт, но потом бросила: слишком много побочных эффектов, — сообщила Тереза Уолкер.

В Аделаиде было полдесятого утра, а во Флоренции полночь. Сильвия и Марко спали в своих постелях, и Пьетро Джербер в кухне старался говорить потише, чтобы их не разбудить.

— Она вам сказала, где остановилась и сколько времени собирается пробыть во Флоренции?

— Вы правы, я должен был это выяснить. Так и сделаю.

Последние четверть часа психолог излагал по-английски странный рассказ Ханны Холл о ее детстве.

— Было что-то, что вас особенно поразило, доктор Джербер?

— Пару раз Ханна намекнула на пожар, — вспомнил он, перекладывая мобильник к другому уху. — Во время сеанса она именно упомянула «ночь, когда случился пожар».

В ночь, когда случился пожар, мама дала мне выпить водички для забывания, поэтому я ничего и не помню...

— Я об этом ничего не знаю, — сказала коллега. — Мне она не говорила.

— Странно, а мне заявила, что ищет ответы в гипнозе именно из-за этого повторяющегося сна.

— Сон может быть связан с каким-то событием из прошлого, чем-то, что наложило на нее отпечаток.

Джербер как раз и думал о некоей цезуре, паузе между *до* и *после*.

— Женщина говорит о детстве как о блоке, отъединенном от ее последующего существования... Кроме того, с Ханной Холл она отождествляет себя только с десятилетнего возраста. Будто бы женщина и девочка — не один и тот же человек, а две разных личности.

— Наверное, пока вы углубляетесь в ее прошлое там, в Тоскане, я могла бы что-то выяснить о ее австралийском настоящем, — предложила Тереза Уолкер, не дожидаясь его просьбы.

— Отличная мысль, — согласился Пьетро.

В самом деле, они ничего не знали о пациентке, кроме того, что она содержала себя, время от времени делая переводы.

— Я знаю одного частного детектива, — заверила Уолкер. — Попрошу его провести небольшое расследование.

— Надо попробовать связаться с настоящими родителями женщины, — заявил Джербер. — Если они еще живы, разумеется.

— Полагаю, нелегко будет выйти на них через двадцать лет.

— Да, вы правы.

Кто знает, что с ними случилось? Джербер вспомнил об их решении вести одинокое существование в отдаленных местах, об их постоянных передвижениях, о жизни, полной превратностей.

Мы держимся подальше от мира, надеясь, что и мир будет держаться от нас подальше.

— Они выбирали точку на карте и шли туда, держась, однако, поодаль от «черных линий и красных кружков».

— От автострад и населенных пунктов, — перевела коллега. — Почему?

— Понятия не имею, но Ханна убеждена, что жизнь ее была сплошным приключением и что родители облегчали бремя лишений, превращая всякое неудобство в игру, специально для нее придуманную... Все более-менее в духе Нью-Эйдж^[4]: отец ходил на охоту с луком и стрелами, а мать проводила странные обряды, чистила ауру и тому подобное.

— Дело было в девяностые годы: какой-то анахронизм, — скептически заметила Уолкер.

— В нашу первую встречу Ханна упомянула о призраках, колдуньях и живых мертвецах; кажется, она твердо убеждена в том, что все они существуют в реальности.

Стало быть, это нормально, что родители привязали мне колокольчик к щиколотке, чтобы забрать меня из земли мертвых.

— Меня не слишком беспокоит семья с причудами или суеверия, — заметила Уолкер. — Но заставляет задуматься история с именами.

Тереза Уолкер была права: то, что Ханна Холл в детстве много раз меняла имя, наводило и Джербера на размышления.

Идентичность формируется у человека в первые годы жизни. Имя — не просто ее часть, это ее стержень. Оно становится магнитом, к которому притягиваются все особенности, определяющие нас и делающие в каком-то смысле уникальными. Включая внешний вид, особые приметы, вкусы, нрав, достоинства и недостатки. В свою очередь, идентичность лежит в основе того, что мы называем индивидуальностью, определяет ее. Если трансформировать первую, вторая рискует деградировать во что-то опасно неопределенное.

Перемена имени, даже единожды в жизни, дестабилизирует человека, наносит серьезный урон самооценке. Поэтому до чрезвычайности усложнена законная процедура смены идентичности. Кто знает, к каким последствиям для Ханны Холл привел процесс непрерывной метаморфозы.

Я — Белоснежка, Аврора, Золушка, Златовласка, Шахерезада... Какая девочка в целом свете может похвастаться, что всегда была принцессой?

Мысленно вслушиваясь снова в голос пациентки, Джербер открыл керамическую банку, где Сильвия держала печенье, сунул туда руку, вытащил шоколадное. Рассеянно откусил кусочек.

— Ханна упорно твердила, что у нее была счастливая семья, — заметил он, открывая холодильник и высматривая молоко.

— Думаете, она говорит неправду?

Джерберу пришел на ум Эмильян, мальчик-призрак.

— Одновременно с этим случаем я рассматриваю другой, шестилетнего белоруса, который утверждает, будто приемные родители устроили что-то вроде оргии и в ней принимали участие также бабушка с дедушкой и священник... Говорит, будто на них были маски животных: кот, овца, свинья, филин и волк, — скрупулезно перечислил психолог. — Суд поручил мне установить, не лжет ли мальчик, но проблема не сводится только к этому... Для ребенка семья — самое надежное место в мире или самое опасное: каждый детский психолог это прекрасно знает. Вот только ребенок не умеет отличать одно от другого.

Уолкер призадумалась на мгновение.

— По-вашему, маленькая Ханна не была в безопасности?

— Все дело в правилах, — отвечал Пьетро. — Ханна процитировала мне два: «*Чужие опасны*» и «*Никогда не называть чужим свое имя*».

— Наверное, чтобы понять, какие это правила и сколько их, а главное, для чего они служили, вы должны сначала углубиться в само понятие «чужие», — подсказала Уолкер.

— Да, правда, я тоже так думаю.

— Что-то еще?

— Адо, — отозвался психолог.

Он порылся в кармане пижамной куртки, куда положил листок из блокнота с записью, которую сделала женщина.

АДО.

— Ханна попросила у меня бумагу и ручку, чтобы записать имя. Я задавался вопросом, зачем ей это так срочно понадобилось.

— И как вы это себе объяснили?

— Может быть, она просто хотела привлечь мое внимание.

Уолкер обдумала информацию, потом спросила:

— Вы ведь ведете запись ваших сеансов с детьми?

— Да, — признал Джербер. — Я храню видеозаписи всех встреч.

Возможно, и коллега делала то же самое с субъектами, которых подвергала лечению. Тут он должен был бы рассказать историю с Ишио, как ему показалось, будто он разглядел имя кузена на листке, который вручил пациентке, но не хотелось, чтобы создалось впечатление, будто Ханна Холл умудрилась что-то ему внушить. Так что он заключил:

— И потом, я думаю, что Ханна намеренно бросила листок в мусорную корзину, чтобы я его нашел.

Такой вывод поразил Уолкер.

— Продолжайте записывать все ваши сеансы с Ханной, — порекомендовала она.

— Разумеется, не беспокойтесь, — заверил он, даже слегка улыбнувшись.

— Я серьезно, — настаивала коллега. — Я старше вас и знаю, о чем говорю.

— Доверьтесь мне.

— Простите, я иногда слишком ревностно опекаю более молодых коллег. — Но по голосу было понятно, что она по-настоящему

озабочена, хотя причину такого беспокойства пока не хочет объяснить.

— Наверное, было бы полезно, если бы вы прислали мне видеозапись первого сеанса гипноза, который был проведен для Ханны в Аделаиде.

— Я не настолько продвинута, я до сих пор работаю по старинке, — призналась австралийка.

— Вы хотите сказать, что все время ведете записи от руки? — поразился Джербер.

— Нет-нет, — развеселилась Уолкер. — У меня цифровой магнитофон: я вам вышлю аудиозапись сеанса по электронной почте.

— Отлично, спасибо.

Тереза Уолкер, казалось, была довольна тем, что он решил попробовать провести курс гипноза для Ханны.

— Что до вашего гонорара...

— Это не проблема, — перебил ее Джербер.

Ханна Холл, что было очевидно для обоих, не могла себе позволить заплатить сколько-нибудь приличную сумму.

— Одни только межконтинентальные звонки нам влетят в копеечку, — рассмеялась Тереза Уолкер.

— Но вы были правы: эта женщина нуждается в помощи. И, судя по рассказу, который я услышал во время первого сеанса, можно еще многое извлечь из ее памяти.

— Какое впечатление произвела на вас Ханна? — вдруг напрямик спросила коллега.

Джербер смутился, не зная, что сказать. Он лишнюю секунду помедлил с ответом, и Уолкер заговорила сама.

— Будьте осторожны, — предупредила она.

— Буду, — пообещал Джербер.

Завершив звонок, он немного в задумчивости посидел в кухне перед стаканом холодного молока, съел еще пару шоколадных печений. В полутьме, которую рассеивал только свет из открытого холодильника.

Пьетро спрашивал себя, какое впечатление произвела на него Ханна Холл и почему он не сумел ответить Уолкер.

Каждый пациент отражается в лечащем враче. Но случается и противоположное, это неизбежно. Особенно когда речь идет о детях.

Как бы психолог ни пытался оставаться отстраненным, невозможно не вникать эмоционально в некоторые рассказы, полные ужасов.

Синьор Б. научил его многим способам преодолевать такие вещи. Способам выковывать невидимую броню, не теряя при этом необходимой эмпатии.

«Ведь если ужас последует за тобой в твой дом, ты пропал», — говаривал он.

Джербер поднялся из-за стола, поставил пустой стакан в раковину и закрыл холодильник. Прошел босиком по объятному молчанием дому, направляясь в спальню.

Сильвия закуталась в одеяло, ладошки сложены между щекой и подушкой. Взглянув на нее, психолог почувствовал себя виноватым. Было нечто общее между ним и Ханной Холл. Поэтому он был так заботлив, так внимателен к пациентке, поэтому считал своим долгом ей помочь.

Прежде чем забраться под одеяло к жене, он пошел посмотреть, как там Марко. Тот тоже безмятежно спал в своей кроватке, при свете ночника в форме кактуса, в той же позе, что и мать. И в этом они похожи, сказал себе Пьетро. Такая мысль его утешила.

Он склонился к подушке, запечатлел на лбу ребенка легкий поцелуй. Мальчик чуть дернулся, но не проснулся. Он пока был в тепле, но отец знал, что через пару часов сын скинет с себя одеяло и придется вставать, укрывать его. Пьетро уже собирался пойти спать, но вдруг застыл на пороге.

Ваш сын никогда не зовет вас ночью потому, что у него под кроваткой прячется чудовище?

Вновь в его мысли внедрился голос Ханны Холл. Пьетро покачал головой, сказал себе, что легко поддаться внушению в поздний ночной час. Но не сдвинулся с места.

Все смотрел на темную щель под кроваткой Марко.

Сделал шаг, потом второй. Снова оказавшись у кроватки, нагнулся, чествуя себя дураком и твердя самому себе, что бояться нечего. Но непокорное сердце билось сильнее обычного.

...поднимая покрывало, и вы испытываете тайную дрожь, представляя себе на одно мгновение, что все может оказаться правдой...

Джербер поддался убеждению, послушался тоненького голоска, который призывал проверить, какую тайну скрывает тьма, угнездившаяся за мирным сном его сына. Пьетро схватился за край покрывала и резко поддернул его. Зеленоватый свет лампы-кактуса первым хлынул в темную пещеру. Пьетро Джербер пошарил там взглядом.

Никакого чудовища, только игрушки, попавшие туда неизвестно как.

Он опустил покрывало. С облегчением, но и злясь на себя за то, что поддался ничем не оправданному страху. Тяжело вздохнув, решил идти спать. Сделал пару шагов, но тут Марко пошевелился в постели, и Джербер услышал...

Металлический серебряный звон.

Психолог обернулся, остолбенев. Дай-то бог, чтобы этот звон слышался только в его голове. Но звук повторился. И происходил он из-под одеяла, которым был укрыт Марко. То был призыв. Призыв, обращенный к нему, к отцу.

Он снова подошел к кровати и решительным жестом поднял одеяло.

То не была галлюцинация. Пока здравый смысл обращался в ничто, Джербер смотрел, бессильный, на аномальный предмет, явившийся прямиком из преисподней Ханны Холл.

Кто-то привязал красную атласную ленточку к левой щиколотке его сына. И на этой ленточке висел колокольчик.

Они договорились встретиться в половине восьмого, чтобы Ханна не пересекалась с другими пациентами, которые начинали являться примерно к девяти.

Уже около семи Джербер вышел из дома, направляясь в центр. Он опять почти не спал. Но на этот раз причина была серьезнее. Быстрым шагом проходя по улицам исторического центра, он мог слышать приглушенный, дребезжащий звук колокольчика, спрятанного в кармане пиджака.

Зов из земли мертвых.

Он не знал, как эта красная атласная ленточка оказалась на щиколотке его сына. Его ужасала сама мысль о том, насколько близко Ханна соприкоснулась с его семьей. И он не мог понять, какова ее истинная цель.

Один вопрос особенно мучил его: *когда* могла произойти встреча Марко и Ханны Холл?

Накануне ребенок покидал дом, только чтобы отправиться в ясли: няня отвела его туда и забрала ближе к вечеру. Никаких прогулок по причине скверной погоды. Ни дня рождения в игротке, вообще ничего сверх программы. Единственный ответ: контакт имел место по дороге, между домом и яслями, причем утро исключается, поскольку Ханна тогда была с ним, в его кабинете.

Джербер ничего не сказал Сильвии о том, что обнаружил ночью, не хотел ее волновать, но был раздосадован тем, что приходится что-то скрывать от жены. Хотя секрет, который он таил уже три года, был куда более гнусным, в том случае он мог оправдаться тем, что просто оберегает ее.

— Сегодня ты отведешь Марко в ясли, а я заберу, — распорядился он, уходя из дома.

Сильвия, которая как раз давала малышу бутылочку, спросила, зачем вдруг понадобились такие изменения. Но Пьетро ушел, сделав вид, что не слышал.

Он не мог потребовать от Ханны Холл объяснений, она наверняка стала бы отрицать всякую свою причастность к этому делу. Не мог и

резко прервать с ней все отношения, ибо, не имея доказательств, мог быть обвинен в пренебрежении врачебным долгом. И наконец, что-то в нем противилось принятию решительных мер: нельзя предугадать, как Ханна отреагирует, если ее оттолкнуть.

Он спросил себя, как бы поступил на его месте *синьор Б.* Уж конечно, тот ублюдок не позволил бы себя вовлечь до такой степени.

Через пятнадцать минут Джербер переступил порог мансарды и сразу столкнулся со служителем, который делал уборку.

— Доброе утро, — бросил он рассеянно.

Но служитель смотрел на него с каким-то непонятым смущением.

— Что случилось? — спросил психолог.

— Я велел ей подождать снаружи, но она сказала, что вы ей разрешили, и я не знал, как поступить, — сбивчиво извинялся уборщик.

Джербер уловил запах «Винни», сигарет, которые курила Ханна. Она тоже пришла пораньше.

— Не переживайте, все в порядке, — успокоил он служителя, хотя какое там «в порядке», все было хуже некуда.

Он пошел по коридору на запах сигареты. Ожидал найти Ханну в своем кабинете, но на полпути заметил, что открыта дверь напротив. Ускорил шаг в несбыточной попытке предотвратить то, что уже случилось, движимый скорее гневом, чем насущной необходимостью. Эта женщина перешла все границы, ее предупреждали, что этого делать нельзя, это запрещено.

Синьор Б. не захотел бы пустить туда незнакомку.

Но, добежав до кабинета, куда три года никто не вторгался, Джербер замер на пороге.

Ханна стояла к нему спиной посередине комнаты, картинно подбоченившись и держа сигарету в поднятой руке. Она курила и оглядывалась вокруг. Пьетро хотел было ее окликнуть, но она обернулась сама. Одета она была точно так же, но еще имела при себе бумажный пакет, откуда торчал краешек подарочной упаковки. Джербер даже не стал гадать, что там, он был слишком взбешен.

— Что это за место? — спросила Ханна с самым невинным видом, показывая на палас, зеленый, как лужайка, на голубой потолок, испещренный нежными белыми облачками и яркими звездочками, на

сделанные из папье-маше высокие деревья с золотыми кронами, соединенные между собой длинными веревочными лианами.

Едва Джербер вступил в лес, насаженный его отцом, как все его воинственные намерения помимо его воли испарились и нахлынула волна ностальгии.

Такое умиротворяющее действие это место оказывало и на всех детей.

Вместо ответа на вопрос Ханны психолог повернулся к столику с проигрывателем: на круге стояла пыльная виниловая пластинка. Джербер поднял рычаг, и игла аккуратно опустилась на бороздку. Через пару пустых оборотов зазвучала веселая песенка.

— Это медведь и Маугли, — объявила через несколько секунд Ханна Холл, узнав голоса. — «Простые радости», — добавила она в изумлении, вспомнив название песни. — «Книга джунглей».

Диснеевская версия классического текста Киплинга.

— Здесь был кабинет моего отца, — вдруг произнес Джербер, поражаясь самому себе. — Здесь он принимал своих маленьких пациентов. — И научил меня всему, что я знаю, — подумал Пьетро, но вслух произносить не стал.

— Кабинет доктора Джербера-старшего, — проговорила Ханна, взвешивая информацию.

— Дети звали его *синьор Балу*.

Он запер комнату, все еще пребывая в некотором раздражении. Вернувшись к себе в кабинет, обнаружил Ханну в кресле-качалке: поставив пакет с подарком на пол, она курила как ни в чем не бывало, готовясь к следующему сеансу гипноза.

Женщина не отдавала себе отчета в том, что вторглась в очень личное пространство, а главное, разбередила старые раны. Она как будто изъята из мира других людей. Не в состоянии подключиться к эмоциям ближнего. Ей будто бы чужда элементарная вежливость, простые правила общежития. Тому причиной, возможно, изоляция, в которой она жила ребенком. Это и впрямь делало ее девочкой, которой многое предстояло постичь в жизни.

Уолкер была права: Ханна представляла собой опасность. Не потому, что в ней таилась склонность к насилию, но из-за самой своей невинности. Детеныш тигра играет с человеческим детенышем. Но

первый не знает, что может убить второго. И второй не знает, что может быть убит первым, часто говорил отец. Отношения Пьетро с Ханной вполне описываются этим сравнением, с ней следует вести себя крайне осторожно.

Джербер сунул руку в карман, потрогал ленточку с колокольчиком: пусть служит напоминанием. Потом уселся в свое кресло, сделал вид, будто проверяет звонки на сотовом перед тем, как отключить его на время сеанса. Хотел, чтобы Ханна почувствовала его недовольство.

— Это правда, что нельзя внезапно прерывать курс лечения гипнозом, иначе могут быть серьезные последствия для пациента? — спросила она со всем чистосердечием, чтобы нарушить гнетущую тишину.

— Да, правда, — был вынужден подтвердить психолог.

Интонация была инфантильная, но сам вопрос заключал в себе двойной скрытый смысл. Ханна хотела знать, сердится ли он, добивалась от него утешения. Но еще это был способ сказать, что они уже связаны и разорвать эти узы не так-то легко.

— Я размышлял над тем, что вы рассказали мне в прошлый раз, — сказал Джербер, меняя тему. — Вы описали мне вашу мать и вашего отца, используя немногочисленные детали: родинку, которая была у нее на щиколотке, его непокорные волосы.

— Ну а вы бы как описали ваших родителей? — воскликнула Ханна, вновь вторгаясь в его личную сферу.

— Речь не обо мне.

Джербер прилагал все усилия, чтобы сохранять спокойствие. Но если бы ему нужно было в самом деле изложить свои воспоминания, он сказал бы, что его мать была неподвижна, нема и все время улыбалась. Все потому, что с той поры, когда ему было примерно столько же лет, сколько сейчас Марко, единственное воспоминание о ней было запечатлено на семейных фотографиях, хранившихся в альбоме, переплетенном в кожу. Что до отца, то о *синьоре Б.* можно было сказать одно: он относился к детям так бережно, как никто в целом свете.

— Вы замечали, что когда взрослого просят описать родителей, он никогда не рассказывает, какими они были в молодости, но в большинстве случаев склонен описывать стариков? — рассуждала

Ханна. — Я часто думала над этим и нашла объяснение: по-моему, дело вот в чем — когда мы приходим в мир, родители уже там. И мы, вырастая, уже не можем вообразить, что маме и папе тоже было когда-то двадцать лет, хотя вероятно, что мы в то время уже присутствовали в их жизни.

У Джербера сложилось впечатление, что Ханна пытается его отвлечь. Возможно, рассуждая о родителях вместо того, чтобы погрузиться в воспоминания о собственном детстве, она искала способ избежать столкновения с реальностью, причиняющей боль. Может быть, ее родители погибли или продолжили без нее свою отшельническую жизнь. Так или иначе, доктор не хотел спрашивать напрямую, полагаясь на то, что пациентка сама расскажет о произошедшем, когда будет готова.

— Ваши родители избрали кочевой образ жизни...

— Девочкой я жила в разных областях Тосканы: в окрестностях Ареццо, в долине Казентино, в регионе Гарфаньяна, на Апеннинах, в Луниджане, в Маремме... — подтвердила Ханна. — Но это я выяснила потом. Только позже я узнала, как назывались те места. Если бы тогда меня спросили, где я нахожусь, я бы не смогла ответить.

— В конце нашего прошлого сеанса вы намекнули, что причина этих постоянных перемещений могла быть связана с Адо, — напомнил ей Джербер. — С маленьким сундучком, на крышке которого было выжжено имя и который вы приносили с собой во все места, где останавливались.

— Адо всегда хоронили рядом с домом голосов, — подтвердила Ханна.

— Чтобы выяснить, какие отношения связывали вас и Адо, нужно действовать постепенно.

— Я согласна.

— *Чужие*, — начал психолог.

— Что вы хотите знать?

Джербер сверился с записями в блокноте.

— Вы говорили о *правилах*, даже процитировали пару...

— Правило номер пять: *если чужой зовет тебя по имени, беги*, — стала перечислять Ханна. — Правило номер четыре: *никогда не приближаться к чужим и не позволять им приближаться к тебе*. Правило номер три: *никогда не называть чужим своего имени*.

Правило номер два: *чужие опасны*. Правило номер один: *доверять только маме и папе*.

— Стало быть, думается мне, что эти пять правил определили ваше отношение ко всему человечеству, — заключил психолог. — Любой другой человек, кроме ваших родителей, воспринимался как потенциальная угроза: следовательно, в мире обитали только злые существа, — подытожил он с нескрываемым пафосом.

— Не только, — уточнила Ханна Холл. — Я никогда такого не говорила.

— Тогда выразитесь точнее, пожалуйста...

— Чужие прятались между обычными людьми.

Джерберу пришел на память очень старый фильм, где пришельцы подменяли собой людей, пока те спали, а потом спокойно жили среди всех прочих, и никто ничего не замечал.

— Если чужие ничем не отличались от всех остальных, как вы могли их распознать?

— Мы не могли, — ответила Ханна, широко распахнув голубые глаза, будто удивляясь, как ему в голову не пришла такая банальная мысль.

— Значит, сторонились всех подряд. Кажется, это немного чересчур, вы не находите?

— Что вы знаете о змеях? — неожиданно спросила женщина.

— Ничего, — ответил Джербер.

— Увидев змею, можете ли вы распознать, ядовитая она или нет?

— Не могу, — был вынужден признаться психолог.

— И что же вы делаете, чтобы не рисковать?

Джербер помолчал, потом ответил:

— Держусь подальше от любых змей.

Он оказался в затруднительном положении. Рассуждение Ханны было неопровержимым.

— Почему вы боялись чужих? — спросил он.

Женщина смотрела куда-то вдаль, потерявшись среди бог знает каких смутных образов.

— Чужие забирали людей, увозили прочь от любимых, — сказала она. — Никто не знал, куда их увозили и что с ними потом случалось. Или мне всего не рассказывали, ведь я была еще маленькая... Единственное, что я знала: те люди никогда не возвращались. Никогда.

Без каких-либо комментариев Джербер включил метроном. Услышав стук, Ханна закрыла глаза и стала раскачиваться в кресле.

Впервые я ощущаю присутствие чужих где-то лет в семь.

Для меня до того момента существовали только *мы и другие*.

За всю мою короткую жизнь мне встречалось не много людей. Другие — всегда крохотные и далекие, они проходят у горизонта, помещаются между большим и указательным пальцем. Но я знаю, они существуют. Знаю, они живут все вместе, обычно в больших городах. Но еще я знаю, что некоторые из них — такие же, как мы. Невидимые, они переходят с места на место. У каждого свои причины удалиться от мира. Кто-то бежит от войны или от чего-то скверного, что с ним приключилось; кто-то потерялся, кто-то ушел и не хочет возвращаться обратно, а кто-то попросту остается один, потому что не приемлет, когда кто-то другой ему указывает, что делать.

Мы, принадлежащие к числу бродяг, представляем собой сообщество. Никогда не собираясь в одном месте, мы оставляем знаки, только для нас понятные. Мой отец может их читать. Определенный символ, вырезанный на коре дерева; камни, уложенные определенным образом на перекрестке дорог. Они означают маршрут, которым нужно следовать, или опасность, которой следует избегать. Говорят, где мы найдем еду или питье. Где люди могут обратить на нас внимание, а где мы пройдем незамеченными.

Мы тоже участвуем в этом. Всякий раз, уходя из дома голосов, мы должны приготовить его для тех, кто придет после. Папа называет это «кодексом путника». Он, например, предписывает следующее: не загрязнять воду, оставлять вещи в лучшем состоянии, чем когда ты их нашел; не лишать других возможности пожить в оставленном тобой месте.

Благодаря такой науке, я положительно отношусь к людям вообще, хотя мы их никогда не встречаем.

Но это закончилось на ферме Штрёмов.

Местность необитаема на многие километры. Мы поставили палатку на краю обширного леса. Папа не закопал сундучок Адо,

потому что эта стоянка — временная. Сундучок стоит в палатке, рядом с нами. Мы находимся здесь уже почти неделю.

На этот раз путь к тому месту, которое мы выбрали, чтобы обосноваться, занял больше времени, чем предполагалось: почти месяц. Уже конец октября, начинает холодать. Чтобы согреться, у нас есть только меховые спальные мешки и несколько одеял. Рано утром мама разводит огонь, чтобы приготовить еду, а папа забрасывает за спину рюкзак и идет изучать окрестности. Возвращается, когда уже начинает темнеть.

* * *

Однажды вечером я уже почти засыпаю в палатке, когда до меня доносится разговор родителей у костра.

— Если мы вскоре не найдем дом, придется зимовать тут, — говорит папа.

Голос его не нравится мне. Обычно такой веселый, он теперь озабоченный.

— Вернуться никак нельзя? — предлагает мама.

— Нельзя, — отказывает он наотрез, чего я раньше никогда не слышала.

— Но у нас кончаются припасы.

— Судя по карте, когда-то очень давно здесь неподалеку была угольная шахта. Рядом построили поселок для шахтеров и их семей; сейчас там никто не живет.

— Вот и остановимся там: я должна разбить огород, времени осталось только для одного урожая.

— Вряд ли это хорошая мысль, — рассуждает папа. — Место довольно уединенное, и, возможно, никто не явится туда посреди зимы... Но в поселке слишком много коварных мест, трудно за всем уследить.

— Так что же нам делать? Остаться здесь — безумие, ты сам знаешь.

— Завтра я не вернусь на закате, как делал до сих пор, — заявил отец. — Пройду так далеко, как смогу, пока не найду, где можно обосноваться.

Из моего мехового мешка мне слышно, как мама начинает всхлипывать. Папа подходит, обнимает ее. Я вижу, как смещается его тень на стенке палатки.

— Все будет хорошо, — уверяет он.

Мне тоже хочется плакать.

* * *

Папа ушел ранним утром, и с тех пор минуло уже два дня. Мама все время грустная, молчаливая, но при мне старается держаться.

На заре третьего дня, собирая хворост для нового костра, мы видим, как папа выходит из леса. На его лице странная улыбка.

— Я нашел место, — объявляет он чуть погодя, снимая рюкзак. Открывает его, показывает, что внутри.

Консервы: фасоль, говядина и тунец.

— Где ты это взял? — не веря своим глазам, спрашивает мама.

— В паре дней пути есть ферма, но, чтобы добраться туда, надо переправиться через реку.

Они сразу смотрят на меня. Папа рано научил меня плавать, но там бурное течение, нужна изрядная сила в руках.

— У меня получится, — говорю я.

Когда приходит момент, мне страшно смотреть на взбесившуюся реку, но я стараюсь не выдать себя. Папа обвязывает меня веревкой вокруг пояса, другой конец закрепляет у себя под мышками. Между нами расстояние в пару метров. Мама делает то же самое с сундучком Адо.

— За веревку не хватайся, она для страховки, — наставляет папа. — Ты должна плыть, — приказывает он, и мы вместе бросаемся в воду.

Вначале я так боюсь, что у меня ничего не получится, что даже не чувствую холода. Но метров через десять силы меня оставляют. Руки бешено работают, но я не сдвигаюсь ни на сантиметр. Река забирает меня, тащит за ноги вниз. Я начинаю захлебываться. Пытаюсь нащупать веревку, но не нахожу ее. Вода накрывает меня. Раз, второй, третий. Хотя я знаю, что так нельзя, на четвертый раз открываю рот,

чтобы закричать. Папа объяснял мне, когда учил плавать: «Если тонешь, звать на помощь — последнее дело». И правда, стоит мне крикнуть, как в рот затекает ледяная вода. Устремляется в горло, бурным потоком опускается к животу и наполняет легкие вместо воздуха.

Потом все становится черным.

Тяжесть обрушивается мне на грудь. Потом теплый ручеек вдруг вытекает изо рта, струится по телу. Я мигот открываю глаза. Чувствую под своей спиной обкатанную гальку и понимаю, что лежу на отмели — сама не знаю как, но понимаю. Белое-белое небо, солнце — холодный и тусклый шар. Папа навис надо мной, за ним — мама, она гладит меня в испуге, а он снова давит мне на грудь обеими руками. Еще одна струя выплескивается из моих легких.

— Дыши! — орет папа.

Я пробую сделать вдох, но в меня проникает лишь тонкая ниточка кислорода. Операция повторяется, раз за разом. Я вроде насоса, которым накачивают шины на колесах велосипеда. Чувствую сильное жжение в груди. Папа сломал мне ребро, хотя этого я еще не знаю.

Но я вернулась из земли мертвых. Я наконец дышу. С трудом, но дышу.

Отец поднимает меня на ноги, энергично стучит по спине, заставляя кашлять. Я тем временем смотрю вниз: вода, вытекающая у меня из легких, образует маленькие ручейки, которые печально возвращаются обратно в реку. Думаю, что река оставляет меня, как побежденный демон, который вынужден отступить и униженным вернуться в ад.

Мама прижимает меня к себе, папа прижимается к нам обеим. Мы, все трое, стоим на коленях и благодарим Адо за то, что он не забрал меня к себе.

Папа тут же разводит костер, чтобы я обсохла. Я жду, дрожа от холода. Мама раздевает меня, отрывает полосы ткани от палатки и перетягивает меня на том уровне, где на глазах разрастается синяк, который вскоре окрасится во все цвета радуги.

— Идти сможешь? — спрашивает она.

— Да, смогу.

Подлесок очень густой. Папа прокладывает путь среди сплетения ветвей, которые, хотя мы этого и не замечаем, оставляют царапины на руках, на бедрах и коленях, на лице. Солнце исчезает на долгие минуты, скрываясь за кронами. Потом появляется, чтобы снова исчезнуть. Листва влажная, мы снова насквозь промокли.

Не два дня нам пришлось идти, а целых четыре.

Маленькая долина открывается перед нами, далекая, но уже близкая. Посередине течет река, рядом — развалины.

Ферма Штрёмов.

Название выбито на сером камне вблизи дома. Там же и дата постройки: 1897. Мы заходим, осматриваемся. Дом велик, но комнаты в основном пустые. Для жилья приспособлены только те, что находятся на первом этаже.

Там есть большая чугунная печь, пригодная также для готовки. Есть какая-то мебель. Стол, все еще уставленный эмалированными мисками. Кухонный шкаф с кастрюлями и сковородками. В кладовке полно провизии — жестянки с рисом и печеньем, мука, сахар, консервы, сухое и сгущенное молоко, сыр, банки фасоли, тунца и говядины, даже малиновый сироп. В шкафах сложены одеяла, постельное белье. Даже висит какая-то одежда. Кровати застелены.

Все подернуто патиной пыли. Первое впечатление такое, что в этом месте время остановилось. Бывшие хозяева давно покинули его. Но кто-то пришел потом. Расставил свои вещи, починил крышу и водяной насос; вскопал землю, чтобы разбить огород. Затем снова отправился в путь, но, неукоснительно следуя «кодексу путника», оставил продукты, утварь и одежду тем, кто придет сюда за ним следом.

Кто-то вроде нас.

Первым делом папа выкапывает яму под каштаном, растущим на опушке леса. Опускает сундук, забрасывает свежей землей. Адо в безопасности, под защитой могучего узловатого дерева.

Мама возжигает благовония, чтобы умиловить старый дом. Потом поет ему и изгоняет отрицательную энергию. Потом мы выбираем себе новые имена. Над своим я думаю давно, мне не терпится так назвать себя. *Золушка*. Как всегда, мы разделяемся и

обходим комнаты, во весь голос выкрикивая свои имена. Мы счастливы. Никто не говорит об этом открыто, но мы радуемся тому, что избежали многих опасностей. Нам грозило провести зиму в палатке, на морозе и без еды. Рассерженная река пыталась навсегда разлучить нас. Я бегу вверх по лестнице, и сломанное ребро больше не болит. Поднявшись на чердак, нахожу нечто неожиданное. Нечто, способное омрачить нашу радость, я это понимаю сразу.

Первый знак.

Кто-то начертал его на полу мелками. Три стилизованные фигуры, детский рисунок. Мужчина, женщина, девочка. Солнце просачивается между стропилами крыши, озаряя пыльный полумрак. Я смотрю на эти нитеподобные существа, и одна вещь мне приходит в голову.

Я их знаю. Эта семья — мы.

Решаю ничего не говорить маме и папе. Не хочу омрачать их счастье. И подошвой стираю линии, проведенные мелком.

Мы растапливаем чугунную печь, и мама готовит на ужин горячий суп. Папа отыскал в кладовке бутылку красного вина, он говорит, что там есть еще. Мне тоже наливают на палец, разбавив колодезной водой. За столом я не произношу ни слова, но вино уносит меня далеко. Я все время думаю о рисунке. Неужели те люди — мы? Как такое возможно? Мне приходит в голову ответ: мы здесь уже были. Но когда? И почему забыли об этом?

Мама пообещала, что сошьет мне куклу, как только выдастся свободная минутка.

* * *

На следующий день происходит странная вещь. Я помогаю маме развешивать простыни позади дома, но вдруг она замирает. Подносит руку козырьком ко лбу, прикрывая глаза от солнца. Она что-то разглядела. Взгляд ее устремлен на заброшенное стойло, метрах в ста от нас.

Тучи мух влетают в окошко, прорубленное в двери, и вылетают оттуда.

Мы решаем позвать папу, который рубит дрова с другой стороны дома. Он подходит, становится рядом с нами, смотрит на стойло.

— Ладно, — произносит он, хмурясь. — Пойду проверю.

Чуть позже мы видим, как он выходит из стойла. Закрывает рот и нос рукавом. Наклоняется, сплевывает. Жестом подзывает маму.

Та пристально смотрит на меня.

— Жди тут, — приказывает она и идет к папе.

Когда папа идет за лопатой, а потом таскает один за другим мешки с известью, я понимаю, что все животные, принадлежавшие прежним обитателям фермы, мертвы. Но именно то, как они умерли, расстроило родителей. Вечером, играя в гостиной, я слышу, как они обсуждают это за столом в кухне. Понимаю, что коровы в стойле взбесились, потому что их никто не кормил.

«Кодекс путника» предписывает отпускать животных на волю, когда покидаешь какое-то место.

А этих бедных коров, наоборот, заперли.

Дни проходят, становясь все короче. Близится зима. Каждое утро я собираю на лугу цветы и приношу под каштан. Оставляю их там для Адо. Потом всегда задерживаюсь, чтобы поговорить с ним о том, что происходит в доме: ведь, кажется, только я это замечаю.

Знаки.

Кроме мертвых коров и рисунка на чердаке, по ночам хлопают двери. Но только на верхнем этаже, где никого нет. Папа говорит, что это нормально, что в доме полно сквозняков. Но тогда почему они не хлопают днем? Никто не может ответить.

Мама так и не сшила мне куклу, говорит, что надо переделать кучу дел до того, как пойдет снег. Но она повторила обряд для очищения дома. Мама всегда говорит, что дома помнят голоса своих обитателей, хранят их. По ночам я стараюсь вслушаться, но они говорят на языке, которого я не знаю, он состоит из сплошного шелеста и пугает меня. Тогда, чтобы не слышать голосов, я прячу голову под одеяло.

Середина дня. На мне длинная, по щиколотку, вельветовая юбка, кардиган в разноцветных ромбиках, свитер под горло, шерстяные носки и башмачки. Мама говорит, что, выходя из дома, я должна также

надевать шарф. Я развлекаюсь тем, что топчу сухие листья, покрывающие лужайку перед домом, мне нравится, как они шуршат. Ветер меняет направление, вдруг становится холодно. Над нашей маленькой долиной мчатся черные тучи. Трава на лужайке высохла, поэтому я только сейчас замечаю, как что-то торчит из земли. Лоскут ткани. Я подхожу ближе, мне и боязно, и любопытно. Встаю на колени, всматриваюсь, пытаюсь понять, что там закопано. Протягиваю руку, касаюсь яркой тряпицы. Потом пальцами разрываю землю вокруг. Это рука. Мягкая. Потом показывается и вторая, и обе ножки, только без ступней. Наконец голова, очень большая по сравнению с телом. Тряпичная кукла смотрит на меня одним-единственным глазом. Я вытряхиваю землю из ее шерстяных волос. Я слишком рада этому неожиданному подарку. Не задаюсь вопросом, как она оказалась здесь, кто ее зарыл. Даже не спрашиваю себя, кто была эта девочка, для которой ее пошили. Решаю, что теперь она моя и мы всегда будем вместе.

Но и кукла — тоже знак.

Пришла зима, которой мы ожидали и также боялись. Выпал обильный снег. Он шел целыми днями, без перерыва. Потом переставал, но мы знали, что ненадолго, потому что небо по-прежнему было белым, нависало над головой.

Мне надоело все время сидеть дома. Но папа молчит, чтобы не сердилась мама, которая как раз считает, что в такую пору нужно быть в тепле. Однажды утром, за завтраком, папа сообщает, что собирается на охоту с луком и стрелами. Он заметил следы великолепного оленя, который бродит в окрестностях, жалко такого упустить. У нас будет много свежего мяса, нам не придется все время питаться консервами. Мама терпеливо слушает его, кивает, но еще не убеждена окончательно. Я перевожу взгляд с одного на другую, хочу понять, чем это закончится. Папа приводит целый ряд основательных причин, сдабривая их капелькой здравого смысла. Мама не перебивает его, знает, что за ней останется последнее слово. Я надеюсь, что она скажет «да» и нам будет чем заняться в эти нескончаемые дни. Будем резать и солить мясо, выделывать шкуру. Может, папа на счастье повесит в доме голову оленя. Мама наконец высказывается, но такого решения никто от нее не ожидал.

— Хорошо, но мы пойдем все вместе, — говорит она с улыбкой. Радость переполняет меня, глаза искрятся.

Мы с мамой готовим еду в дорогу, хлеб со сгущенкой, и наливаем во флягу свежей воды с малиновым сиропом; все это кладем в матерчатый рюкзак. Папа смазывает жиром тетиву, вешает на плечо колчан с тридцатью острыми стрелами. Мы оставляем огонь в печи, чтобы дом не выстыл к нашему возвращению. Надеваем пальто, шерстяные шапки, толстые шарфы.

Мы идем, проваливаясь в глубоком снегу. В лесу тихо. Будто земля поглотила все звуки. Малейший звук отскакивает от невидимых стенок, созданных эхом, пока не теряется вдали.

Папа обнаружил следы оленя, гонится за добычей, опережая нас на несколько метров. Я держусь за мамину руку, знаю, что нужно молчать. С бьющимся сердцем наблюдаю за происходящим. Потом неизвестно почему поднимаю глаза к небу. И замираю. Поскольку говорить нельзя, поднимаю руку и показываю маме на то, что увидела. Она тоже это видит и зажимает рот рукой, чтобы не закричать. Но папа все равно слышит ее подавленный вопль. Возвращается к нам, хочет понять, что происходит. Наконец, взглянув наверх, тоже застывает неподвижно.

На ветке дерева, очень высоко, подвешены три пары кроссовок. Две для взрослых, одна детская. Медленно раскачиваются, как маятник, под холодным ветром в лесу.

Я сразу думаю о прежних обитателях фермы Штрёмов. Тех, которые ушли отсюда перед тем, как явились мы. Но как можно уйти без обуви, спрашиваю я себя. Ответ простой: эти люди никуда не уходили. Они все еще здесь, или же кто-то увез их насильно.

Тогда я понимаю, что либо они мертвы, либо тот, кто забрал их, до сих пор где-то очень близко. И я не знаю, что страшит меня больше.

— Мама, что случилось с теми людьми?

Она молчит, пробует улыбнуться, но тревога слишком сильна: губы неестественно изгибаются, улыбка становится гримасой.

Вечер. В гостиной растопили камин. Папа обходит дом, проверяет — я точно не знаю, что именно. В итоге мы не подстрелили оленя. Вернулись назад, оставив кроссовки раскачиваться наверху.

— Хочешь, пришьем второй глаз твоей кукле? — спрашивает мама, желая отвлечь меня от мыслей о том, что случилось сегодня.

— Спасибо, не надо, — вежливо отвечаю я. — Моей кукле и так хорошо. У нее один глаз, но им она может видеть вещи, которые мы видеть не можем. Невидимые вещи.

Маму пробирает дрожь. Может быть, моя кукла внушает ей страх.

Пока я сплю, моя тряпичная кукла видит, как мама и папа спорят в кухне.

— Нужно быстрее уходить отсюда, — говорит мама, чуть не плача.

— Мы не сможем пуститься в путь до весны, ты сама это знаешь: придется подождать, пока снег растает, — отвечает папа, пытаясь ее успокоить.

— А если они придут и за нами тоже? — спрашивает она, глядя на него в отчаянии.

Моя кукла не понимает, кто это должен с минуты на минуту прийти за ними.

— Ты тоже видел кроссовки на дереве, коров в стойле, — продолжает мама. — И мы не задумывались, откуда взялись эти вещи, которыми полон дом, и почему те, кто были здесь до нас, оставили их.

— Верно, не задумывались. Но нам было нужно где-то обосноваться, иначе мы бы не выжили.

Мама хватается папу за рубашку, притягивает к себе.

— Если они придут, то уведут ее, и мы ее больше никогда не увидим... — И добавляет: — Чужим неинтересно знать, кто мы и что мы, они только хотят причинить нам зло.

Кукла слышит это слово. Чужие. И тут же передает мне. Я тоже слышу его впервые. И впервые у меня возникает впечатление, что мы не сами избрали для себя кочевую жизнь. Мы бежим от чего-то, хоть я и не знаю от чего.

Зима длинная, и в ожидании весны мы всячески стараемся скрыть наше здесь присутствие. Например, разводим огонь в печи или в камине, только когда стемнеет, чтобы издалека не было заметно дыма.

Проходят месяцы, и наконец вокруг фермы Штрёмов начинается таять снег. Но еще недостаточно, чтобы можно было уйти. Мама

волнуется больше обычного, и папе не удается ее успокоить. Она уверена, что чужие вот-вот придут, и мы должны что-то сделать, чтобы избежать худшего. Я не знаю, что это за худшее, о котором говорит мама. Но мне все равно страшно.

Однажды днем я вижу, как она что-то шьет у окна своей комнаты, где светлее. Я не знаю, что это, но она отпоролла атласную оборку от старого праздничного платья и срезала что-то серебристое с кокарды, которую мы нашли в бауле. А папа закрылся в стойле, захватил туда доски, и я слышу, как он там пилит и колотит молотком.

После ужина, перед тем как идти спать, папа усаживается в старое кресло и берет меня на колени. Мама садится перед нами на корточки, прямо на ковер. У них что-то есть для меня. Подарок. Глаза у меня блестят от радости. Я хватаю коричневый пакет из волокон рафии и открываю его.

Внутри лежит повязка из красного атласа, а на ней — колокольчик.

Мама подвязывает его мне к щиколотке и говорит:

— Завтра мы поиграем в замечательную игру.

Я так возбуждена, что с трудом засыпаю. А проснувшись, спешу позавтракать, чтобы узнать наконец, что это за таинственная игра. Благодаря колокольчику, мои шаги по дому сопровождаются веселым звоном. Родители уже встали, ждут меня в гостиной. Стоят перед камином, улыбаются мне, отходят в стороны: на ковре за их спиной стоит деревянный сундук, такой же как для Адо. Только немного побольше.

— Игра вот такая: нужно выдержать как можно дольше там, внутри, — объясняет папа. — Ну-ка давай попробуем.

Я в недоумении. Я не хочу залезать в сундук. Что это за игра? Но родители так довольны, что мне не хочется их огорчать, и я делаю так, как мне сказано. Ложусь, смотрю на них снизу, а они, склонившись, улыбаются мне.

— Теперь положим крышку, — говорит папа. — Но не беспокойся, пока только положим сверху.

Это «пока» не нравится мне. Но я молчу. Крышку кладут, они считают хором, сколько проходит времени, а мне интересно, как я могу в такой игре победить.

— После ужина мы закроем крышку как следует, — объявляет мама. — Вот увидишь, будет весело.

Мне вовсе не весело. Эта игра какая-то страшная. Когда папа начинает заколачивать крышку, стук молотка раздаётся вокруг меня и в моей голове. От каждого удара я вздрагиваю. Закрываю глаза. Это все не вразумно, это просто очень плохой сон. Я начинаю плакать. Слышу мамин голос.

— Не плакать, — говорит она самым своим строгим тоном.

Там, внутри, темно и тесно: я не могу двигать руками.

— Когда почувствуешь, что больше не выдержишь, пошевели ногой с колокольчиком: мы услышим и откроем сундук, — объясняет папа.

— Но ты должна продержаться как можно дольше, — увещевает мама и начинает считать.

Первые несколько раз я заставляю колокольчик звенеть прежде, чем счет доходит до ста. Я хочу прекратить, но они настаивают, говорят, что это важно. Я не понимаю почему, но даже не могу возмутиться. Они не разрешают. Так продолжается почти весь день. Иногда я плачу настолько безудержно, что им тоже больно, я это замечаю. Тогда мы прерываемся ненадолго, но потом начинаем снова.

К вечеру я настолько устала и измучилась, что даже не в силах ужинать. Мама и папа относят меня в постель, остаются со мной, гладят мне руки, пока я не засыпаю. Целуют, просят прощения. Наконец тоже начинают плакать.

Наутро мама будит меня. Заставляет одеться, выводит из дома. Я вижу, что папа стоит под старым каштаном. У него в руках лопата. Когда мы подходим ближе, я замечаю, что он вырыл яму рядом с местом, где похоронен Адо. У его ног стоит мой сундук. Слезы непроизвольно текут у меня по щекам. *Почему вы делаете это со мной?* Мне очень страшно. Мама и папа никогда не причиняли мне зла, этот страх для меня внове и поэтому так ужасен.

Мама встает передо мной на колени:

— Сейчас мы опустим сундук в яму. Будем делать все постепенно, но придет момент, когда папа засыплет его землей.

— Я не хочу, — твержу я сквозь рыдания.

Но у мамы неумолимый взгляд, в нем нет места жалости.

— Когда почувствуешь, что тебе не хватает воздуха, позвонишь в колокольчик, и мы тебя вытащим.

— Не хочу, — повторяю я вне себя.

— Послушай: ты — особенная девочка.

Особенная девочка? Я этого не знала. Что это значит?

— Поэтому мы с папой должны защищать тебя от чужих. Чужие ищут тебя. Если хочешь жить, ты должна научиться умирать.

После нескольких попыток наступает момент решающего испытания. Папа уже заколотил сундук. Еще немного, и я слышу, как комья земли сыплются на крышку. Отрывистые, неистовые звуки. По мере того как слой земли надо мной становится толще, звуки стихают. Я слышу, как ритмично лязгает лопата. Слышу собственное учащенное дыхание. Потом остается только оно, и стук моего маленького сердечка, отдающийся в ушах. Тишина вокруг меня еще хуже темноты. Я думаю об Адо. Я никогда не задавалась вопросом, что он чувствует, запертый в своем сундуке, под землей. Теперь мне его жалко. У него даже нет колокольчика, привязанного к щиколотке. Никто не может ему помочь. Сколько времени прошло? Я забыла начать счет. Дышать становится трудно. Я долго не выдержу. Я шевелю ногой, звон колокольчика оглушает, раздражает меня. Но я продолжаю звонить. Не хочу оставаться здесь, внизу. Не хочу умирать. Но ничего не происходит. Почему я не слышу, как лопата снова втыкается в землю? И тогда во мне возникает ужасное сомнение. Что, если мама и папа не могут меня слышать? Что, если они ошиблись? Я начинаю кричать. Знаю, что не должна этого делать, как и тогда, когда чуть не утонула в реке. «Если тонешь, звать на помощь — последнее дело». Воздух быстро расходуется, я себя чувствую свечой под перевернутым бокалом. Дыхание прерывается, голос пропадает, я уже не в силах произнести ни звука. Глаза смыкаются, я хриплю, меня пробирает дрожь. Я мечусь безудержно в этом тесном пространстве, охваченная спазмами и конвульсиями, и никак не могу остановиться.

Невидимая рука закрывает мне рот. Я умираю.

Ханна вышла из транса внезапно, приподнялась на качалке и широко распахнула глаза. Но все еще задыхалась.

— ...четыре, три... — Пьетро Джербер считал быстро, чтобы помочь ей восстановить связь с реальностью. — ...два, один: дышите, — призывал он. — Не бойтесь: дышите.

Она была напряжена, крепко вцепилась в подлокотники. Дышала прерывисто.

— Вы больше не в сундуке, это прошло, — уговаривал гипнотизер, беря ее за руку.

Джербер настолько вовлечен в ее рассказ, что сам не уверен, что находится у себя в кабинете. Ему слышался звон колокольчика, спрятанного в кармане. Он испытывал тот же ужас, что и Ханна Холл. *И снова прикоснулся к ней.* Но виной всему паника, сказал он себе. А еще мысль о сыне, который спал с этой проклятой красной ленточкой на щиколотке.

Наконец женщину удалось убедить: она вернулась в реальность, ее окружавшую, задышала ровно.

— Так, молодец, — подбодрил ее доктор, заодно высвобождая руку.

Ханна оглядывалась вокруг, все еще не доверяя своим чувствам.

Джербер направился к книжному шкафу. Открыл его, взял бутылку воды, налил немного в стакан, отнес пациентке, отметив, что сам весь дрожит. Нужно успокоиться, сказал он себе. Не ровен час, Ханна заметит.

— Я умерла, — твердила вне себя Ханна, не сводя с него полных ужаса глаз. — Умерла.

— Ничего подобного.

— Как вы можете это знать? — чуть ли не взмолилась она.

Психолог вернулся к своему креслу. «Если бы вы умерли, вас бы тут не было», — пришел ему в голову ответ, самый очевидный, но и наименее подходящий: перед ним женщина, страдающая тяжелой формой паранойи, этого не следует забывать. Ссылка на очевидность

не поколеблет убеждения того, кто живет, опутанный коконом разнообразных страхов.

— Я подавила память о ферме Штрёмов.

— Мне жаль, что воспоминание всплыло так внезапно, а главное, что пробуждение от гипноза оказалось травматическим.

Однако Ханна мгновенно оправилась от шока. Выражение лица изменилось, стало по-прежнему непроницаемым. Сунув руку в сумку, она как ни в чем не бывало вытащила зажигалку и «Винни».

Джербер поразился такой внезапной перемене. Будто бы две разных личности обитали в одном и том же человеке.

— Они могли меня слышать...

— Кто, чужие?

— Мои родители... Стоя над ямой, они прекрасно слышали звон колокольчика, сами сразу в этом признались. Но не стали тотчас же меня откапывать. — Ханна глубоко затаилась, изучая реакцию Джербера. — Знали, что я потеряла сознание, но их целью было выяснить, сколько времени я смогу выдержать под землей. Колокольчик служил для того, чтобы я поверила, будто могу позвать на помощь, а на самом деле то был всего лишь способ утихомирить меня.

— По-вашему, они поступали правильно?

— Чужие так и не пришли на ферму Штрёмов, а летом мы покинули те места.

— Я не об этом спросил... — стоял на своем психолог.

Ханна задумалась.

— Задача родителей — защищать своих детей. Сундук был лучшим укрытием, какое они могли придумать: чужие не должны были найти меня. Любой ценой мои родители должны были это предотвратить... Ведь я была «особая девочка», — горестно улыбнулась Ханна.

— В чем, по-вашему, заключалась ваша особенность?

Ханна не стала отвечать. Стряхнула пепел в пластилиновую пепельницу и посмотрела на часы.

— Скоро придут другие ваши пациенты, мне, наверное, лучше уйти.

Джерберу нечего было возразить. Тут он увидел, как женщина поднимает с пола пакет с подарком, который утром принесла с собой.

— Я купила это для вашего сына.

Только теперь психолог догадался, что в пеструю бумагу была завернута книга.

— Я не могу это принять, — сказал он как можно мягче, стараясь не выглядеть невежей.

Ханна, по-видимому, огорчилась.

— Я не хотела вас обидеть.

— Я не обиделся.

— Не думала, что это неправильно.

— Не то чтобы неправильно: неуместно.

Ханна задумалась на мгновение, словно пытаясь уловить некий ускользающий от нее смысл.

— Пожалуйста, не заставляйте меня возвращаться с этим в гостиницу, — настаивала она, вновь протягивая ему пакет.

Ты вошла без спроса в кабинет моего отца. Ты приблизилась к моей семье. Не знаю как, но ты прикрепила колокольчик к щиколотке моего сына. Я не позволю тебе и дальше вторгаться в мою жизнь.

— Это не идет на пользу лечению, — объяснил он. — Необходимо, чтобы между нами всегда существовала безопасная дистанция.

— Безопасная для кого? — спросила женщина.

— Для обоих, — ответил без обиняков Пьетро Джербер.

Он вспомнил, что обещал Терезе Уолкер узнать, где остановилась Ханна. Поскольку она упомянула гостиницу, решил этим воспользоваться и спросил:

— В каком из отелей Флоренции вы остановились?

— В «Пуччини»: он старый, и завтрак не включен в обслуживание, но большего я не могу себе позволить.

Джербер запомнил название. В случае необходимости — или опасности — он будет знать, где ее найти.

Женщина потушила окурок в пепельнице, забрала свои вещи и направилась к двери. Но обернулась:

— По-вашему, я должна злиться на своих родителей из-за истории с сундуком?

Он спросил в свой черед:

— А вы сами считаете, что должны?

— Не знаю... Каждый раз, когда мы меняли дом голосов, родители изыскивали способ обезопасить меня. Сундук был одним из

них. За все те годы было множество разных укрытий: полость между стенами, отделение в шкафу, тайная комната под камином. — Ханна помолчала. — На что бы вы были способны пойти, чтобы защитить своего сына?

— На все, — тут же ответил Джербер. Сказал это с нажимом: пусть осознает, что предупреждение касается и ее тоже.

Едва Ханна Холл покинула мансарду, как в голове Пьетро Джербера водоворотом закружились тревожные мысли.

Если хочешь жить, надо научиться умирать.

Пытаясь справиться с беспокойством, гипнотизер решил, что невинно будет проверить, насколько соответствуют истине некоторые пункты рассказа Ханны. Немного деталей было в его распоряжении. Он начал с фермы Штрёмов.

Ханна упомянула заброшенный шахтерский поселок, а Пьетро припомнил, что в холмах между провинциями Гроссето, Пиза и Ливорно имеются рудоносные пласты.

Дом определенно находился где-то неподалеку.

Однако Штрём — фамилия, нетипичная для Тосканы. Но, поискав в интернете, Джербер обнаружил, что действительно в конце девятнадцатого века семья датского происхождения перебралась в те края, чтобы заняться разведением скота.

Открыв спутниковую карту, он принялся искать реку, в которой Ханна чуть не утонула. Восстанавливая путь к ней, обнаружил плотный лесной массив. Увеличил изображение и нашел рядом с речушкой разрушенный дом, почти скрытый под растительностью.

Ферма была на месте. И стойло, и каштан, под которым Ханна Холл, вероятно, испытала, что значит быть похороненной заживо.

На что бы вы были способны пойти, чтобы защитить своего сына?

Последующие часы Джербер должен был посвятить своим маленьким пациентам, но никак не мог сосредоточиться. Утренний сеанс оставил неизгладимое впечатление. Более того, последняя фраза, которую произнесла Холл перед тем, как распрощаться, ужаснула его. Что она подразумевала? Угрозу?

Сбывалось худшее, что только могло случиться в его профессии: пациент пытался контролировать ситуацию. Обычно этого бывало

достаточно для немедленного разрыва всех отношений. Но как он хорошо знал, в случае, когда применялся гипноз, такой разрыв нежелателен. И все же у Пьетро складывалось впечатление, что пациентка ускользает.

Около полудня, закончив сеанс с девятилетней девочкой, которую мучили кошмары, Пьетро решил сделать перерыв и позвонить жене.

— Соскучился? — спросила та, веселая и удивленная: это было что-то новое, такого раньше не случилось. — Обычно ты не звонишь мне по утрам.

Сильвия часто жаловалась, что у мужа совсем нет чувства времени, он вечно все делает невпопад. Но на этот раз она казалась довольной.

— Просто хотел поболтать, — оправдывался Джербер, чувствуя себя неловко.

— Неудачный день? Утром за завтраком мне так показалось, — проговорила женщина, вспомнив, как он, мрачный и хмурый, пулей вылетел из дома.

— Бывали и получше, — признался Джербер.

— И не говори, — пожаловалась она. — Утром мне пришлось разбираться с парой юных супругов, у которых после медового месяца развилась обоюдная мания убийства.

— Три года спустя я вошел в запертую комнату, — перебил ее Джербер, сам не зная зачем и не добавляя никаких подробностей того, как произошло его вторжение в лес из «Книги джунглей».

Сильвия надолго умолкла.

— И как ты теперь себя чувствуешь?

— Выбит из колеи...

Его жена и *синьор Б.* не были знакомы. И разумеется, его отец не успел увидеть внука. Пьетро Джербер встретил женщину своей жизни через несколько месяцев после смерти родителя. Их брак был скоропалительным. Любовь с первого взгляда, сказал бы всякий.

Но в действительности ему было необходимо ее найти.

Он искал. Потратил на это много сил. Чувствовал необходимость завести новую семью, поскольку та, в которой он рос, осталась лишь болезненным воспоминанием о былом. Возможно, его маниакальное стремление жениться и зачать сына не было таким уж благим. Наверное, Сильвии потребовалось бы несколько больше времени. Им

не хватило беспечности начального периода отношений, когда влюбленные друг о друге еще ничего не знают и радуются понемногу, друг друга открывая. В самом деле, был момент, когда решение жить вместе чуть не поставило брак под угрозу. Хотя потом отношения наладились, у обоих сохранилось впечатление, будто они пропустили какой-то отрезок между знакомством и обещанием провести вместе остаток жизни.

— Почему ты никогда мне о нем не рассказываешь?

Джербер, не отдавая себе отчета, так стиснул мобильник, что побелели костяшки пальцев.

— Потому, что даже не в силах сказать о нем: «мой отец»...

Сильвия уже подметила такую странность, хотя данной темы они никогда не касались. Джербер стал звать его *синьор Б.*, сокращая прозвище *синьор Балу*, с каким к нему обращались дети, которых он лечил. Более всего то был способ выразить презрение к родителю, которого больше не было.

— Ты так и не захотел рассказать мне, что произошло между вами, — заметила Сильвия с явным огорчением.

Но у Пьетро не хватило духу раскрыть секрет.

— Пожалуйста, давай сменим тему. Сам не знаю, почему я об этом заговорил.

— Конечно. Только одно, последнее, — настаивала жена. — Если ты так его ненавидишь, почему занимаешься тем же самым?

— Потому что, когда я обнаружил, кто он на самом деле, было уже слишком поздно.

Сильвия оставила этот разговор. Пьетро был ей за это благодарен. Возможно, когда-нибудь он будет в состоянии открыть ей правду, но пока хватит и этого.

— Моя ассистентка недавно принесла пакет, — сказала жена, когда они уже закруглялись. — Я хотела дома с тобой поговорить, но раз уж ты позвонил...

— Что за пакет? — встревожился Джербер.

— Кажется, книга: кто-то оставил ее у меня в кабинете для Марко.

Он быстро завершил звонок, стараясь не напугать Сильвию. Потом схватил плащ, промчался по лестнице дворца и подождал такси.

Тревога пожирала его: мысль о том, что его сын — его мальчик — может оказаться в опасности по его вине, делала его беззащитным и в то же время переполняла яростью.

Он назвал таксисту адрес яслей и попросил ехать как можно скорее. Тем не менее путь показался ему нескончаемым.

На что бы вы были способны пойти, чтобы защитить своего сына?

Ханна Холл сказала «защитить», не «уберечь». Может, слово было выбрано случайно. Но ему казалось, что ни один сигнал, исходящий от этой женщины, не является случайным.

Подъехав к яслям, он расплатился с таксистом и бросился к двери. Переступив порог, остановился, изумленный и растерянный. Ощущение бессилия внезапно овладело им.

Его встретил серебряный звон десятков колокольчиков.

Он пошел на звук по длинному коридору до общей комнаты с лабиринтом туннелей, горок и надувных матрасиков, где его наконец встретила одна из нянечек.

— Это папа Марко, — узнав его, сердечно проговорила та. — Вы так рано пришли за ребенком?

Джербер увидел сына, который играл с другими детьми: карабкался на модули, ползал по туннелям. У всех на щиколотках были красные атласные ленточки. А на ленточках — маленькие колокольчики.

Психолог порылся в кармане и вытащил тот, который ночью снял с ноги сына. Заколдованную штучку, которая, если верить Ханне Холл, возвращает из земли мертвых.

— Это такая звуковая игра, мы уже несколько дней ее проводим, — объяснила нянечка, не дожидаясь вопроса. — Детям очень весело.

Но Пьетро Джербер не знал, испытывать ли ему облегчение.

— Если Ханна Холл видела колокольчик на щиколотке Марко, значит она, будучи под гипнозом, солгала, придумала эту деталь.

— Суть в том, что эта женщина видела нашего сына, — раздраженно бросила Сильвия. — Это значит, что она наблюдает за нами на расстоянии, а может, даже и выслеживает.

— Зачем бы ей понадобилось намеренно вставлять выдумку в свой рассказ, зная, что, со всей вероятностью, я это обнаружу?

— Может, затем, что она психопатка? — подсказала жена.

Но Пьетро Джербер не успокаивался. Повторялась история с листком, на котором было написано имя Адо. Странность за странностью: тайна вокруг Ханны Холл сгущалась, и это сводило психолога с ума.

Едва сдерживаясь, Сильвия выслушала рассказ мужа о том, что приключилось с ним за время общения с Ханной Холл, с самого начала. Как он и предполагал, жену встревожил оборот, который начала принимать эта история. Они уже целых полчаса спорили в гостиной, даже не стали ужинать: обоим было не до еды. Слишком сильное напряжение. Они должны были поскорей найти какой-то выход, пока не сделалось слишком поздно.

Сидя на диване, Сильвия продолжала листать книжку, которую Ханна подарила Марко.

«Веселая ферма».

Не было там ничего веселого, сразу сказал себе Пьетро Джербер, быстро проведя аналогию с фермой Штрёмов. Ханна снова послала ему будоражащее послание, поддававшееся тысяче толкований, многие из которых были таковы, что и помыслить страшно.

Какая-то жестокая игра в загадки: едва психолог делал попытку разгадать одну, как обнаруживал, что в самой разгадке кроется другая, в которой еще больше тайных смыслов.

— Не нравится мне это дело, — проговорила Сильвия.

— Может быть, Ханна Холл просто пытается сказать мне что-то, чего я не в состоянии понять, и это моя вина?

Сильвия резко вскочила с дивана, уронив книжку сказок на пол.

— Почему ты выгораживаешь ее? Неужели не можешь принять тот факт, что она тобой манипулирует?

Жена была в бешенстве, и Джербер не мог ее за это упрекнуть.

— Ты задаешься вопросом, не придумала ли она эпизод с колокольчиком, но не хочешь предположить, что вся ее история может быть враньем. Это нелепо.

— Ее воспоминания слишком яркие и живые, чтобы быть плодом воображения, — возразил он. — Боже правый: я видел, как она чуть не задохнулась, когда поверила, что лежит в сундуке, засыпанном землей.

Джербер поймал себя на том, что слишком повысил голос, и, поскольку Марко уже спал, умолк на мгновение, опасаясь, что разбудил его. Но из комнаты сына не доносился плач, все было тихо.

— Послушай, — сказал Пьетро, придвигаясь к жене. — Если она обманщица, мы это скоро узнаем: женщина-психолог, наблюдавшая ее в Австралии, наняла частного детектива, чтобы тот собрал о ней информацию.

Это напомнило ему, что Тереза Уолкер обещала также прислать по электронной почте аудиозапись ее первого и единственного сеанса с Ханной, но до сих пор не сделала этого.

— И еще одно, — добавил он серьезно. — Вначале я думал, что история о ребенке, которого она убила, когда была маленькой, — ложное воспоминание, созданное нестойкой, больной психикой женщины, которой отчаянно не хватает внимания... Теперь я уверен, что Ханна Холл сказала правду.

Сильвия вроде бы несколько успокоилась.

— Если она, по-твоему, не лжет, как ты объясняешь произошедшее?

— Помнишь дело матери, которую в пятидесятые годы осудили за убийство собственного ребенка?

— Да, на экзамене по криминологии в университете был такой вопрос.

— Может быть, помнишь также мою концепцию относительно данного случая?

— Ты полагал, что старший сын убил брата, а мать взяла вину на себя, чтобы его спасти.

Что лучше: считаться матерью-убийцей или матерью убийцы? Пьетро Джербер, задавая себе этот вопрос, воображал, какие сомнения

мучили ту женщину.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ханна Холл утверждает, что убила Адо, когда была еще слишком мала, чтобы осознать всю тяжесть поступка... Думаю, Адо был ее братом.

Сильвия начинала понимать.

— По-твоему, родители скрыли факт убийства и, чтобы у них не забрали дочь, стали переходить с места на место?

Он кивнул.

— И все время меняли свою идентичность, поскольку находились в бегах: если бы какой-нибудь приставала и спросил у Ханны, как ее зовут, она бы назвалась очередной принцессой.

— Но это еще не все, — заявил Джербер. — Как ты знаешь, память нельзя стереть иначе, как только повредив мозг. В отличие от других жизненных коллизий психологические травмы оставляют невидимые, но глубокие следы: воспоминания, погребенные в области бессознательного, рано или поздно выходят на поверхность, иногда принимая другие формы... Женщина, жертвующая собой ради сына, думая этим спасти его, на самом деле оставляет на свободе убийцу, который заархивировал память о своем поступке, не понимая всей его тяжести, всего смысла, а значит, может повторить его в любой момент.

При мысли о том, что Ханна снова может совершить преступление, он содрогнулся.

— Родители Ханны знали, что жить в бегах, таская с собой труп, недостаточно... — подытожила Сильвия.

— Они должны были скрыть произошедшее прежде всего от дочери, — подтвердил психолог. — И вот готова история о «чужих», а потом и о семействе, пропавшем на ферме Штрёмов.

— Постановка.

— Нечто вроде промывания мозгов, — поправил ее Джербер. — Похоронить ее живой входило в их терапию.

Дабы убедить дочь, что это делается ради ее блага, мать заставила ее поверить, будто она — «особенная девочка».

Сильвия бессильно упала на диван, настолько была потрясена. Пьетро было приятно, что жена согласилась с ходом его мыслей, но более всего порадовался тому, что Сильвия снова встала на его сторону.

— Ты постарайся держать ее подальше от нас, правда? — спросила она, сама не своя от тревоги.

— Конечно, — успокоил ее Джербер.

Ему самому вовсе не хотелось, чтобы Ханна и дальше вмешивалась в их жизнь.

Сильвия успокоилась. Тогда Пьетро ненадолго оставил ее, чтобы подобрать с пола «Веселую ферму». Падая, книга раскрылась, легла обложкой вверх. Джербер поднял ее, но, прежде чем закрыть, рассеянно взглянул на иллюстрацию.

К такому удару он не был готов. Стал лихорадочно листать подарок Ханны Холл, ища смысл этой новой абсурдной головоломки.

— Господи боже... — только и удалось ему произнести.

В игровой комнате никогда ничего не менялось.

Таково было неперемное условие: все должно оставаться знакомым, незыблемым. Сломанные игрушки тотчас же заменялись точно такими же. Раскраски клались нетронутые, карандаши и мелки всегда новые.

Всякий раз вход для других посетителей перекрывался. У ребенка должно было складываться впечатление, что это место предназначено только для него, словно материнская утроба.

Гипноз, чтобы оказать действие, должен войти в привычку. Всякое нарушение порядка вещей отвлекало, и это порой оказывалось фатальным для терапии.

Метроном отбивал ритм, существующий только в этих четырех стенах. Сорок ударов в минуту.

— Как дела, Эмильян? Все хорошо? — спросил улеститель детей, уверившись, что малыш вошел в состояние легкого транса.

Тот как раз заканчивал рисовать паровоз и просто кивнул. Оба сидели за низеньким столиком, на котором лежала стопка бумаги и цветные карандаши на любой вкус.

Этим утром на белорусском мальчике была футболка, немного тесноватая, и признаки истощения, следствие анорексии, были отчетливо видны. Джербер старался не поддаваться чувствам: на карту была поставлена судьба пятерых человек.

— Помнишь, что ты мне говорил в прошлый раз? — спросил он.

Эмильян снова кивнул. Джербер не сомневался в том, что мальчик все прекрасно помнит.

— Может быть, повторишь, если я попрошу?

Малыш немного помедлил. Он понял, о чем его просят, в этом гипнотизер был уверен, но не знал, согласится ли подтвердить свой рассказ. Тем не менее было важно продолжить сеанс с того места, где он прервался.

— Я рисовал, вот как сейчас, и услышал считалочку про любопытного мальчишку... — тихо проговорил Эмильян, не отрываясь от рисунка. — Тогда я пошел в кладовку... Там были мама и

папа, дедушка, бабушка и отец Лука. Но у них на лицах были маски, маски животных. — Он уточнил. — Кот, овца, свинья, филин и волк.

— Но ты все равно их узнал, верно?

Эмильян дважды кивнул с самым невозмутимым видом.

— Ты помнишь, что они делали?

— Они были голые и делали штуки из интернета.

Джербер отметил, что Эмильян выбрал тот же самый весьма удачный эвфемизм для сцены секса. То, что он использовал практически те же слова, подтверждая рассказ, прозвучавший на предыдущем слушании, вселяло надежду. Воспоминание было четким, ясным. Не искаженным последующими фантазиями.

Психолог на мгновение поднял взгляд на зеркальную стену. Он не мог видеть выражение лица Аниты Бальди, но знал, что судья по делам несовершеннолетних в очередной раз задается вопросом, соответствует ли истине такое изложение фактов. Представил себе также, в каком напряжении пребывают обвиняемые: кто знает, что в тот момент творилось в головах приемных родителей Эмильяна, бабушки, дедушки и отца Луки. Вся их жизнь зависела от того, что скажет или не скажет шестилетний ребенок.

— Ты когда-нибудь еще ходил в кладовку?

Малыш отрицательно покачал головой, потеряв всякий интерес к беседе. Тогда, чтобы заставить его вернуться, Джербер стал повторять считалочку, которую Эмильян услышал в тот знаменательный вечер и которая привела его к неподобающей сцене.

— Вот любопытный мальчишка — в двери отодвинул задвижку — в темноте крошечной — голос слышится нежный — лукавое привидение — заманивает вареньем — любопытному мальчишке хочет разорвать штанишки.

Эмильян взял черный мелок. И, заметил Джербер, начал изменять свой рисунок.

— Полдник... — проговорил он.

— Ты голоден? Хочешь есть? — спросил гипнотизер.

Эмильян не ответил.

— Тебе пора полдничать? Я не понимаю тебя...

Возможно, ребенок просто пытался ускользнуть. Но вот он поднял взгляд на психолога, потом на зеркало: у Джербера сложилось впечатление, что упоминание о полднике служило для того, чтобы

отвлечь тех, кто слушал за стеной. Эмильян добивался внимания от него, и только от него. Так что психолог сконцентрировался на рисунке. То, что он увидел, ему совсем не понравилось.

Цветной паровозик превращался в лицо. Удлиненные глаза без зрачков, огромный рот с острыми зубами.

В таких смутных образах сосредоточены все тревоги, все страхи детства. Чудовища, являющиеся ребенку, пропадают, вспомнил Джербер. Но они есть. Ты их видишь.

Закончив рисовать чудище, мальчик дал ему имя.

— *Мати*, — произнес он вполголоса, тыча в него пальцем.

Гипнотизер понял, что настал подходящий момент, чтобы освободить невинное дитя от его кошмара. В игровую комнату, где никогда ничего не менялось, улеститель детей привнес неожиданное новшество. Сдвинув листы бумаги, лежавшие перед Эмильяном, обнаружил то, что было скрыто под ними с самого начала сеанса. Книгу сказок, которую Ханна Холл подарила Марко: «Веселая ферма».

— Ты когда-нибудь видел эту книгу? — спросил Джербер.

Мальчик взгляделся в нее, но ничего не сказал. Психолог принялся листать тонкую книжку с картинками. Ферму населяли одни и те же милые персонажи.

Кот, овца, свинья, филин и волк.

Час назад по указанию Джербера сотрудник социальной службы провел обыск в комнатке ребенка и нашел точно такой же экземпляр.

Гипнотизер заметил, как мелкие слезинки заскользили по щекам Эмильяна.

— Успокойся, все хорошо, — ободрил он мальчика.

Ничего хорошего не было: новая, сильная эмоция ворвалась в игровую комнату, нарушив ее покой. Мальчик-призрак был выведен на чистую воду и теперь чувствовал себя беззащитным, униженным.

Тогда Эмильян склонился над своим рисунком. И повторил еле слышно:

— Мой полдник всегда такой невкусный...

Джербер решил, что на этот раз хватит.

— Сейчас мы начнем считать с десяти в обратном порядке, потом все закончится, обещаю.

Сотрудница социальной службы забрала Эмильяна из игровой комнаты. После заявления, положившего начало процессу, ребенка поместили в приют. Но что станет с ним теперь, Пьетро Джербер не имел понятия.

Готовы ли будут приемные родители снова взять на себя заботы о мальчике, после того как он указал на них как на монстров?

Психолог еще какое-то время пробыл в игровой комнате. Встал с места, выключил метроном. Искал утешения в абсолютной тишине, воцарившейся в помещении, глядя на собственное отражение в зеркале, за которым уже никто не стоял. Он совершенно вымотался и к тому же чувствовал свою вину перед Эмильяном. Такое случалось каждый раз, когда он разоблачал детскую выдумку. Ведь он знал, что в самой чудовищной лжи всегда таится проблеск правды. В нем являет себя страх и заброшенность.

Приемные родители Эмильяна не сделали ничего плохого. Но истинные виновники ушли от ответственности: это-то и мучило Джербера. Они не скрывались под внушающими тревогу масками животных. Родные мать и отец Эмильяна, увы, выступали в своем подлинном обличье.

Психолог вышел в коридор с книгой Ханны Холл, которую отдал секретарю, чтобы тот ее приобщил к делу как доказательство невиновности подсудимых. Спросил себя, откуда его пациентка могла узнать о деле Эмильяна. И снова был вынужден признать, что ничего не понимает. Обладает ли Ханна сверхъестественными способностями, или речь идет об очередном совпадении? То и другое казалось настолько абсурдным, что Джербер тотчас же с досадой исключил оба варианта.

Сияясь найти правдоподобное объяснение, он заметил, что неподалеку собралась небольшая толпа.

Обвиняемые стояли в кругу защитников и членов их религиозного братства, которые пришли их поддержать. Как и следовало предполагать, они испытывали облегчение. Вердикт еще не был вынесен, но за успех можно было ручаться. Муж и жена, совсем молодые, пожимали руки, благодарили. Бабушка с дедушкой были явно растроганы. По всей вероятности, эти люди никогда не думали, что окажутся в зале суда, вынужденные защищаться перед лицом позорящего их обвинения. Но, видя их объятия, Джербер невольно

вновь пожалел бедного Эмильяна, упустившего свой шанс обрести семью.

— Когда ты думаешь вручить мне окончательное заключение?

Обернувшись, гипнотизер тут же встретился взглядом с Бальди.

— Когда решу, нужно ли еще раз выслушать Эмильяна, — ответил он.

Судья изумилась:

— Ты намереваешься выслушать его еще раз? Но зачем?

— Разве мы не хотим узнать причину, по которой он все это выдумал? — возразил Джербер.

— К сожалению, мы ее уже знаем: она кроется в прошлом ребенка — в тех злоупотреблениях, в том насилии, которым он подвергался в Белоруссии. Эмильян нашел легкий способ отыгаться на своей новой семье. Ты слышал его? «Мой полдник всегда такой невкусный», — повторила судья.

— По-вашему, он искал смягчающее обстоятельство? — Джерберу не верилось в это.

— Лжецы, когда их выводишь на чистую воду, склонны сваливать на кого-то вину: даже шестилетние... «Мне не понравился полдник, вот почему я придумал историю с кладовкой».

— Стало быть, вы считаете этого ребенка садистом.

— Нет, — возразила Бальди. — Я считаю его просто ребенком.

Они прервали разговор, поскольку отец Лука в данный момент собрал вокруг себя своих прихожан, чтобы они все вместе помолились за Эмильяна. Люди встали в круг, склонив головы, взявшись за руки и закрыв глаза.

Тогда Джербер и заметил нечто аномальное.

Пока никто не мог ее видеть, на лице приемной матери Эмильяна — довольно приятной женщины — появилась улыбка. Ни облегчение, ни благодарность не отражались в ней. То была удовлетворенная улыбка, которая исчезла, когда женщина вместе со всеми открыла глаза.

Джербер хотел было указать на это Бальди, но не успел: у него в кармане завибрировал мобильник. На дисплее отобразился уже знакомый психологу номер.

— Доктор Уолкер, я ждал вашего звонка вчера. — Пьетро прикинул, что если во Флоренции почти полдень, то в Аделаиде где-то

полдесятого вечера. — Помните, вы обещали послать мне по электронной почте аудиозапись первого сеанса гипноза с Ханной Холл?

— Вы правы, извините меня. — Голос был взволнованный.

— Что случилось? — спросил Джербер, предчувствуя неприятность.

— Мне очень, очень жаль, — заговорила коллега. — Мне очень жаль, что я вас в это втянула...

Что она пыталась ему сказать? Чего «очень жаль» Терезе Уолкер? Во что она его «втянула», о чем она говорит? У Джербера возникло ощущение, будто его водят за нос.

Он стремительно выбежал из здания суда и очутился на улице, точно как в первый раз, когда говорил с австралийским психологом по телефону. В этом вселяющем тревогу дежавю ледяной ветер, задувая из проулков, хлестал в лицо: и сейчас тоже, как тогда, собирался дождь.

— Пожалуйста, успокойтесь и попытайтесь внятно все объяснить, — старался он утихомирить коллегу.

— Я должна была сразу вам сказать, но слишком боялась... Потом вы попросили прислать запись первого сеанса с Ханной, и тогда я поняла, что совершила ошибку.

Джербер по-прежнему оставался в недоумении.

— Вы специально не прислали мне тот файл? Это вы пытаетесь мне сказать?

— Да, — призналась Уолкер. — Но я это сделала из добрых побуждений, поверьте... Когда вы его прослушаете, сразу перезвоните мне: остальное я сообщу на словах.

Что же такого в этой записи? Какую тайну хотела скрыть от него Уолкер? А главное, почему это стало проблемой только сейчас? Нет, здесь что-то другое, почуял Джербер. Что-то очень серьезное. Оставив пока запись в покое, он сосредоточился на этом.

— Хорошо, — согласился он. — Но что вас сейчас так расстроило?

— Мой друг, частный сыщик, закончил собирать данные о нашей пациентке.

Джербер помнил, что Уолкер попросила своего знакомого оказать ей такую услугу, но не ожидал, что обнаружится нечто, внушающее опасение. Как видно, он ошибался.

— В Австралии проживает шесть женщин по имени Ханна Холл, — продолжала психолог. — Но только двоим около тридцати лет... Одна — всемирно известный морской биолог, но я сочла

возможным сразу исключить, что она та персона, с которой мы имеем дело.

Джербер с ней согласился.

— И кто вторая?

Тереза Уолкер помолчала, шмыгнула носом: была явно напугана.

— Вторая пару лет назад пыталась среди бела дня похитить новорожденного, забрать его из коляски в городском парке.

Психолог невольно замедлил шаг, пока не остановился совсем.

— Ей это не удалось только потому, что мать подняла крик и обратила ее в бегство.

Пьетро не верил своим ушам.

— Доктор Джербер, вы еще на связи?

— Да... — выдавил из себя психолог: ему было трудно дышать.

Сам не зная почему, он был уверен, что на этом история не кончается.

— Через несколько часов полиция добралась до Ханны. Когда агенты вошли в дом, чтобы арестовать ее, они нашли там лопату и маленький деревянный сундучок.

Джербер вдруг почувствовал неодолимую слабость, боялся, что мобильник вот-вот выскользнет у него из руки. Прислонился к стене, согнулся, объятый дрожью, ожидая услышать худшее.

— На суде это не было доказано, но полиция подозревала, что Ханна Холл намеревалась похоронить младенца живым.

7 июля

День, навсегда перевернувший жизнь Пьетро Джербера, начинался с ясной зари. Летнее небо во Флоренции сияет розовым светом, но, опускаясь на крыши домов, становится янтарным, особенно по утрам.

Закончив обучение, на первые заработки детского психолога Пьетро сразу снял квартиру на улице Каноника. Она располагалась под самой крышей старого здания без лифта, и чтобы добраться туда, нужно было подняться по ступенькам добрых восемь пролетов. Назвать это квартирой было бы слишком смело. В самом деле в наличии имелась одна комнатка, где едва помещалась полутораспальная кровать. За отсутствием шкафа одежда висела на

веревке, протянутой под потолком. Был там кухонный уголок и туалет за ширмой: если гость оставался на ночь, они с хозяином справляли нужду по очереди, пережидая на лестничной площадке.

Но этот уголок предоставлял Джерберу полную независимость. Не то чтобы ему не нравилось жить в одном доме с отцом, но он считал, что к тридцати годам важно иметь собственное жилище и нести бремя таких мелких тягот, как оплата коммунальных услуг и расходы на питание.

Другое преимущество заключалось в том, что, покорив очередную даму, не нужно было тратиться на отель — теснота в этом смысле даже способствовала успеху. Ибо от одной вещи Пьетро никогда не смог бы отказаться: женщины были его великой страстью.

Все они признавали, что молодой Джербер — красавец. Он благодарил Бога за то, что не унаследовал нос своего отца и его безобразно оттопыренные уши. В Пьетро девушкам больше всего нравилась улыбка: «чарующая», по их словам. Все благодаря *трем* ямочкам, которые, что характерно, располагались несимметрично.

В отличие от многих ровесников, Пьетро и в голову не приходила мысль завести семью. Он не представлял, как можно прожить всю жизнь с одной женщиной, и не имел ни малейшего намерения зачинать детей. Детей он любил, иначе не выбрал бы ту же профессию, что и его отец. Он находил их неотразимо сложными, а потому более интересными, чем взрослые. И тем не менее совершенно не видел себя в роли достойного родителя.

В то июльское утро Пьетро Джербер проснулся без двадцати семь. Лучи солнца, проникавшие сквозь жалюзи, мягко скользили по обнаженной спине прелестной Британи, словно золотой покров, подчеркивая идеальную линию плеч. Пьетро повернулся на бок, чтобы насладиться неповторимой картиной: красавица, спящая на животе рядом с ним. Длинные каштановые волосы все же позволяли разглядеть стройную шею; руки были сложены под подушкой в жесте танцующей Венеры; прикрывавшая ее до пояса простыня обрисовывала точеные ягодицы.

Они познакомились накануне и нынче вечером должны были попрощаться перед тем, как она улетит на самолете обратно в Канаду. Но Пьетро решил сделать последние часы ее пребывания во Флоренции незабываемыми.

Он подготовил небольшую, но безукоризненную программу.

Он поведет девушку полакомиться пирожными в кафе Джилли, потом приобрести одеколон и косметические кремы в *Officina Profumo-Farmaceutica*, старинной аптеке рядом с церковью Санта-Мария Новелла. Выбор безошибочный: девушки по таким товарам с ума сходили. Потом — особенная экскурсия, включающая тайные места, как правило не обозначенные в путеводителях, которая завершится поездкой на «альфа-ромео» в Форте-деи-Марми, где они отведают спагетти по-версильски в ресторане «Лоренцо». Но, дожидаясь, пока его юная подруга проснется, Пьетро задумался о своем отце, от которого и унаследовал страсть к достопримечательностям.

Синьор Балу страстно любил свой город.

Как только позволяло время, он с наслаждением бродил по улицам, снова и снова открывая для себя виды, ароматы и людей Флоренции. Все его знали, все с ним здоровались. Запоминающийся тип: тощий, в неизменном «*Burberry*» и в широкополой шляпе от дождя, даже когда светило солнце. Летом он носил просторные бермуды и рубашки в цветочек, а еще ужасные кожаные сандалии. Невозможно было его не заметить. Перед тем как выйти из дому, он набивал карманы разноцветными круглыми леденцами и карамельками «*Роксана*», которые потом раздавал всем подряд, взрослым и детям.

Когда Пьетро был маленьким, отец брал его за руку и водил по городу, показывая места, которые затем вошли в репертуар диковинок, предназначенных для того, чтобы вызывать изумление у девушек. Например, лицо, вырезанное на стене Палаццо Веккьо: по слухам, то был профиль приговоренного к смерти, изображенный самим Микеланджело, который случайно оказался там, когда преступника вели на казнь. Или автопортрет Бенвенуто Челлини, спрятанный на затылке «*Персея*», который можно разглядеть, только выходя с Лоджии Ланци и глядя на статую сзади. НЛО на картине пятнадцатого века, изображающей Мадонну. Или ряд старинных детских портретов в Коридоре Вазари.

Но из всех достопримечательных странностей с самого детства Пьетро Джербера больше всего поражало «колесо подкидышей», установленное в пятнадцатом веке с внешней стороны Воспитательного дома. Оно представляло собой вращающийся

цилиндр, подобие колыбели. Родители, не имевшие средств, чтобы содержать появившегося на свет ребенка, клали младенца в это устройство, потом дергали за веревочку, привязанную к колокольчику, звон которого слышали монахини, обитавшие внутри. Цилиндр поворачивали и забирали новорожденного, так ему не приходилось слишком долго находиться под открытым небом. Изобретение прежде всего позволяло тем, кто оставлял ребенка, сохранять анонимность. В последующие дни детей выставляли на всеобщее обозрение^[5]: вдруг какой-нибудь благотворитель возьмет на себя заботы о ребенке или родители одумаются и заберут его к себе.

На девушек Пьетро эта история производила глубокое впечатление. Пьетро это было на руку: растрогав очередную подругу, он уже ни минуты не сомневался, что затащит ее в постель. Он не слишком доверял чувствам и даже не трудился это скрывать. Сам не умея влюбляться, не верил в любовь женщины. Может быть, потому, что не мог опереться на детские воспоминания: его отец слишком рано овдовел.

Синьор Балу старался изо всех сил. Отрешившись от неизмеримой боли, взялся в одиночку растить ребенка, которому едва исполнилось два года и который впоследствии не сохранил никаких воспоминаний о матери.

До поступления в начальную школу Пьетро никогда о ней не спрашивал и не страдал от ее отсутствия. Как мог он грустить о женщине, которой не знал. Его мама — красивая синьора, представленная на фотографиях из старого альбома в кожаном переплете, вот и все.

Но когда ему было семь-восемь лет, что-то время от времени прорывалось.

В тот период он забрасывал отца вопросами: хотел знать все. Какой у нее был голос, какое она любила мороженое, когда научилась ездить на велосипеде и как звали куклу, которая у нее была в детстве. К сожалению, отец не всегда знал ответ и часто был вынужден импровизировать. Но со временем любознательность Пьетро совершенно исчерпала себя, безо всякой на то причины. Он больше не задал ни одного вопроса, и в редких случаях, когда всплывала эта тема, разговор замирал после нескольких ничего не значащих реплик. Правда, каждый раз отец с нажимом произносил одну и ту же фразу:

— Твоя мать безумно тебя хотела.

Будто это служило оправданием жене, которая умерла через двадцать один месяц после рождения ребенка.

Долгое время Пьетро не видел *синьора Балу* вместе с какой-либо женщиной. И никогда не задавался вопросом, почему так. Но когда ему почти исполнилось девять лет, кое-что произошло. Однажды в воскресенье отец повел его поесть мороженого в кафе «Виволи», заведение с богатой историей. Прогулка как прогулка, во время которой в очередной раз прозвучал рассказ о том, что такой замороженный десерт придумали во Флоренции, при дворе Медичи. Потом, когда они сидели за столиком снаружи, к ним подошла грациозная синьорина, и отец представил ее как свою «подругу». Юный Пьетро сразу почувствовал, что эта встреча неслучайна, как эти двое пытались ему показать. Наоборот, она была заранее задумана ради какой-то цели. Какой именно, Пьетро знать не хотел. И чтобы ясно дать это понять, не прикоснулся к шарикам вишневого и шоколадного мороженого. В ярости, на какую только дети способны, наблюдал, как мороженое тает перед их немymi взорами. У него никогда не было матери, и он не хотел никакой замены. Больше он никогда не видел эту синьорину.

Много лет спустя июльским утром гибкое тело прелестной Британи задвигалось под простыней, предвещая скорое пробуждение. Она повернулась к Пьетро, открыла зеленые глаза и одарила его сверкающей улыбкой.

— Здравствуй, прекрасная дочь восточной Канады, добро пожаловать в сладостное флорентийское утро, — торжественно произнес Пьетро, легонько хлопнув ее по ягодицам и одарив беглым поцелуем в губы. — Я приготовил для тебя уйму сюрпризов.

— Правда? — развеселилась девушка.

— Хочу сделать так, чтобы забыть меня было невозможно: будь уверена, через пятьдесят лет ты станешь рассказывать обо мне своим внучатам.

Девушка потянулась к нему, прошептала на ухо:

— Докажи мне это.

Тогда и Пьетро скользнул под простыню.

Британи приняла его: откинула голову назад, закрыла глаза.

В этот момент завибрировал телефон. Проклиная того, кто звонит в столь неподходящий момент, Пьетро высунулся наружу и ответил незнакомому абоненту.

— Синьор Джербер? — раздался холодный женский голос.

— Да, с кем я говорю?

— Больница Кареджи, отделение кардиологии: убедительно просим срочно приехать сюда.

Слова складывались в его голове и вновь рассыпались, но смысла их Пьетро не постигал.

— Что случилось? — выдавил он из себя, видя, как его панический страх отражается на лице Британи.

— Речь идет о вашем отце.

Неизвестно, почему плохие новости обладают властью все остальное наделять комическими и гротескными чертами. В тот момент нежная Британи с ее пухлыми губами и мягкой грудью показалась ему нелепой. А сам он — донельзя смешным.

Добравшись до больницы, он бросился в отделение интенсивной терапии.

Весть быстро распространилась среди родни: в зале ожидания он встретил дядьев и кузена Ишио. Пришли и знакомые отца, узнать, как он себя чувствует. *Синьор Балу* пользовался огромной популярностью, многие были к нему привязаны.

Пьетро обвел глазами собравшихся, и все взгляды устремились на него. Его вдруг охватил безрассудный страх, что на нем еще сохранился отчетливый запах Британи, он себя почувствовал легкомысленным и до ужаса неуместным. В момент, когда внезапно отказало сердце человека, который его взрастил, он был с девушкой. Ни в одном из устремленных на него взглядов не было ни тени обвинения, но Пьетро все равно признавал свой грех.

Судья Бальди подошла к нему, положила руку на плечо:

— Ты должен быть сильным, Пьетро.

Старая подруга готовила его к тому, что все в этой комнате уже знали. Оглядывая собравшихся, Пьетро заметил знакомое лицо, хотя видел его всего один раз, в девятилетнем возрасте. В уголке сидела женщина, которую отец пытался представить ему как-то воскресным днем и которую он отверг вместе с порцией мороженого. Она тихо

плакала, избегая его взгляда. Тут Пьетро понял то, чего раньше никогда не понимал: отец вовсе не был безутешным вдовцом, он отказывался создать новую семью не потому, что все еще любил женщину, ушедшую навсегда.

Отец это делал ради него.

Будто плотина прорвалась у него внутри, и нестерпимые угрызения переполнили душу. К нему подошла медсестра. Пьетро подумал, что она собирается спросить, желает ли он попрощаться с отцом: ведь так, кажется, принято? Он уже собирался ответить «нет», настолько невыносимой была мысль о том, что отец по его вине был лишен возможности снова обрести счастье.

Но медсестра сказала:

— Он хочет видеть вас. Пожалуйста, пойдете, иначе он не успокоится.

Его заставили облачиться в зеленый халат, потом ввели в палату, где его отец лежал, подсоединенный к аппаратам, которые все еще поддерживали в нем едва теплящуюся жизнь. Кислородная маска закрывала лицо, оставляя на виду только глаза, превратившиеся в две щелочки. Но он был в сознании, поскольку узнал Пьетро, едва тот переступил порог. Сразу заволновался.

— Папа, успокойся, я здесь, — проговорил Пьетро, утешая его.

Собрав свои слабые силы, отец поднял руку и пошевелил пальцами, приглашая его подойти поближе.

— папа, тебе нельзя утомляться, — сказал он, подходя к изголовью.

Что еще сказать, даже не знал. Любые слова оказались бы ложью. Подумал, что будет правильно сказать отцу, как сильно он любит его, и нагнулся ниже.

Синьор Балу опередил его, что-то пробормотал, но маска помешала Пьетро расслышать. Он придвинулся еще ближе, и отец с усилием повторил сказанное.

Откровение тяжелым камнем легло на сердце молодого Джербера.

Не веря своим ушам, потрясенный, Пьетро отстранился от умирающего отца. Он и вообразить не мог, что тот выберет именно такой момент, чтобы доверить столь ужасную тайну. Это ему показалось нелепым, неуважительным. Это ему показалось жестоким.

Он сделал несколько неуверенных шагов назад, к двери. Но не он отступал, а удалялась кровать, на которой лежал отец. словно лодка, плывущая по течению. Будто последним желанием отца было увеличить между ними расстояние. Наконец-то освободиться.

В момент последнего прощания не сожаление увидел Пьетро в глазах *синьора Балу*, но облегчение. Облегчение безжалостное, эгоистичное. Отец — самый кроткий из всех известных ему людей — избавился от комка непереваренной пищи, который держал в себе на протяжении большей части жизни.

Теперь эта тяжесть досталась Пьетро.

Тонкие струйки дождя, скрещиваясь, наползая одна на другую, скользили по окошкам и ветровому стеклу. За этой ширмой, сотканной из влаги, все казалось тусклым, исчезающим. Огни других машин сливались воедино, вырастали, попадая в фокус, потом пропадали и снова появлялись, будто миражи.

Пьетро Джербер сидел за рулем унылого универсала, сменившего после рождения Марко роскошный ярко-красный «альфа-ромео». Припарковавшись, психолог неотрывно смотрел на смартфон.

На дисплее — письмо Терезы Уолкер с прикрепленным к нему аудиофайлом.

...Мне очень жаль, что я вас в это втянула...

Первый сеанс гипноза для Ханны Холл.

...Когда вы его прослушаете, сразу перезвоните мне: остальное я сообщу на словах...

Пару дней назад, в то утро, когда Уолкер попросила его заняться этим случаем, коллега рассказала, что пациентка вдруг начала кричать, поскольку в ее памяти всплыло воспоминание об убийстве, которое произошло, когда она была еще маленькой девочкой.

Что изменилось со времени первого телефонного звонка? Что опустила Уолкер, чего не открыла ему?

Джербер надел наушники, соединенные со смартфоном, но так до сих пор и не решился начать прослушивание. Уолкер соврала. Во время той встречи случилось что-то еще. Поэтому она до последнего момента хранила секрет и не присылала запись.

... Да. Но я это сделала из добрых побуждений, поверьте...

Передумать ее заставило то, что обнаружил ее друг, частный сыщик: Ханна пыталась похитить ребенка, совсем маленького.

...На суде это не было доказано, но полиция подозревала, что Ханна Холл намеревалась похоронить младенца живым...

Пьетро Джербер глубоко вздохнул: парковка у супермаркета — идеальное место для укрытия, тут его никто не заметит. В конце зимнего дня люди торопились совершить покупки и вернуться домой. На Пьетро, запертого в салоне под потоками ливня, никто не смотрел,

да и не мог его видеть. И все-таки он не чувствовал себя в безопасности.

Что бы ни заключала в себе эта запись, она смертельно перепугала коллегу.

...Я должна была сразу вам сказать, но слишком боялась...

Сосредоточившись, Джербер большим пальцем правой руки ткнул в дисплей. Довольно было простого жеста, легкого нажатия на иконку, содержащуюся в письме, чтобы открыть врата ада.

Шумы в магнитофоне. Микрофон устанавливается в нужной позиции, но все-таки что-то мешает.

«Ну что, вы готовы начать?» — слышится голос Терезы Уолкер.

Короткая пауза.

«Да, готова», — отвечает Ханна Холл.

Металлический звук: скрежет ключа в заводном механизме. Когда пружина завелась, звучит, хриловато, романтический мотивчик.

У всякого гипнотизера свой метод погружать пациента в состояние транса. Джербер предпочитал метроном, банальный прием, но заключающий в себе некую элегантность. *Синьор Б.* использовал песенку из старого мультфильма Уолта Диснея. Другие попросту произносили усыпляющие фразы, должным образом модулируя голос, или варьировали освещение. Качающийся перед глазами пациента маятник или часы на цепочке придумали кинематографисты, как и вращающуюся спираль.

Уолкер прибежала к старой музыкальной шкатулке.

Музычка играла полторы минуты, потом темп замедлился. По мере того как звук стихал, пациентка все глубже впадала в транс, явственно представил себе Джербер.

«Ханна, я хочу, чтобы ты вернулась в прошлое... Начнем с детства...»

«Хорошо...» — ответила Холл.

Уолкер говорила доброжелательным, ободряющим тоном. По сути, это должно было стать началом нормальной терапии, направленной на то, чтобы упорядочить память. В складывавшейся атмосфере ничто не предвещало душераздирающего эпилога.

«Я объясню тебе, как мы будем действовать... Прежде всего найдем счастливое воспоминание: оно станет путеводной нитью,

поведет нас в твое подсознание. Каждый раз, когда что-то тебя взволнует или покажется странным, мы вернемся к тому воспоминанию, и ты снова почувствуешь себя хорошо...»

«Согласна».

Долгая пауза.

«Итак, ты нашла что-нибудь?»

Ханна вдохнула и выдохнула: «Сад».

Папа способен безошибочно определить, когда начнется следующее время года. Ему достаточно взглянуть на корни растений. Или он чувствует, чем пахнет ветер, и предвидит, когда наступит лето или пойдет снег. Иногда по ночам он смотрит на небо и по расположению некоторых звезд указывает маме, какие семена лучше посеять в огороде.

Нам не нужно ни часов, ни календаря. Поэтому мы не знаем, сколько мне в точности лет. Я сама решаю, когда у меня день рождения: выбираю день и сообщаю об этом. Мама готовит торт из хлеба и сахара, и мы празднуем.

Стоит весна, мы недавно перебрались в эти края. Меня зовут Шахрезада, и дом голосов окружают плодовые деревья.

Сад.

За ним давно никто не ухаживал, но деревья не погибли, а разрослись на воле, так что все лето мы едим фрукты.

Дом стоит на вершине холма. Он невелик, но и с такой высоты можно много чего разглядеть. Стаи птиц, то взмывающие в небо, то парящие над землей, словно в размеренном танце. Облачка пыли, грозно преследующие друг друга между рядами деревьев. Иногда по ночам можно увидеть вдалеке необычное зарево. Мама говорит, что это фейерверк, люди запускают его в небо, чтобы отметить какое-то событие. Я спрашиваю, почему мы не там, вместе с ними. Ответа не получаю.

Прямо посередине дома выросла черешня. Такая высокая, что пробила крышу. Папа решил положить Адо под ней, пусть корни его оберегают. Но я думаю, что есть и другая причина: так Адо будет ближе к нам. Я люблю, когда мы все вместе, да и маме с папой это нравится.

Весна — хорошее время года, но лето еще лучше. Я жду не дожусь, когда наступит лето. Погода какая-то странная. То солнечная, то дождливая. Когда идет дождь, я обычно читаю. Но я уже прочла все книги, некоторые даже по нескольку раз, и мне скучно. Папа обещал,

что найдет еще, но пока не нашел. Такая тоска. Тогда я решаю, что уже прошло достаточно времени с моего последнего дня рождения, вечером вхожу на кухню и торжественно объявляю, что завтра — мой праздник. Родители улыбаются мне, кивают, как обычно.

На следующий день уже все готово. Мама растопила дровяную печь, но не только затем, чтобы приготовить пресловутый торт из хлеба и сахара. Она настряпала столько всякой вкуснятины. Вечером нас ждет невероятный ужин, стол будет ломиться от еды, когда вернется папа, который ушел, чтобы поискать мне подарок.

День проходит быстро, и я так счастлива, что никогда его не забуду. Меня волнует больше всего именно подготовка к празднику. Само ожидание торжества, когда все вокруг становится краше. Моей радости сопричастен весь мир.

Ради праздника мама зажгла много свечей вокруг черешневого дерева и привязала на ветки цветные лоскутки. Расстелила покрывало, чтобы разложить еду, поставила даже кувшин с лимонадом. Папа играет на гитаре, и мы распеваем наши баллады. Я ему аккомпанирую, стучу в бубен. Потом он кладет свой инструмент в сторону, только я отбиваю такт, а он тем временем подхватывает маму за талию и увлекает в танце. Она смеется, следует за ним. *Только папа может так ее рассмешить.* Юбка развеивается, открывая щиколотки, ее босые ноги на голой земле такие красивые. Она смотрит папе в глаза, и папа не может отвести от нее взгляда. *Только мама может вызвать в нем такое чувство.* Я настолько счастлива, что хочется плакать.

Потом наступает время подарка. Мне не терпится, я вне себя. Обычно мне не дарят слишком большие вещи, будет трудно забрать их с собой, когда мы снова пустимся в путь. Папа мне делает рогатку или вырезает что-нибудь из дерева: однажды я получила очень красивую фигурку бобра. Но на этот раз все по-другому. Папа на мгновение выходит из дома и возвращается с велосипедом.

Мне просто не верится. Велик — мне, и только мне.

Он не новый, немного ржавый, и колеса у него разные. Но какая разница? Это мой велик. У меня никогда не было велосипеда, этот первый. Я так рада, что даже забываю, что не умею ездить на нем.

Научиться недолго. Папа преподал мне несколько уроков, и, пару раз свалившись, я катаюсь без остановки. Изо всех сил кручу педали

между рядами деревьев; мама говорит, что пыль, которую я поднимаю, видна из дома. Мы договорились, что этот велосипед я оставляю, когда настанет время уходить, но папа пообещал, что у меня будут другие. Но такого уже не будет. Никакой другой велосипед не сравнится с первым.

Волосы у меня сильно отросли, доходят до середины спины. Я горжусь моими волосами, они такие же длинные, как у мамы. Та сказала, что, если я не хочу стричься, нужно их, по крайней мере, как-то скреплять. И дала мне одну из своих заколок, ту самую, с синим цветком, которая так нравится папе. Я знаю, как мама дорожит этой заколкой, и ни за что на свете не сломаю ее.

Но однажды вечером я возвращаюсь с очередной прогулки, и заколки больше нет в моих волосах.

Я настолько огорчена, что никому ничего не говорю об этом. И хотя мама с папой за ужином замечают, что настроение у меня неважное, я предпочитаю молчать. Вот только на следующий день оказывается, что заколки нигде нет. Я повторяю тот же путь, что и накануне, снова и снова, туда и назад, но без толку.

Этот сад — настоящий лабиринт. Здесь легко заблудиться, говорю я себе. И собираюсь обшаривать его, пока не найдется мамина заколка.

На четвертый день, когда я занимаюсь поисками уже довольно далеко от дома, происходит очень странная вещь. Что-то внезапно бьет меня по лицу. Я торможу, вдавливая пятки в щебенку, оборачиваюсь.

На земле лежит заколка с синим цветком. Откуда она прилетела прямо мне в лицо? Ветер тут ни при чем, на деревьях не дрожит ни единый листик. От изумления я не могу сдвинуться с места. Чувствую, что задыхаюсь, но не в силах сделать вдох.

Я возвращаюсь домой с заколкой, но никому не рассказываю о том, что произошло. Я должна найти объяснение, поскольку чувствую, сама не знаю почему, что в этом моя вина. Пока не знаю какая. Но — моя.

Ночью мне не заснуть. Думаю наутро снова отправиться на то же место. Да, так и сделаю. Ибо невероятно, чтобы это было правдой, так не бывает, просто с ума сойти.

Утром после завтрака я тут же уезжаю прочь. Я помню, где нашла заколку, к тому же на земле остались следы резкого торможения пятками. На этом месте стоит странная тишина. Ни насекомых, ни птиц, ничего живого: будто все земные существа внезапно исчезли. Размышляя, с чего это вдруг, я оглядываюсь и вижу нечто такое, чего вчера здесь не было. Или я не заметила.

На коре дерева кто-то вырезал стрелку.

Я растеряна, смущена. Что еще за шутки? Это все не взаправду. Правило номер четыре: *никогда не приближаться к чужим и не позволять им приближаться к тебе*. Но я не уверена, что это подстроили чужие. Внутренний голос говорит мне, что они тут ни при чем. А значит, я могу пойти туда, куда указывает стрелка. Смотрю в том направлении: там нет ничего, только деревья. Кладу велосипед на землю, иду проверить, в чем дело. Через каких-нибудь десять шагов нахожу еще один знак.

На этот раз стрелка вырезана на коре персика.

Следую за ней, нахожу третью, на миндале. Потом четвертую, пятую, шестую. Просто охота за сокровищем. Я так разгорячилась, что забыла о страхе. Я молодец, я иду в заданном направлении, и, по правде говоря, меня мало интересует, какая награда меня ждет в конце. Я даже об этом не думаю, может быть, потому, что впервые играю не одна.

Ведь только это и очевидно: стрелки вырезал кто-то другой.

Выхожу на полянку. К моему великому изумлению, последняя стрелка описывает круг.

Что за ерунда? Где мне теперь искать? Я вдруг чувствую себя полной дурой. Надо мной просто подшутили. Вовсе не смешно. Но происходит что-то странное. Я оглядываюсь: такое ощущение, что я здесь не одна. Кто-то наблюдает за мной. Я почти вижу чьи-то глаза, устремленные прямо на меня.

— Эй! — кричу я в густую поросль.

— *Эй!* — отвечает эхо.

— Выходи!

— *Выходи!*

— Ты там?

— *Ты там?*

— Знаю, ты там...

— *Знаю, ты там...*

Я знаю: там кто-то есть. Эхо отвечает вроде бы моим голосом... *но это не мой голос* — я почти уверена. Мурашки бегут по спине.

Нужно вернуться к велосипеду. Нужно ехать домой.

Я думаю об этом весь вечер. Сажу за столом, ем овощи, а сама рисую пальцем среди хлебных крошек круговую стрелку, такую же, как на последнем дереве. Мама с папой ничего не замечают. Мою посуду после ужина, а сама не перестаю ломать голову, что означает эта стрелка. Ложусь в постель, но не могу заснуть.

На следующий день возвращаюсь на ту полянку. Руки у меня влажные от волнения. Но я должна пойти до конца, иначе не успокоюсь. Только на одно может указывать этот последний знак. Только это одно и пришло мне на ум. Знаю, это немного глупо, но больше мне ничего не придумать. Я набираю в грудь побольше воздуха и широко раскидываю руки. Потом начинаю кружиться. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее. Кружусь и кружусь, глядя по сторонам. Деревья крутятся вокруг меня, будто карусель на полном ходу. Все пуще и пуще. Еще пуще. Я изо всех сил пытаюсь сохранять равновесие. Поднимается легкий ветерок, развеивает мне волосы. Теперь деревья крутятся вместе со мной.

И вот среди стволов показывается лицо.

Я пытаюсь остановиться, но спотыкаюсь и падаю на спину. Звонкий девчоночий смех. У меня сильно бьется сердце, я задыхаюсь от усталости и от волнения. Солнце слепит глаза, но все-таки я различаю, как ко мне приближается какая-то тень. Я быстро вскакиваю на ноги, хотя голова все еще кружится. Наконец я ее вижу.

— Привет, — говорит она.

— Привет, — говорю я.

На ней платице в желтых пчелках и белые сандалии. Длинные светлые волосы куда лучше причесаны, чем мои, и кожа белая-белая. А я загорела под летним солнышком. Я всегда спрашивала себя, как выглядят другие дети. Теперь я это знаю: они вроде бы не слишком отличаются от меня.

Я понятия не имею, как вести себя в подобных случаях.

— Как тебя зовут? — спрашивает она.

Правило номер три: никогда не называть чужим своего имени.

— Я не могу тебе это сказать...

— Почему?

— Не могу, и все. — Я уже нарушила четвертое правило, хватит с меня неприятностей.

— Ладно, никаких имен.

— И никаких вопросов, — торопливо прибавляю я: в таком случае мне кажется, я не слишком нарушу наш уговор с мамой и папой.

— Никаких имен, никаких вопросов! — соглашается она и подает мне руку. — Хочешь увидеть волшебство?

Я колеблюсь, не знаю, доверять ли ей. Но испытываю нечто такое, чего раньше никогда не испытывала. Страх перед последствиями не так силен, как стремление преступить пределы. Я крепко сжимаю ее руку, иду вместе с ней. Я никогда никого не касалась, только мамы и папы. Странное, новое осязательное ощущение. Для другой девочки это, должно быть, нормально, думаю я непонятно почему, ведь, по сути, я ничего о ней не знаю. А я, просто прикоснувшись к ней, уже чувствую, что изменилась.

Мы внезапно останавливаемся, она поворачивается ко мне и велит:

— Закрой глаза.

Раз я уже дошла до такого, значит могу пойти и дальше, говорю я себе. И подчиняюсь.

— Вот, можешь открыть.

Я так и делаю. Передо мной белый простор. Похоже на снег, но это маленькие маргаритки. Тысячи, миллионы цветов. Я сразу понимаю, что попала в особое, драгоценное место, где, кроме нас, никто никогда не бывал. И раз моя новая знакомая захотела поделиться со мной секретом, значит и я — особая, драгоценная. Мне не хочется произносить это вслух, но слово так и вертится в голове. Я стесняюсь, жду, пока она произнесет это слово.

— Мы подруги? — спрашивает она.

— Думаю, да, — отвечаю я и улыбаюсь.

Она улыбается тоже.

— Тогда давай увидимся завтра...

Завтра, потом послезавтра, потом на следующий день. Мы видимся почти все время. Встречаемся у дерева с круговой стрелой или на поле маргариток. Подолгу гуляем вдвоем, говорим обо всем, что нам нравится. Но, как договаривались, никаких личных вопросов. Поэтому она ничего не спрашивает о маме и папе, и я не хочу спрашивать, где ее дом — хотя во всей округе я ни одного дома не видела — или почему она все время в одном и том же платье с желтыми пчелками.

Если вы многого не знаете друг о друге, это не мешает общению, хотя, наверное, я должна ей признаться, что рано или поздно покину эти места. И не смогу захватить с собой свой первый велосипед, а также должна буду попрощаться с единственной подругой, которая у меня когда-либо была.

Однажды кое-что происходит. Мы сидим на берегу пруда и бросаем камешки в воду, так чтобы они подпрыгивали. Я почти уверена, что подруга хочет мне что-то сказать, но она просто поворачивается и глядит на меня. Потом опускает глаза, смотрит на мой живот.

— В чем дело? — спрашиваю я.

Она не отвечает, протягивает руку, приподнимает майку, которая на мне. Потом кладет горячую руку чуть ниже пупка. Я не возражаю, такая ласка даже приятна. Но замечаю, что она, наоборот, расстроена.

— Тебе это не понравится.

— Что?

— Но это необходимо.

— Что? Не понимаю тебя... — Я начинаю нервничать. Почему она ничего толком не объясняет? Молчит. Убирает руку, быстро вскакивает, и я понимаю, что пора уходить.

— Мы завтра увидимся? — спрашиваю я, хотя и боюсь, что она обиделась. Но ведь я, кажется, ничего обидного не сделала и не сказала.

Она улыбается мне, как всегда, но отвечает:

— Завтра — нет.

* * *

За окнами ночь. Я сплю. Ворочаюсь в постели. Мне снится сон. Подруга кладет мне руку на живот, но на этот раз ее ласка неприятна. На этот раз ее ласка причиняет боль.

Я открываю глаза. Еще темно. Подруга исчезла, боль — нет. Она все еще там, внизу, в глубине. Я обливаюсь потом. У меня температура, я это чувствую. Начинаю стонать, приходят мама и папа.

Температура поднимается. Мне жарко, потом холодно, потом снова жарко. Я не знаю, где нахожусь, то и дело теряю сознание. Я в доме голосов на холме — я это знаю, а потом вдруг уже не знаю. Там, снаружи, ночь, там сад — ночью в саду темно, даже луны нет. Я начинаю бредить. Зову подругу, хотя не знаю ее имени. И у меня болит живот. Очень-очень болит. Никогда раньше я не испытывала такой боли. За что это мне? Что я сделала плохого? Мамочка, помоги, прогони эту боль. Папочка, помоги, я не хочу это терпеть.

Я их вижу. Папа стоит посреди комнаты, скрестив руки на груди, переминается с ноги на ногу, смотрит на меня в испуге, не знает, что делать. Мама стоит на коленях перед кроватью, держит руку на моем животе. Плачет в отчаянии.

— Прости меня, моя маленькая.

Я не знаю, за что она просит прощения, ведь не она мне делает больно, а что-то внутри меня. Какое-то насекомое прогрызает нору у меня в животе. Черное и зеленое, длинное и волосатое. У него маленькие заостренные лапки, ими оно буравит тело, потом всасывает кровь.

Мамочка, папочка, пожалуйста, вытащите его из меня.

Тут я вижу, как ко мне приближается тень. Это подруга пришла меня навестить. Я узнаю ее по платью с желтыми пчелками. Она садится на постель. Откидывает волосы, прилипшие мне ко лбу.

— Я говорила, что тебе не понравится, — повторяет она. — Но это необходимо.

Необходимо — для чего? Не понимаю. Потом она оборачивается к маме и папе, и я замечаю, что они вовсе не сердятся оттого, что она пришла.

— Это необходимо для них, — заверяет подруга, не сводя с обоих сочувственного взгляда.

— Почему? — спрашиваю я, тяжело дыша.

— Есть такое место: больница, — отвечает она. — Ты ведь читала об этом в твоих книгах, да?

Да, правда: люди отправляются туда, когда заболевают. Но мы не можем туда отправиться из-за чужих. Правило номер два: *чужие опасны*.

— Ты очень больна, даже можешь умереть, знаешь?

— Я не хочу умирать, — говорю я в ужасе.

— Но это случится, если ты немедленно не примешь лекарство.

— Я не хочу умирать, — повторяю я и начинаю хныкать.

— Мама с папой это знают, поэтому он боится, а она просит у тебя прощения... Они не могут отвести тебя в больницу, иначе всему конец.

Мама плачет, умоляет меня, как будто я в силах что-то сделать. Папа изменился, это уже не тот папа, рядом с которым я себя всегда чувствовала в безопасности. Кажется, он ослабел, смотрит на меня так, как я смотрела бы на него, ощущая угрозу.

— Я умру? — спрашиваю я, но уже знаю ответ.

— Подумай только: если ты умрешь сейчас, мы сможем навсегда остаться вместе в этом саду.

— Почему я должна умереть? — Я знаю, что есть причина и она не связана с проклятым насекомым, буравящим во мне ходы. Она связана с тем, что случилось раньше, много лет назад.

Подруга склоняет голову набок, пристально вглядывается в меня.

— Ты знаешь почему... Ты убила Адо и заняла его место, вот тебе наказание.

— Я не делала ничего такого, — протестую я.

— Делала, — настаивает она. — И если ты не умрешь сейчас, однажды вы все умрете.

Отчаянный вопль Ханны: *«Это не я, я его не убивала!»*

«Хорошо, хорошо, теперь успокойся... — Голос Уолкер перекрывает голос пациентки. — Ты должна успокоиться. Слышишь меня, Ханна?»

Запись резко прервалась до того, как начался обратный отсчет, позволяющий выход из гипноза.

Пьетро Джербер подождал несколько секунд перед тем, как снять наушники. Крики Ханны до сих пор звенели в ушах. Сейчас детскому психологу больше всего была нужна тишина. Он заметил, как напряжены у него шея и плечи, а пальцы, лежащие на коленях, крепко стиснуты.

Да, укрепился он в мысли, все началось с этого сеанса. Под гипнозом Ханна Холл убедила себя в том, что убила Адо. Не потому, что вернулась непосредственная память: ей рассказала об этом воображаемая девочка. Что это может означать? Надо бы глубже проникнуть в ее ум, чтобы найти подлинное воспоминание, если таковое существует. Но Джербер уже не знал, будет ли продолжать.

Он протянул к рулю дрожащую руку и задействовал панель управления. Но не включил мотор, просто немного приоткрыл окошко.

Свежий ветер вместе с дождем ворвался в салон, унося с собой кислый запах страха. Джербер не спеша вдохнул и выдохнул, пытаясь прийти в себя. Потом припомнил слова Терезы Уолкер.

Когда вы его прослушаете, сразу перезвоните мне: остальное я сообщу на словах.

Как бы ему хотелось вернуться домой, к Сильвии и Марко. Как бы хотелось повернуть время вспять и отказать коллеге, просившей о помощи. Но он оказался впутанным в историю, смысла которой не понимал, а главное, по непонятной причине ощущал, что находится в опасности.

Он схватил смартфон, проверил уровень заряда. Запись сеанса Ханны Холл длилась пару часов, аккумулятор мог разрядиться. Но он должен был узнать «остальное», как это определила Уолкер. Он кликнул номер, который уже находился в памяти телефона.

— Стало быть, вы прослушали? — тут же, после пары сигналов, спросила психолог.

— Да, — ответил Джербер.

— Что вы об этом думаете?

— То же, что и прежде: Ханна Холл убила братика, когда была еще совсем маленькой. Может быть, непреднамеренно; может быть, то был несчастный случай; ясно одно: родители подумали, что суд все равно отнимет у них дочь. И решили оградить Ханну от того, что она совершила, увести ее подальше от мира, чтобы она никогда не узнала правду. Ради этой цели они избрали такой образ жизни, при котором не общались с другими людьми, держались от них на расстоянии и не нуждались ни в ком... Но очевидно, должны были заплатить за это какую-то цену: скажем, не имели возможности обратиться к врачу.

— Вы бы стали рисковать жизнью сына без веской на то причины? — вдруг вспыхнула Уолкер.

— Конечно нет, — отвечал Пьетро с явной неохотой. — Но что вы хотите этим доказать?

— Только то, что они бежали от более серьезной опасности, может оправдать поведение родителей Ханны во время болезни дочери.

— Вы имеете в виду чужих? — усмехнулся Джербер. — Не было никаких чужих. Родители Ханны бежали от самих себя и от общественного мнения. По отношению к своему ребенку возможен самый безудержный эгоизм, достаточно назвать его любовью.

Сам Пьетро хорошо это знал, испытал на своем опыте, от собственного отца.

— А что вы скажете о девочке из сада?

— То, что Ханна уже в детстве слышала голоса... Увы, как все шизофреники.

Надо было прислушаться к суждению Сильвии, та раньше их обоих поставила диагноз, выявила патологию Холл. Теперь он влип, связался с сумасшедшей иностранкой, даже не зная, на что та способна.

...На суде это не было доказано, но полиция подозревала, что Ханна Холл намеревалась похоронить младенца живым...

— Значит, по вашему мнению, все сводится к наличию воображаемой подруги? — спросила Уолкер, которую его объяснения

явно не удовлетворили.

— Белокурая подружка в белых сандалиях и в платье с желтыми пчелками: ею Ханна хотела бы быть, но не была, — обычной девочкой, такой, как все. Этот образ создала психика Ханны, чтобы ей не приходилось в одиночку противостоять реальности, — настаивал он на своем, слегка раздраженный.

— Какой конкретно реальности?

— А вот какой: Ханна всегда знала, что виновна в гибели Адо, но иногда лучше, если истину нам откроет кто-то другой.

— Не Ханна Холл ищет уловки, чтобы ускользнуть от реальности, доктор Джербер... Но вы сами.

— Можно узнать, что вас так пугает в этой женщине? Почему бы вам не объяснить, по какой причине вы до сегодняшнего дня утаивали от меня эту запись...

Уолкер ответила не сразу.

— Ладно, — наконец сдалась она. — У меня была сестра, двойняшка, ее звали Литц.

— При чем здесь это? И почему «была»?

— Потому, что она умерла в восемь лет от острого аппендицита.

Пьетро Джербер издал короткий смешок.

— Вы действительно думаете, что...

Коллега не дала ему закончить фразу:

— Хотя дело было зимой, Литц похоронили в ее любимом платье: хлопчатобумажном, с желтыми пчелками.

Судья Бальди, облаченная в длинный бархатный халат, расхаживала в тапках у себя дома по гостиной, расположенной на третьем этаже палаццо, выходящего на Арно, у Понте Веккьо. Комната под кессонным потолком была роскошно обставлена. Антикварная мебель, ковры, гобелены и шторы. Столики, этажерки, тумбочки ломались от ценных безделушек, большей частью статуэток и вещей из серебра.

В семнадцатом веке Бальди успешно вели торговлю и скопили немалое состояние. Несколько поколений наследников жили на ренту, не утруждая себя ничем, тем более работой. Но последней представительнице рода претила праздная жизнь, она освоила профессию и обрела свой путь в реальном мире.

До того как осесть в кабинете по делам несовершеннолетних, Анита Бальди была социальным работником «на земле», не боялась запачкать руки и приобрела немалый опыт в расследованиях. Выросшая в роскошных апартаментах, она ходила по убогим квартирам, баракам, настоящим кругам ада, которые язык не поворачивался назвать «домом». Все для того, чтобы найти детей, терпящих бедствие, и спасти их.

Пьетро Джербер оглядывался вокруг, спрашивая себя, правильно ли он поступил, явившись в столь поздний час спросить совета у старой знакомой. Он вкратце поведал Бальди о событиях последних дней, не упомянув пока что Ханну Холл. Теперь сидел, выпрямившись, в обитом парчой кресле, все еще слишком напряженный, чтобы откинуться на спинку. Он пришел просить об одолжении.

Судья приблизилась, протянула стакан воды, который попросил Пьетро.

— Очевидно, твоя коллега поддалась внушению.

— Тереза Уолкер — специалист с именем, она проводит такую работу много лет, — возразил он, пытаясь оправдать и свои действия. — Прежде чем принять пациентку, я посмотрел данные на сайте Всемирной ассоциации психического здоровья.

— Это ничего не значит: ты сам говоришь, что она в летах.

— Ей за шестьдесят, — уточнил Джербер.

— Может быть, в собственной жизни она дошла до такой черты, что испытывает потребность услышать некоторые вещи... а пациентка этим воспользовалась.

Джербер до сих пор не брал в расчет подобные чувства, может, потому, что ему самому было тридцать три года. Но поскольку Бальди приближалась к семидесяти, ее объяснение звучало правдоподобно.

— Если бы я была более ранимой и мне бы сейчас сказали, что человек, которого я потеряла много лет назад, вернулся, пусть даже как призрак, это бы меня утешило, — заключила судья.

— Значит, по-вашему, Уолкер попала на крючок?

— Тебя это удивляет? — ответила Бальди, присаживаясь на один из диванов. — Мир полон обманщиков: медиумов, магов, оккультистов... Они наловчились раскапывать сведения о людях, включая самые интимные подробности, даже те, которые, как мы полагаем, окутаны непроницаемой тайной. Иногда им достаточно порыться в нашей мусорной корзине. Это они используют, чтобы плести интриги, даже не слишком замысловатые, опираясь на самый простой постулат: любой поверит в то, во что ему нужно поверить.

— Обычно такие мошенники пытаются вымогать деньги, но что движет моей пациенткой, какой у нее мотив? Честно говоря, я просто не вижу такового...

— Эта женщина психически нестабильна, ты сам сказал. Помоему, она прибегла к обману, чтобы обратить на себя внимание, найти утешение... В конечном итоге мысль о том, что она может манипулировать кем-то, дарит ей огромное наслаждение. Чтобы достичь цели, Ханна Холл включает в свои рассказы подробности личной жизни работавших с ней психологов.

— Как мы наблюдаем ее и слушаем, так и она наблюдает и слушает нас. И главное — копит знания.

Рано умершая сестренка Терезы Уолкер, его кузен Ишио или тот факт, что в яслях Марко детям привязали колокольчики к щиколоткам. Хотя появление книги сказок, с помощью которой было распутано дело Эмильяна, до сих пор оставалось тайной, его ничем нельзя было объяснить: Джерберу в голову не приходило говорить с Ханной Холл об этой своей экспертизе.

Размышляя об этом, психолог сделал глоток воды и поставил стакан на стеклянный столик, придвинутый к креслу. Только теперь он обратил внимание, что там лежит рисунок, выполненный мальчиком-призраком в игровой комнате.

Паровозик, преобразившийся в злобное лицо. Монстр Мати, как назвал его Эмильян.

Бальди сохранила рисунок, но не это натолкнуло психолога на определенные мысли.

— Я упомянул об Эмильяне в разговоре с Терезой Уолкер, — припомнил он. — Возможно, что она потом рассказала об этом нашей пациентке.

Вот и связь. Он почувствовал облегчение. Но возможное объяснение «способностей» Ханны Холл не решало его проблемы, зато поднимало другие.

— Пациентка и Уолкер продолжают общаться, хотя коллега ничего мне об этом не сказала, — помрачнел он. — Вот доказательство того, что даже такой опытный психолог может потерять бдительность.

— Что я тебе говорила? — отметила Бальди.

Теперь он забеспокоился по-настоящему.

— Как я должен себя вести? — спросил он у судьи.

— Думаешь, пациентка представляет опасность для тебя или твоей семьи? — спросила в свою очередь Бальди.

— По правде говоря, не знаю... Эта женщина пыталась похитить младенца, возможно намереваясь похоронить его живым.

— Ты не можешь обратиться в полицию, поскольку тебе не в чем ее обвинить, к тому же это будет серьезным нарушением врачебной тайны.

— Сильвия считает, что она за нами следит.

— Этого недостаточно, это не преступление.

К сожалению, он сам это прекрасно знал.

— Я все время твержу себе, что не рекомендуется резко прерывать лечение гипнозом, но, если честно, боюсь последствий.

— Последствий какого рода?

— Боюсь, что лечение вызовет определенную реакцию с ее стороны и пациентка станет опасной. — Немного подумав, он добавил: — Что бы сделал на моем месте *синьор Балу*?

— Твой отец тут ни при чем, на этот раз ты должен справиться сам.

Как не хватает сейчас проклятого ублюдка, подумал Джербер, и это еще больше разозлило его.

— Частный сыщик, друг Уолкер, установил, что в Австралии под этим именем живут две женщины лет тридцати... Одна из них — всемирно известный морской биолог.

— При чем здесь это?

— Просто задумался: два человека одного и того же возраста, с одним и тем же именем, и такие разные судьбы. Не будь я сыном своего отца, я бы не стал психологом и не оказался бы сейчас в такой ситуации.

Бальди встала с дивана, пристроилась на подлокотник кресла, в котором сидел Пьетро.

— То, что ты помогаешь незнакомке, не решит твою проблему с отцом, какова бы она ни была.

Пьетро Джербер поднял на нее взгляд.

— До десяти лет моя пациентка жила с родными отцом и матерью: они перебирались с места на место, часто меняя имена. Потом что-то произошло: женщина упомянула «ночь пожара», когда мать дала ей выпить «водичку для забывания». Это событие резко прервало ее отношения с родной семьей, и она переехала в Австралию, превратившись для всех в Ханну Холл.

Услышав это имя, произнесенное в первый раз, Бальди напряглась, что не укрылось от Джербера.

— О чем ты хочешь меня спросить? — осведомилась она с подозрением.

— Полагаю, двадцать лет назад Ханну забрали у родителей, возможно, сохранились документы, объясняющие причину. И может статься, кто-нибудь еще занимается убийством братика.

— Эта история — вранье! — вспыхнула судья. — Очнись, Пьетро: не было никакого убийства, эта женщина морочит тебе голову.

Но Джербер не отступался, упорно продолжал гнуть свое.

— Родные отец и мать позволяли ей самой выбирать себе имена, поэтому, пока она жила в Италии, ее звали по-разному. Ханна Холл — идентичность, которую она обрела, только прибыв в Австралию. Вот я

и предполагаю, что в возрасте десяти лет ее удочерила семья из Аделаиды.

— Что ты здесь делаешь в такой час? — перебила его Бальди. — Почему не идешь домой, к жене и сыну?

Но Пьетро не слушал.

— Разумеется, это всего лишь предположение. Чтобы выяснить все досконально, мне нужен допуск к документам для служебного пользования, которые хранятся в архиве суда по делам несовершеннолетних.

Так называемый «Модуль 23», самые деликатные дела по усыновлению. Судья это прекрасно знала.

Бальди глубоко вздохнула, потом подошла к старинному письменному столу. Взяла ручку, что-то набросала на листке бумаги, протянула его Джерберу:

— Покажи это в канцелярии, тебе предоставят любые документы, какие ты захочешь.

Психолог взял листок, сложил его и сунул в карман. Распрощался со старой знакомой, просто кивнув ей, не осмеливаясь что-либо добавить или посмотреть в глаза.

Когда он вышел из дома Бальди, дождь прекратился. Ледяной туман поднимался над Арно, расплзался по опустевшим улицам, так что за три-четыре метра уже ничего нельзя было разглядеть.

Где-то наверху старинный колокол башни Арнольфо пробил полночь. Удары следовали один за другим, отдаваясь от древних стен, пока не растворились в безмолвии.

Джербер ступил на Понте Веккьо. Его шаги звенели металлом в глухой тишине. Ювелирные лавки были закрыты, вывески погашены. Фонари появлялись и исчезали, словно тускло светящиеся миражи, — только они, будто старые-старые, услужливые души, показывали дорогу в белой пустоте. Улеститель детей следовал за ними, чтобы не заблудиться, и даже испытывал искушение их поблагодарить.

Перейдя по мосту, он очутился в лабиринте проулков исторического центра. Сырость проникала под одежду, расплзалась по коже. Чтобы уберечься от холода, Джербер плотнее запахнулся в «Burberry», но это не помогло. Тогда, чтобы согреться, он ускорил шаг.

Сначала издалека донеслись разрозненные ноты. Но по мере приближения Пьетро начал их между собой сопрягать, и в уме стала складываться приятная мелодия, вроде бы знакомая. Он пошел еще быстрее, чтобы лучше расслышать. Кто-то поставил старую пластинку. Игла скользила по виниловым дорожкам. Пьетро Джербер остановился. Теперь звуки появлялись и исчезали порывами. Вместе с ними два голоса, немного искаженные, но знакомые.

Медведь Балу и Маугли пели «Простые радости».

Шутка дурного тона. Или просто дурная шутка. Пока стужа проникала до самого сердца, Пьетро прикинул, кто бы мог такую шутку сыграть. Огляделся: тот, кто насмеялся над ним, прятался в молочно-белом забвении. Он тут же вспомнил отца. И из глубин ада всплыли последние слова, к нему обращенные, — горькая отрыжка умирающего.

Но не успел он осмыслить происходящее, как музыка внезапно смолкла. Однако тишина не принесла избавления, ибо теперь Пьетро Джербер боялся, что песня звучала только у него в голове.

Он поднимался по лестнице суда, держась за железные перила, еле передвигая ноги после нескольких бессонных ночей. Уже по меньшей мере пару дней он забывал побриться, но понял это только по реакции сына, когда попытался его поцеловать перед уходом. Когда он направлялся к двери, Сильвия проводила его взглядом, в котором читалось растущее беспокойство. Немой вопрос в глазах жены был правдивее любого зеркала. Утром, закрывшись в ванной, он принял десять миллиграммов риталина в таблетке, пытаясь справиться с последствиями бессонницы. В результате ходил пришибленный, буквально спал с открытыми глазами.

Некоторые врачи называли это «эффектом зомби».

В канцелярии Джербер сразу узнал сотрудницу, она обычно присутствовала на слушаниях, которые вела Бальди: женщина лет пятидесяти, невысокая, с безупречно уложенными светлыми волосами и в очках с диоптриями на золотой цепочке.

Пьетро показал листок, который накануне вечером ему вручила судья.

— Дело рассматривалось примерно двадцать лет назад, — объяснил он. — Безымянная десятилетняя девочка, получившая имя Ханна Холл. Ее должна была удочерить семья из Аделаиды в Австралии.

Сотрудница изучила записку судьи, потом подняла взгляд на усталое лицо Джербера. Может, задавалась вопросом, не болен ли он.

— «Модуль двадцать три», — произнесла она с некоторой опаской.

— Да, — подтвердил психолог, не пускаясь в дальнейшие разъяснения.

— Проверю в базе данных, — заявила женщина и исчезла в соседней комнате, где хранились судебные дела.

В ожидании Джербер сел перед одним из столов, прикидывая, сколько времени займут поиски. Он пришел очень рано, надеясь быстро решить вопрос. И действительно, долго ждать не пришлось.

Женщина явилась через десять минут, но с пустыми руками.

— На это имя не значится «Модуль двадцать три», — объявила она.

Это не укладывалось у Джербера в голове, он был убежден, что после «ночи пожара» Ханну отдали на удочерение за границу.

— Вы хорошо проверили?

— Конечно, — даже немного обиделась сотрудница. — У нас не значится никакой итальянской девочки, которую препоручили иностранной семье и которая стала зваться Ханной Холл.

Пьетро Джербер почувствовал, что совсем обессилел. Вечерний визит к Бальди оказался совершенно бесполезным. Более того, к сплетенной из тайн паутине, которая опутывала пациентку, прибавился новый узел.

Похоже, прошлое Ханны Холл оставалось секретом, хранимым только в ее памяти. Желая узнать его, психолог должен был снова погрузиться во тьму ее сознания.

Выйдя из здания суда, психолог решил сразу отправиться к себе в центр. На лестничной площадке остановился. Кто-то ждал его, скрываясь в полутьме. Он тихо подошел и увидел Ханну Холл: она, скорчившись, сидела в углу рядом с дверью, прямо на полу. Женщина спала, но на мгновение Джерберу показалось, что она лишилась чувств.

В заблуждение его ввел синяк, покрывавший правую сторону лица, пострадали глаз, висок и часть щеки. Джербер заметил также, что ремешок сумки порван. Одежда тоже пострадала, и сломался каблук.

— Ханна, — позвал он вполголоса и осторожно встряхнул.

Та мгновенно проснулась, широко раскрыла глаза и отпрянула в ужасе.

— Не бойтесь, это я, — попытался он ее успокоить.

Женщина не сразу поняла, что опасности нет.

— Извините, — сказала она, торопясь привести себя в порядок, явно смущенная тем, что ее застигли в таком состоянии. Тыльной стороной ладони отерла слюну, скопившуюся в уголках губ, поправила упавшие на лоб волосы, на самом деле всячески стараясь скрыть кровоподтек.

— Что с вами случилось? — спросил психолог.

— Не знаю, — ответила она. — Кажется, на меня напали.

Изумленный, Джербер вдумался в услышанное. Кто мог сотворить такое и почему?

— Это случилось утром, по дороге сюда?

— Нет, вчера вечером, после одиннадцати.

Джербер понял, что женщина провела здесь всю ночь. Он не стал задаваться вопросом, почему она не вернулась в гостиницу, ибо вспомнил старую пластинку, которая звучала на пустынных улицах Флоренции. «Простые радости».

— Не хотите рассказать мне, как это произошло?

— Я вышла из отеля «Пуччини», у меня кончились сигареты, хотела найти автомат. Опустился туман, густой-густой, и я, наверное, заблудилась. Немного погодя услышала рядом чьи-то шаги. Кто-то схватил меня, толкнул, опрокинул на землю. Я ударилась лицом, думала, что меня хотят ограбить, но нападавший убежал. Больше я ничего не помню. — Она помолчала. — Ах да, — добавила она, спохватившись. — Когда я пришла в себя, у меня в руке было это...

Она раскрыла ладонь и показала Джерберу маленький предмет.

Черную пуговицу.

Психолог взял ее в руки, пристально рассмотрел. На ней даже оставалась оборванная нитка.

— Нужно пойти в полицию, — сказал он.

— Нет, — тотчас же ответила Ханна. — Пожалуйста, не надо, я не хочу!

Джербера поразила такая реакция, явно чрезмерная.

— Ладно, — согласился он. — Но давайте пройдем ко мне: нужно что-то сделать с этим синяком.

Он помог Ханне подняться, отпер дверь и повел ее по коридору. Вдобавок к шишке на голове Ханна хромала. Более того, складывалось впечатление, будто она до сих пор в шоке. Поддерживая ее, Джербер оказался очень близко, он чувствовал теплый запах, исходящий от неизменного черного свитера. Совсем не противный. В глубине, под дешевым мылом, потом и табаком, в нем таилась какая-то сладость. Пьетро усадил Ханну в кресло-качалку.

— Тошнота, головная боль?

— Нет, — отвечала она.

— Тем лучше, — заключил он. — Поищу что-нибудь, чтобы приложить к лицу.

Он спустился в бар на углу и вскоре вернулся с колотым льдом, завернутым в салфетку. Ханна курила свою первую «Винни», но, когда она подносила сигарету к губам, Джербер заметил, что рука у нее дрожит больше обычного.

— Я мог бы раздобыть для вас рецепт, — предложил он, вообразив, будто ей не хватает препаратов.

— Спасибо, не нужно, — вежливо отказалась она.

Гипнотизер не стал настаивать. Он опустился рядом с ней на колени и, не спрашивая разрешения, поднял ей подбородок кончиками пальцев и чуть отодвинулся, разглядывая синяк. Ласковыми прикосновениями он поворачивал ее лицо то вправо, то влево. Ханна не сопротивлялась, наоборот, стремилась заглянуть ему в глаза. Он сделал вид, будто этого не замечает, но такая непредвиденная близость начинала смущать его. Он ощущал ее дыхание у себя на лице и был уверен, что она ощущает то же самое. Он осторожно приложил лед к скуле. Ханна скривилась от боли, но ее черты тут же разгладились. Она пристально смотрела на Пьетро своими грустными голубыми глазами, чего-то ища в его взгляде. Пьетро тоже поглядел ей в глаза, потом взял ее руку и приложил к компрессу, убрав свою.

— Прижимайте, — велел он и сразу поднялся, спеша положить конец любому контакту.

Но Ханна схватила его за плечо:

— Они вернулись... Не знаю как, но они нашли меня...

Глядя на ужас, исказивший ее черты, гипнотизер не мог не задуматься снова, говорит она от чистого сердца или перед ним очередной спектакль ловкой манипуляторши. Он решил действовать напрямую.

— Ханна, вы знаете, кто напал на вас ночью?

Женщина опустила голову.

— Нет... То есть... Я не уверена... — уклончиво отвечала она.

— Вы сказали: «они вернулись», значит их было несколько, — продолжил он наступление.

Пациентка ничего не утверждала, просто мотала головой в поисках ответа.

— Что значит: «они нашли меня»? Кто-то вас искал?

— Они поклялись, все трое...

Джербер старался вникнуть в смысл этих несвязных фраз.

— Поклялись? Не понимаю... Кто? Чужие?

Ханна снова взглянула на него:

— Нет. Черный, Искорка и Телок.

Три имени будто из страшной сказки.

— Вы встречали этих людей в прошлом? — спросил гипнотизер, пытаясь понять.

— Когда была маленькой.

Джербер догадался, что знакомство относилось к блужданиям Ханны по Тоскане.

— Я не могу сегодня проводить с вами сеанс, — не раздумывая, заявил он. — Это невозможно, после того, что случилось ночью.

— Пожалуйста, — взмолилась женщина.

— Ваша психика подверглась испытанию, это небезопасно.

— Я готова рискнуть...

— Риск состоит в том, что эмотивная память о давнем происшествии заведет вас в самую глубину.

— Не важно, приступим.

— Я не могу отправить вас туда и оставить наедине с теми троими...

— Я должна найти их раньше, чем они снова найдут меня.

Эти слова она произнесла с таким чувством, что Джербер не решился возражать дальше. Порылся в кармане, вытащил черную пуговицу, которую Ханна, возможно, оторвала от одежды того, кто напал на нее ночью.

— Хорошо, — согласился Джербер, подбрасывая пуговицу и ловя ее на лету.

На болотах знойное лето. Стоит такая жара, что днем почти невозможно находиться под открытым небом. К двум часам пополудни все замирает и умолкает. Даже цикады не трещат. Только слышно, как растения переговариваются между собой на своем тайном языке, состоящем из шорохов. Ночами по поверхности стоячих вод пробегают зеленоватые огоньки. Папа говорит, что это метан, который выделяется из притопленных корней растущих на болоте деревьев. На вид метан красивый, но от него невыносимая вонь. Кроме дурного запаха, над болотом витают тучи комаров, и если попадешь в такую, спасения нет. Еще в траве ползают ужи, а длиннющие дождевые черви роют землю.

Никто не хочет жить на болоте. Кроме нас.

Меня зовут Златовласка, и дом голосов на этот раз — церковь. Мама говорит, что церкви строятся там, куда люди приходят, чтобы искать Бога. Но мы, когда явились сюда, его не нашли. Может быть, поэтому наша церковь давным-давно заброшена. Папа говорит, что она здесь стоит по меньшей мере пятьсот лет. Знаю, это много: никто из нас пятьсот лет не проживет. Во всяком случае, в одной жизни.

Когда мы прибыли, церковь была полна грязи. Мы потратили массу времени, чтобы ее отмыть. Но потом показался пол, и он был сделан из мелких камушков самых разных цветов. Изображения людей, похожие на пазл. У некоторых белое кольцо вокруг головы. Меня это забавляло, я старалась все оттереть как следует, чтобы найти другие рисунки, которые прятались там, внизу. Папа разрешал, но говорил, что это бесполезно, потому что осенью болото снова захватит нашу церковь. И опять все зальет водой и грязью.

Но к осени мы уже отсюда уйдем.

При церкви есть колокольня с маленьким колоколом, но мы не можем звонить. Чужие услышат и придут сюда.

Мне это место нравится, и Адо оно нравится тоже. Рядом с церковью есть кладбище. Там немало железных крестов, а также плит. Но многие плиты разрушены, а кресты лежат на земле. Мы с мамой и

папой выбрали могилу для Адо, самую красивую. Думаю, там ему будет хорошо.

Его охраняет каменный ангел.

В церкви я нашла книгу. Я такой никогда не видела. Она называется Библия. Мама говорит, что книга старинная. И в ней много историй. Некоторые интересные, другие странные. Например, об Иисусе, по прозвищу Христос: она самая длинная. Потом — об одном человеке, у которого было много-много детей, а еще написано о конце света. Но в той, которая мне нравится больше всего, говорится о ковчеге, построенном в давние времена, чтобы спасти всех животных, когда океаны покрыли мир. В книге не упоминаются чужие, но есть целая куча правил. Одно из моих самых любимых высказал сам Иисус, по прозвищу Христос.

«Да любите друг друга, как я возлюбил вас».

Я люблю маму, папу и Адо. И они меня любят, это наверняка. Я не понимаю, для чего служат правила из книги. Но именно из-за них все расстроилось.

Я иду по тропинке с тряпичной куклой. Мы собираем ежевику, складываем ягоды в корзинку, чтобы мама испекла кростату^[6]. Пальцы у меня красные от сока, губы — тоже: я немного отведала ягод. Я так поглощена своим занятием, что не замечаю ничего вокруг.

— Эй, девочка.

Голос будто бы исходит из колодца или из пещеры. Я мигом оборачиваюсь, вижу, кто говорит. Старик сидит на каменной стенке, заворачивает в бумажку табак. Папа тоже так делает иногда. У старика седые волосы, и, по-моему, он давно не мылся. Его кожа вся в трещинах и красных пятнах. Я никогда не видела старика вблизи. Мама объясняла мне, что делается с людьми, когда проходят годы. Но я не представляла себе, что они становятся такими сморщенными.

На старике джинсы, кожаные башмаки и клетчатая рубашка, расстегнутая на груди. Одежда вся в заплатках и пятнах. Рядом с ним палка, и у него странные глаза. Вместо зрачков два белых шарика.

— Эй, девочка, — повторяет он. — Не знаешь, где я мог бы найти воды? Помоги мне, пожалуйста: очень хочется пить...

Я смотрю на него и понимаю, что он меня видеть не может. Только слышать. Поэтому я молчу и не шевелюсь, надеюсь, что он решит, будто ошибся и здесь никого нет.

— Я с тобой говорю, — не унимается он. — Ты что, язык проглотила? — И он во все горло хохочет. — Слепец и немая девчонка: славная парочка!

Я не знаю, что делать. Четвертое правило гласит, что я не должна приближаться к нему и не должна позволить ему приблизиться ко мне. Но старик, по-моему, не представляет угрозы. Он просто безобразный, как любой старик. Жабы на болоте тоже безобразные, но такие забавные. Так что по внешнему виду судить не стоит. И потом, я всегда могу убежать, он меня всяко не догонит.

— Ты настоящий? — спрашиваю я, по-прежнему держась на расстоянии.

— Прости, не знаю, что ты имеешь в виду...

— Ты вправдашний человек или призрак? — Я уже совершила ошибку с моей подружкой из сада, не хотелось бы снова попасть впросак.

Старик скривился, он озадачен.

— Призрак? Черт побери, нет! — восклицает он. Снова хохочет. Смех переходит в кашель. Старик отхаркивается, плюет на землю. — С чего ты взяла, что я призрак?

— С самого моего рождения я видела немного вправдашных людей.

Старик раздумывает над тем, что я сказала.

— Ты живешь здесь поблизости?

Я молчу.

— Правильно делаешь, что не отвечаешь: молодчина. Готов поспорить, твои родители тебя научили не верить незнакомым. Это хорошо... Ты должна доверять только маме и папе.

— Откуда ты знаешь?

— Что?

— Правило номер один...

— По правде говоря, я знаю все правила, — заявляет он, но я ему не верю.

— Тогда скажи следующее... — хочу я его проверить.

— Ну-ка, поглядим... — Старик раздумывает. — Есть еще правило, которое гласит, что ты не должна называть мне своего имени, так?

Как это у него получается? Я в изумлении. Значит, он не врет.

— Я бы хотел зайти к тебе домой и напиться воды, если ты не возражаешь.

— Я не могу привести тебя к нам домой, — вежливо отвечаю я.

— Я с самого утра в пути и не выпил ни глотка. — Он достает из кармана грязный платок, вытирает вспотевшую шею. — Если не напьюсь, умру от жажды.

— Мне будет жаль, если ты умрешь, но я ничем не могу тебе помочь.

— В Библии сказано: напоите жаждущих; разве ты не изучала катехизис?

Я не верю своим ушам:

— Ты тоже читал эту книгу?

Снова смех.

— Конечно читал!

— Тогда ты знаешь, для чего она служит?

— Чтобы попасть в рай, — отвечает старик. — Тебе никто об этом не говорил?

Мне стыдно, ведь все так и есть.

— Рай — прекрасное место, куда уходят добрые, окончив свои дни. А злые попадают в ад и вечно горят в огне.

— Я добрая, — тут же заявляю я.

— Если так, ты должна дать мне напиться.

Он мне протягивает руку. Я не знаю, как себя вести. Делаю шаг ему навстречу, но останавливаюсь. Он это понимает.

— Хорошо, поступим так, — говорит старик. — Иди вперед, а я за тобой.

— Но как ты пойдешь за мной, если меня не видишь?

— Мои уши видят лучше, чем твои глаза, уж поверь.

Когда мы подходим к церкви, собаки поднимают лай. Мама стирает. Видит нас издалека, прерывает работу. По ее лицу не понять, о чем она думает. Зовет папу, тот сразу подходит и тоже смотрит на нас. Надеюсь, они на меня не сердятся.

— Добрый день, — здоровается старик, обнажая в улыбке желтые зубы. — Я встретил эту прелестную девочку, и она любезно проводила меня сюда.

Мне нравится, что он назвал меня «прелестной» перед мамой и папой. Хотя на самом деле откуда ему знать, ведь он не видит. Но родители должны гордиться, услышав похвалу. Однако непохоже, если судить по выражению лиц. Они скорее озабочены.

— Чего ты хочешь? — спрашивает папа, и тон его мне не нравится.

— Вначале я просто хотел напиться воды, но сейчас подумал, не попросить ли у вас приюта на ночь. Я вас не стесню, мне достаточно тихого местечка.

Мама с папой переглядываются.

— Ты не можешь остаться здесь, — говорит мама. — Ты должен уйти.

Я разочарована таким ответом. Какой может быть вред от бедного старика? Разве мама не хочет вместе со мной попасть в рай?

— Пожалуйста, — умоляет старик. — Я прошел длинный путь и нуждаюсь в отдыхе... — Потом он принюхивается к ветру, как собака. — И я чувствую, что близится буря.

Может, и папа, принюхавшись к ветру, почуял дождь.

— Завтра я продолжу путь очень рано, — обещает старик. — Через два дня я должен встретиться с моими двумя детьми, мы давно не виделись.

Я про себя думаю: как хорошо, что у него есть семья. Тот, у кого есть семья, не может быть злым. Но при последних словах старика по лицам мамы и папы пробегает тень.

— У нас тюрю на ужин, — сообщает мама, наконец приняв решение.

— Отлично, это подойдет, спасибо, — отвечает старик, страшно довольный.

Мы с мамой накрываем к ужину в центре алтаря. Едва начинает темнеть, расставляем почти все свечи, какие нашли в ризнице в первый день, когда пришли сюда. Это так красиво, похоже на праздник. До сих пор у нас никогда не было гостей к ужину, я полна смятения, сердце бешено бьется.

Старик устроился в глубине придела, чтобы покурить. Папа подошел к нему, вступил в разговор, не знаю, что они друг другу сказали. Страх, который я прежде подметила на лицах родителей, исчез. Но все равно они вели себя как-то странно.

Мы садимся за стол. Папа открывает большую оплетенную бутылку вина, которую держал про запас, а мама приносит миски с размоченным хлебом. Вкусно пахнет базиликом.

— Тюря отменная, — в самом деле похваливает старик. — Но мы так друг другу и не представились, — добавляет он.

Я жду, что мама с папой первыми выскажутся по этому поводу, но они молчат.

— Вот меня прозывают *Черным*.

Родители опять переглядываются. И тут я догадываюсь, что они знают старика. Неизвестно откуда, но знают.

За столом они говорят очень мало, только голос старика отдается под сводами церкви. Он, похоже, любит поболтать. Не докучливый, нет: ему правда есть что рассказать. Он тоже путник, он много странствовал. Такое впечатление, что он, в отличие от нас, обошел весь мир. Он рассказывает о таких далеких краях, о каких я только в книжках читала. Судя по тому, как он эти края описывает, они великолепны. И я спрашиваю себя, откуда он, слепец, знает столько подробностей.

Папа наливает старику еще вина, когда тот вдруг хватается его за руку.

— Не знаю почему... но мне кажется, что это со мной уже было, — заявляет он. — Может быть, во сне... — Он смеется. — Мы, случайно, не могли где-то встретаться?

— Нет, — тут же отвечает папа. — Не думаю, — добавляет с полной уверенностью.

— И все-таки я что-то такое чувствую. — Старик уже не смеется, говорит серьезно. — А я, как правило, не ошибаюсь в подобных делах... — Снова принимается. — Я узнаю ваш запах.

Как раз при этих его словах слышится раскат грома. Сквозняк колеблет пламя свечей, и тени пляшут на стенах.

— Наверное, пора спать, — вступает мама. — Мы ночуем в доме священника, ты можешь устроиться здесь.

— Конечно-конечно, тут очень удобно, спасибо, — вежливо отвечает Черный.

Мы с мамой и папой спим в одной комнате на третьем этаже маленького домика, где раньше жил священник: они — на огромной кровати, я — на полу, на матрасе. В ночи сверкают молнии. Льет как из ведра. Вот и хорошо, может быть, после грозы станет не так жарко. Я люблю, когда гремит гром. С упоением считаю время, которое проходит от вспышки молнии до удара грома: так можно узнать, надвигается гроза или проходит.

Мама с папой, наверное, уже заснули, а мне никак не угомониться. Невиданное событие этого дня выбило меня из колеи. Мне кажется, что между двумя ударами грома я что-то слышу. Голос Черного. О чем он говорит, непонятно, доносятся только обрывки фраз. Ясно одно: он говорит с кем-то. Я встаю посмотреть, иду на цыпочках, чтобы не разбудить маму и папу. Подхожу к лестнице, ведущей вниз, вглядываюсь в темноту. Голоса всплывают из тьмы, будто дохлые жабы из затона. Сейчас они звучат отчетливее, но понять все равно ничего нельзя. Кроме старика, говорят мужчина и женщина. Вполголоса: наверное, не хотят беспокоить. Потом вдруг умолкают. Кто знает, что это за люди, думаю я. И возвращаюсь в постель.

На этот раз засыпаю. Но прежде чем погрузиться в глубокий сон, просыпаюсь от какого-то звука. Кто-то плачет. Я приподнимаюсь, оглядываюсь. Дождь перестал, в доме священника тихо. Но мне не почудилось, я в самом деле слышала что-то. Плач доносится снова. Я была права. Кто-то рыдает там, внизу. Я хочу разбудить папу, протягиваю руку, но нащупываю пустую подушку. Поднимаюсь, вижу, что в огромной кровати никого нет. Они встали? Куда же они пошли без меня? Я направляюсь к лестнице, туда, откуда доносятся сдавленные рыдания. Голос вроде бы не похож на мамин или папин. Что происходит? Прежде чем пойти проверить, зажигаю свечу, которая стоит на тумбочке. Медленно спускаюсь по ступенькам, сердце гулко стучит в груди. Но я еще не уверена, следует ли бояться.

Спустившись, отмечаю, что плач звучит где-то впереди. Продвигаюсь, повыше подняв свечу. Янтарный свет озаряет старика Черного. Он сидит на соломенном стуле, сгорбившись, опершись на

палку обеими руками. Рыдания раздирают ему грудь, из слепых глаз градом катятся слезы.

— Что с тобой? — спрашиваю я. — Почему ты плачешь?

Похоже, он только сейчас заметил мое присутствие, потому что перестал плакать и устремил свой погасший взгляд в моем направлении.

— Ах, малышка... Ты не представляешь, какое случилось несчастье.

— Тебя кто-нибудь обидел?

Черный хлюпает носом.

— Не меня, — отвечает он.

Я сразу думаю о родителях, меня охватывает страх.

— Где мама и папа? Почему их нет? Куда они ушли?

Вместо ответа старик достает из кармана платок и шумно сморкается. Почему он ничего не говорит мне? Зачем тянет время?

— Мои детки догнали меня раньше, чем я предполагал.

Я ищу их взглядом. Но никого не вижу.

— Где они? — спрашиваю у старика.

— Прямо позади тебя, — отвечает Черный.

Я знаю, что должна поскорей обернуться, но не могу. Поворачиваюсь медленно, от тьмы за моей спиной становится щекотно в горле. Стою неподвижно со свечой в руке перед стеною мрака, пытаюсь что-нибудь разглядеть — движение, форму. Слышу шаги. Потом вижу, как они появляются. Две человеческие фигуры. Одна повыше, другая пониже.

Парень высоченный, сухопарый. Гладкие, прямые волосы падают ему на плечи. Массивный лоб, глубоко сидящие глаза.

На девушке зеленый комбинезон. Она сильно накрашена. Во рту сигарета.

— Это Телок, а это Искорка, — представляет мне их старик. Значит, это с ними он говорил недавно.

У Телка в руке резак, он проводит им по ладони, будто точит. Искорка держит заржавленные ножницы. Меня окружают.

— Мои детки не такие уж злые, — заверяет Черный. — Только немного беспокойные.

Парень с девушкой переглядываются, хохочут. Я снова поворачиваюсь к старику.

— Где мама и папа? — спрашиваю я со всей решимостью... Но голос у меня дрожит, они наверняка это заметили.

— Если хочешь увидеть их, ты должна нам кое-что отдать, — говорит Телок. Голос у него тонкий, как лезвие, которое он держит в руке.

— Чего вы хотите? У нас ничего нет.

— Кое-что есть, — вступает старик. — Сокровище.

Когда он произносит это слово, голос его меняется. Из жалобного становится злобным. Но у нас нет никаких сокровищ.

— Но у нас нет никаких сокровищ.

— Есть, есть.

Это неправда.

— Это неправда.

— Сундук, — невозмутимо продолжает старик. — Тот, который вы всюду таскаете с собой.

Я не могу в это поверить. Они хотят забрать Адо?

— Там не сокровище, — возражаю я. — Там мой братик.

Вся троица хохочет. Потом Черный поднимает палку, стучит об пол, и все умолкают.

— Отдай нам сокровище, и мы тебе вернем твоих родителей.

Я чувствую, как слезы подступают к глазам.

— Я не могу...

Старик молчит.

— Я не могу, пожалуйста...

Черный шумно вздыхает:

— Видишь ли, девочка, твои мама и папа не были сегодня со мной откровенны. А я очень сержусь, когда мне говорят неправду... Но хуже всего то, что они и тебе ввали, и это очень огорчает меня.

— Ввали мне?

Что это значит?

— Мы были знакомы раньше, до сегодняшнего дня. Я это вспомнил, я никогда не путаю запахи. Но они сделали вид, будто ничего не было... Много воды утекло с тех пор, как мы все вместе жили под красными крышами...

Под красными крышами — что бы это значило?

— Но однажды ночью они удрали вместе с сокровищем, ничего не сказав бедолаге Черному.

— На Библии клянусь: нет там никакого сокровища.

— Не богохульствуй! — кричит на меня Черный.

Меня хватают за волосы, опрокидывают на пол. Искорка обрушивается на меня всем своим весом, целит ножницами в глаз. Телок встает на колени рядом с ней и приставляет резак мне к горлу. Я чувствую, как лезвие мне царапает кожу.

— Ладно, детки, поиграли, и хватит, — унимает их старик. Но они не отпускают меня. — Теперь наша подружка нам скажет, куда закопали сундук...

— На кладбище, — бормочу я еле слышно, обмирая при мысли, что предаю доверие мамы и папы. Но больше ничего не остается.

— Где на кладбище?

— Под каменным ангелом...

Мокрую землю труднее копать, как-то сказал мне папа. Но Телок сильный, и когда он ворочает лопатой, кажется, будто земля ничего не весит. Выбрасывает ее и снова вонзает штык, не зная усталости. Искорка держит керосиновую лампу, освещает яму. Черный сидит на одной из плит, держит меня на коленях. От его слюнявых нежностей у меня мурашки бегут по коже. Каменный ангел взирает на всех нас, бессильный, как все ангелы, когда надо кому-то помочь.

— Ну, долго еще? — жалуется Искорка.

— Клянусь, если там ничего нет, я ее зарежу, — грозитя ее брат, испепеляя меня взглядом.

— Есть, есть, — заверяет старик. — Наша новая подружка сказала нам правду, — утверждает он, глядя меня по волосам.

Я не уверена, что эти трое в самом деле семья. Если честно, в тот момент я вообще ни в чем не уверена. Я только хочу знать, где мои родители. Я не знаю, что с ними случилось, и страх переполняет меня. Что эти люди с ними сделали? А когда они откроют сундук и обнаружат, что там нет никакого сокровища, что они сделают со мной?

Старик приникает губами к моему уху. Его дыхание зловонное, горячее, но я все равно дрожу.

— Лиловая вдова тебя ищет... — шепчет он. — Ты особенная девочка, хотя сама этого не знаешь.

Опять это слово. «Особенная». Я не знаю, что оно значит. А эта *лиловая вдова*? Что ей от меня надо?

Глухой стук. Лезвие лопаты на что-то наткнулось. Вижу, как Телок соскакивает в яму и начинает рыть голыми руками.

— Посвети ему, — приказывает Черный Искорке.

Я не могу подойти, меня по-прежнему держит старик. Чуть позже слышу в могиле смех.

— Нашел, — ликует Телок.

Вижу, как поднимаются длинные руки. Вытаскивают сундук Адо и кладут его на край ямы. Искорка дает брату руку, тот вылезает. Оба оглядываются на старика, ждут указаний.

— Открывайте, — командует Черный.

Детки довольно ухмыляются.

Слепой встает, ставит меня на ноги перед плитой, сам присоединяется к товарищам. Вижу, как они пытаются вскрыть сундук. Телок резаком соскребает смолу, которой запечатана крышка, где вырезано имя братика. Потом вставляет лезвие в щель, действует как рычагом.

Я не хочу смотреть. Не хочу увидеть Адо. Просто не могу. Представляю себе, каким он стал за эти годы, что осталось от него по прошествии времени. Я до сих пор не видела мертвых тел. Боюсь того, что мне предстоит вскоре. Проклятые воры. Но скоро вы увидите, что нет никакого сокровища. Вы просто разбудите мертвого ребенка.

Крышка отлетает. Я стою за спинами троих и, хотя пообещала себе не смотреть, все-таки заглядываю одним глазком. Слепому старику тоже любопытно, он хочет знать.

— Ну что, что там? — спрашивает он.

Телок с Искоркой молча разглядывают содержимое сундука. Потом подходят к Черному, что-то шепчут ему.

Я вижу Адо. Его лицо такое красивое, совсем нетронутое. Смерть была к нему милосердна. В самом деле, кажется, будто он спит.

Яростный вопль старика пронзает ночную тьму. Он оборачивается ко мне, сверлит своими никчемными глазами. В глубине этого белесого взгляда я вижу ад. Понимаю, что нужно спастись, это единственная возможность. Поворачиваюсь и бегу, бросаюсь в темноту.

Чувствую, как старик меня хватает за левую руку. Ногти вонзаются в плоть. Хочется кричать, но я сдерживаю дыхание, оно мне еще понадобится. Мне удастся ускользнуть, но на руке остаются глубокие царапины.

— Хватайте ее, не дайте ей сбежать! — в бешенстве кричит он своим деткам.

Слышу, как они бегут за мной, пытаются догнать. Телок и Искорка с керосиновой лампой. Но у них не получится. Одна спотыкается и падает, другой старается изо всех сил, но я слишком быстрая. Быстрая, как лань, всегда говорит папа. Через какое-то время я уже не слышу криков и топота позади. Слышу лишь собственное дыхание. Только тогда останавливаюсь. Я запыхалась, в ушах звенит, голова готова лопнуть. Но я одна. Понимаю, что я забежала в болото. Плакучие ивы принимают меня к себе, дают убежище.

Я так и стою под ивами. Сама не знаю, сколько времени. Мочевой пузырь разрывается, но я не схожу с места. Наконец заря занимается на небе, проскальзывает между листвой, находит меня. Я знаю, что должна вернуться, но не знаю, что меня там ждет, что я обнаружу там. Наконец набираюсь смелости и пускаюсь в обратный путь, моля бога, которого не знаю, избавить меня от горя, не дать мне потерять все.

Подходя к церкви, издали вижу папу, на кладбище, возле каменного ангела. Он заново запечатывает смолой сундучок Адо. Я подбегаю к нему, вижу, что один глаз у него опух.

— Где вы были? — кричу я в отчаянии.

Папа ласкает меня.

— Нас связали, затащили на колокольню, но теперь они ушли, — печально повествует он. Потом замечает у меня на левой руке царапины от ногтей Черного. — Мама внутри, она тебе сделает примочку.

Я не спрашиваю, что случилось до того, как те трое заставили меня выдать, где похоронен сундук, и куда подевались наши собаки. Папа тоже ничего у меня не спрашивает. Я бы хотела что-то узнать о красных крышах и лиловой вдове, но понимаю, что больше мы никогда не заговорим об этой истории. Никогда.

— Они вернутся?

— Нет, — заверяет меня папа. — Но мы сегодня же уйдем отсюда.

Ханна Холл впервые назвала Адо братиком.

Там не сокровище. Там мой братик.

Джербер это воспринял как огромный прогресс.

Пациентка вышла из гипноза на счет четыре, так что даже не нужно было доводить до конца обратный отсчет. Это получилось естественно, почти как освобождение.

Рассказ о том, как открыли сундук Адо, потряс психолога. Явление на свет мертвого ребенка вряд ли было приятным зрелищем для сестрички. Особенно если она виновна в его смерти.

Ханна была убеждена, что видела братика нетронутым, что труп его не разложился с течением времени. Тут не что иное, как прием, к которому прибегает психика, пересотворяя то, что девочка видела на самом деле.

Джербер представил себе ссохшееся, почерневшее, полусгнившее тельце.

Выкинув этот образ из головы, сконцентрировался на том, что записал в блокноте: детали, в которые следует углубиться во время второй половины сеанса. И все-таки сжимал в руке пуговицу, которую дала ему Ханна перед началом: единственное подтверждение того, что на нее ночью напали.

— Вы действительно думаете, что ночью на вас напал кто-то из тех троих? Я не вижу тут никакой связи с историей, которую вы только что мне поведали...

Ханна ничего не сказала. Просто поддернула левый рукав и показала старые шрамы, следы трех царапин на коже, гладкой, будто слоновою костью.

— Прощальная ласка Черного, — сказала она.

Потом точно так же обнажила правую руку. Под свитером обнаружили еще три борозды. Кровь на ранах запеклась, но они были нанесены недавно.

Джербер старался сохранять спокойствие, хотя и не верил, что эти повреждения мог нанести слепой.

— Вы сознаете, что Черный был стариком, когда вы были девочкой? Его, наверное, уже нет в живых.

Ханна вытащила из сумки пачку сигарет.

— У вас странные отношения со смертью, доктор Джербер, — заявила она, прикуривая «Винни».

Он не позволит снова вовлечь себя в разговор о призраках. Надо держать ситуацию под контролем.

— А что вы скажете о лиловой вдове?

— Вдова была ведьмой, — невозмутимо ответила Ханна. — Она, по словам Черного, искала меня...

— Потому что вы были особенной девочкой, верно? — повторил гипнотизер ее слова.

Пациентка кивнула, но опять-таки не уточнила, в чем состоял этот ее особенный дар. Джербер, однако же, уже устал от подобных разговоров.

— Вы недавно повторили слова Черного: «Много воды утекло с тех пор, как мы все вместе жили *под красными крышами*», — прочел он в своих записях.

— Да, — подтвердила женщина.

— Что, по-вашему, могла означать эта фраза?

Ханна немного подумала, затянулась сигаретой, выдохнула серый дым. Покачала головой:

— Понятия не имею.

Гипнотизер не был в этом совсем уверен.

— «Красными крышами» коренные флорентийцы называли Сан-Сальви, психиатрическую лечебницу, которой больше не существует.

Об этом поведал сыну *синьор Б.*: когда он сам был ребенком, взрослые говорили — «он отправился под красные крыши», если кто-то сходил с ума. Во времена отцовского детства душевная болезнь считалась чем-то непостижимым. Именно как заклятие ведьмы.

Ханна Холл посмотрела ему в лицо, пытаясь понять, к чему он клонит, делая такое уточнение.

— Мои родители были сумасшедшими? — спросила женщина. — Вы хотите сказать, что они сбежали из сумасшедшего дома?

Психолог подметил несколько раздраженный тон, но сделал вид, будто не обратил на это внимания.

— Почему вы не рассказали мне о том, как в Австралии пытались похитить младенца из коляски?

Ханна застыла.

— Я никогда не совершала ничего подобного, — стала защищаться она.

Еще как совершала — подумал Джербер.

— Что вы хотели сделать с тем ребенком?

— Кто вам рассказал? Уолкер, да?

Она заволновалась. Джерберу следовало сохранять спокойствие, проявлять твердость, поддерживать свой авторитет.

— Уолкер соврала, — воскликнула Ханна, потом вскочила и принялась в нервном возбуждении ходить по комнате. — Я хотела спасти того ребенка...

— Спасти? — Джербера поразила наивность ее самооправдания. — Спасти от чего?

— От его матери, — тут же ответила Ханна. — Она причинила бы ему вред.

— Как вы можете быть в этом уверены?

— Просто знаю, — сказала пациентка, нимало не задумываясь. — Для ребенка семья — самое надежное место в мире. Или самое опасное.

Услышав собственные слова, процитированные не к месту, Джербер чуть не взорвался.

— Ханна, я хочу вам помочь, — сказал он вместо того, стараясь выразить искреннюю озабоченность ее состоянием. — У вас явные симптомы какой-то формы шизофрении, — попытался он объяснить. — Но, разумеется, другие врачи вам уже об этом говорили...

— Они ошибались, — вспылила женщина. — Вы все ошибаетесь.

— Но после сегодняшнего сеанса мы знаем, что, по всей вероятности, в вашей родной семье имелась некая наследственная предрасположенность... Теперь мы можем заняться лечением вашей патологии.

Ханна курила не переставая и металась по комнате.

— Призраков не существует, а синяк на лице и царапины на руке вы нанесли себе сами... — подлил он масла в огонь. — Знаете, что это

значит? Это хуже, чем если бы кто-то на вас напал, ведь в вашем случае от врага, преследующего вас, убежать нельзя.

Ханна резко остановилась.

— От призраков тоже, — заявила она со всей решимостью. Потом устремила на него загадочный взгляд, полный ярости, но в то же время умоляющий. — Ведь для этого ваш отец заговорил с вами, правда?

Джербер остолбенел:

— При чем здесь мой отец?

Ханна подошла к нему вплотную:

— Он что-то сказал вам перед смертью...

Он вдруг почувствовал себя уязвимым. С леденящей уверенностью, что эта женщина способна читать у него в душе.

— Да, ваш отец вам что-то сказал, — настаивала она. — И это вас потрясло.

Как она узнала тайну, которую они с *синьором Б.* разделили у его смертного одра? Их никто не слышал. А Пьетро не признался никому, даже Сильвии.

— Никогда не следует иметь тайн от тех, кого любишь, — заявила Ханна Холл, каким-то образом прозревая, что он подумал о жене.

Он хотел бы ответить, что не верит в ее сверхъестественные способности, что столь тщательно подготовленная мизансцена могла бы завлечь такую, как Тереза Уолкер, но уж конечно не его.

— Тут нет никакой тайны: отец выбрал тот момент, чтобы признаться, что во всю свою жизнь он никогда меня не любил.

Ханна покачала головой:

— Неправда: этот вывод сделали вы... Когда он говорил с вами на смертном одре, вы слышали уже голос призрака, ведь так?

Джербер промолчал.

— Ну же, что именно он сказал вам?

Ханна была крайне уверена в себе. У Пьетро Джербера сложилось впечатление, что никакой ответ не утолит любопытства, ненасытного и наглого, с каким эта женщина пыталась копаться у него в душе. И он решил попросту сказать правду.

— *Слово*, — ответил он. — Только одно... Но я никому не стану его повторять.

Улеститель детей вдруг понял то, что до сих пор от него ускользало. И это до смерти перепугало его.

Ханна Холл здесь не для того, чтобы получить от него помощь. Эта женщина убеждена, что явилась сюда, чтобы помочь ему.

Клиника Сан-Сальви состояла из многих корпусов, и каждый обозначался буквой, от А до Р.

Долгое время это была самая большая в Европе психиатрическая лечебница. Ее основали в 1890 году, и она занимала немалую площадь в тридцать два гектара. Современная планировка построек, расположенных в обширной зеленой зоне, до сих пор считается образцом городской архитектуры. Воздвигнутый в местности, которая столетие назад была пригородом Флоренции, комплекс во всех смыслах представлял собой город в городе: здесь было все, от водоснабжения до электростанции, от столовой до церкви и кладбища.

Пьетро Джербер хорошо помнил описание больницы, приведенное в одном из университетских учебников, где, однако, опускалась одна подробность.

Сан-Сальви была сущим адом. И несмотря на избранную им профессию, Джербер никогда не посещал этого места.

Флорентийцы называли свой сумасшедший дом «красными крышами», потому что именно так выглядел издали этот обособленный мирок. Никто не знал, что в точности там творилось, ведь человек, попавший туда, больше оттуда не выходил.

Много воды утекло с тех пор, как мы все вместе жили под красными крышами...

Фраза Черного говорила о многом. Он, Телок и Искорка — бывшие пациенты больницы. Именно там они познакомились с родителями Ханны Холл. То, что и эти последние содержались в психиатрической клинике, не удивляло Джербера: странное поведение, паранойя, мания преследования — явные симптомы душевного расстройства.

После встречи с Ханной гипнотизер решил отправиться в Сан-Сальви, намереваясь выяснить, не осталось ли каких-то следов пребывания там матери и отца женщины.

Он подъехал на машине к главному входу, оглядывая мрачный парк, простиравшийся за оградой: плотная стена деревьев и кустов,

призванная скрыть от так называемых умственно здоровых вид этого места.

Он позвонил в домофон, и кто-то разомкнул автоматически запирающиеся ворота. Пьетро включил мотор и двинулся по асфальтированной дорожке, уходящей в лес.

Где-то через километр показалось первое здание, расположенное посередине овальной площадки. Когда Джербер выключил мотор и вышел из машины, его встретила безотрадная тишина.

Кроме бродячих псов, здесь уже много лет не было обитателей.

В 1978 году вышел закон, предписывавший закрыть все заведения, где содержались душевнобольные, исходя из предположения, что пациенты подвергаются там бесчеловечному и унижительному обращению.

Наконец кто-то вышел из караульной будки. Сутулый мужчина в синей униформе, с огромной связкой ключей, которая звякала у него на поясе.

— Я думал, вы сантехник, — пожаловался старый сторож. — Но вряд ли вы приехали из-за прорвавшейся трубы, откуда уже который день хлещет.

— Нет, — сердечно улыбнулся психолог. — Я пришел посмотреть.

— К сожалению, музей закрыт: нечем было платить тому, кто держал бы его открытым.

— Что за музей? — Джербер даже не знал, что в Сан-Сальви существовало нечто подобное.

— Музей, посвященный истории этого места, — разъяснил сторож. — Разве вы не за этим пришли?

— Меня зовут Пьетро Джербер, — тут же представился посетитель, боясь, что его прогонят. — Я детский психолог.

В былые времена практикантов направляли в Сан-Сальви, чтобы они набирались опыта. Выдерживали немногие, прочие обычно меняли профессию. Но когда Пьетро получал диплом, больницу уже закрыли.

— Психолог? — растерялся сторож.

Чувствуя на себе изучающий взгляд, Джербер вдруг понял, насколько непрезентабельно выглядит.

— Да, — подтвердил он.

— Что вы ищете? — с подозрением осведомился сторож.

— Истории болезни пациентов... Мне интересно, куда подевались архивы.

Сторож расхохотался.

— Туда же, куда и все остальное, — ответил он, показывая на царящий всюду разгром. — В тартарары.

Джербер невольно опустил взгляд на пиджак сторожа.

— Вы потеряли пуговицу, — сказал он, тыча пальцем в пустое место.

Сторож скосил глаза. Потом ткнул пальцем в Джербера.

— Вы тоже.

Джербер наклонил голову: в самом деле, не хватало пуговицы и на его «Burberry». Жаль, что ни та ни другая не были похожи на ту, которую Ханна, по ее словам, оторвала от одежды нападавшего.

«Что со мной такое?» — спросил он себя. Он вдруг стал замечать детали, на которые при других обстоятельствах просто не обратил бы внимания. В этом тоже проявлялось наваждение, которое Ханна Холл умудрилась наслать на него.

— Вы сюда приехали зря, — заключил старый сторож. — Хотя, если хотите, я устрою вам эксклюзивное посещение музея... Не часто приходит кто-то, с кем можно немного поболтать, а мое дежурство сегодня никак не кончается.

Выудив нужный ключ из связки, которая болталась у него на поясе, сторож открыл тяжелую железную дверь и повел Пьетро по длинному коридору, куда падал свет из высоких окон, забранных решетками.

Вдоль стен стояли стенды, полные фотографий. Черно-белых и цветных. Свидетельства о пациентах, когда-то живших здесь. Выставленное напоказ человеческое страдание, мужчины и женщины, опустошенные, вечно несущиеся по воле бурных волн и терпящие крушение. Они влачили в этой нежизни под надзором крепких санитаров. Психиатры же наблюдали за ними сверху, с переходов, соединявших корпуса, точно как в зоопарке. В отсутствии необходимых психотропных средств лечение состояло в неумеренном употреблении инсулина и электрошока.

— Их разделяли на тихих, пришибленных и буйных, — объяснил сторож. — Потом были склонные к насилию, а еще больные и

паралитики. Были и эпилептики, и нечистые, которые вели беспорядочную половую жизнь. Старика жили в пансионате.

Джербер знал, что в подобные места попадали не только те, кто действительно имел психическую патологию, более или менее серьезную. Но также и люди с различными увечьями, не имевшие родных, которые могли бы о них позаботиться. Несколько десятилетий тому назад в таких лечебницах содержали алкоголиков, лесбиянок и гомосексуалистов, ибо считали, что они недостойны составлять часть гражданского общества. На самом деле было нетрудно угодить в такое место, как Сан-Сальви. Особенно женщине. Достаточно было ей вести себя раскованно или быть обвиненной в нарушении правил общепринятой морали, и ее отправляли туда с благословения родственников. Большая часть диагнозов шла вразрез с медико-санитарными требованиями. Поэтому одиноких неимущих стариков привозили сюда и оставляли умирать.

Сан-Сальви был сущим адом для бедняков, которым даже не было позволено своевременно отправиться в настоящий ад.

Постоянная экспозиция музея представляла собой лицемерную попытку залечить рану на теле Флоренции, каковой являлся этот скорбный дом. Поэтому Джерберу не терпелось уйти.

— Я ошибся, — заявил он. — Сан-Сальви закрыли в семьдесят восьмом, но люди, которых я ищу, в то время были детьми и никак не могли здесь оказаться.

Это пришло ему на ум только сейчас. Черный соврал Ханне, когда сказал, что познакомился с ее родителями под красными крышами. Или, что более вероятно, Ханна соврала ему. Но тогда зачем она его сюда направила?

— Погодите, — остановил его сторож. — Это не так... Об этом не говорят, но психиатрическая больница продолжала функционировать еще лет двадцать. Ведь нельзя же было выкинуть на улицу тех, кто большую часть своей жизни провел в этих стенах. Это не держали в секрете, просто люди ничего не хотели знать.

Сторож был прав, Джербер об этом не подумал.

— Родственники не желали забирать сумасшедших, а бедолаги не знали, куда идти.

— Стало быть, сюда поступали пациенты и после семьдесят восьмого года...

— Сюда всегда свозили человеческие отбросы... Закон — хорошая вещь, но человеческие сердца не изменит какая-то бумажка.

Сторож опять был прав, хотя никто открыто не признал бы такой правды. И тут на Пьетро снизошло озарение.

— На днях кто-нибудь посещал музей?

— Вы первый за этот год, — моментально ответил сторож.

— Никто не приходил, не задавал вопросов?

Сторож в задумчивости покачал головой.

Джербер решил дать ему подсказку.

— Женщина, светловолосая, много курит...

— Курит, говорите? Может быть...

Джербер уже хотел просить сторожа высказаться яснее, но тот продолжил сам.

— Здесь иногда происходят странные вещи... — заявил он, хотя, как было видно по лицу, боялся, что ему не поверят или, того хуже, примут за сумасшедшего. — Не поймите меня превратно, я не псих и прекрасно знаю, что об этом думают люди... Но если ты работаешь в заброшенном дурдоме и распространяешь подобные слухи, над тобой начинают смеяться.

— Что вы видели? — прямо спросил психолог, показывая, что готов выслушать непредвзято.

Сторож заговорил робко, вполголоса:

— Иногда я слышу, как они плачут в корпусах... А то смеются... Или беседуют друг с другом, только слов ни за что не разобрать... Еще им нравится двигать стулья: обычно они расставляют их перед окнами, с видом на сад...

Джербер никак это не прокомментировал, но должен был признать, что рассказ задел его за живое. Может быть, само место оказало такое воздействие. Да и его здравый смысл в последнее время неоднократно подвергался испытанию.

— Почему вы мне все это рассказываете? — спросил он, догадываясь, что слова старика — всего лишь предисловие.

— Пойдемте, я вам кое-что покажу... — сказал сторож.

Он привел Джербера в зал музея, где целую стену занимала фотография, датированная тысяча девятьсот девяносто восьмым годом. Четыре ряда мужчин и женщин в белых халатах выстроились перед объективом.

— Этот снимок сделали в день закрытия. Здесь последние, кто работал в Сан-Сальви: психологи, психиатры, врачи разных специальностей... Вчера как раз здесь, перед этой фотографией, я нашел на полу три окурка.

— Не помните, какой марки? — тут же спросил Джербер, подумав о «Винни» Ханны Холл.

— Нет, к сожалению; я их выбросил, не рассмотрев хорошенько.

Гипнотизер спросил себя, зачем пациентка задержалась именно перед этой огромной фотографией. Начал вглядываться, как, возможно, делала она, и узнал знакомое лицо.

Он видел эту женщину всего дважды. Воскресным днем в кафе «Виволи», когда он, девятилетний, сидел, надувшись, перед порцией мороженого, которое так и растаяло зря. Потом в больнице Кареджи, в отделении кардиологии, где она в зале ожидания оплакивала неминуемую кончину человека, которого, возможно, всю жизнь любила.

Теперь, увидев эту женщину в третий раз, Пьетро Джербер с изумлением понял, что для Ханны Холл она тоже что-то значит.

На старой фотографии было видно, что на ее халате не хватает черной пуговицы.

Возвращаясь домой, Пьетро размышлял, как бы отыскать таинственную подругу отца.

Раз уж Ханна втянула ее в свою игру, Джерберу было интересно знать, какую роль она ей назначила в этом тщательно подготовленном представлении. Но выйти на нее будет не так-то просто. Пьетро не знал ее имени, да и не был уверен, что женщина до сих пор жива.

С наступлением темноты снова пошел дождь, и дворники разгоняли по стеклу мелкие капли, образуя сверкающие полосы, в которых отражались огни реклам. Все еще погруженный в свои мысли, за несколько метров до цели Пьетро Джербер заметил нечто anomальное и насторожился.

У дома светились два ярких огня: проблесковые маячки.

Психолог инстинктивно надавил на газ, обуреваемый мрачным предчувствием, что присутствие полиции имеет какое-то отношение к нему.

Он припарковался, вышел из машины, поспешил к парадной. Побежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, все время поглядывая вверх, сквозь перила, чтобы понять, на каком этаже остановились агенты.

На пятом. Именно у его квартиры.

Дверь была открыта, он тут же уловил плач Марко и голос Сильвии, которая разговаривала с полицейскими. Бросился туда.

— С вами все в порядке? — спросил он, запыхавшись, стремглав вбегая в квартиру.

Жена держала сына на руках, оба еще были в пальто, видимо, тоже только что пришли. Сильвия казалась взволнованной. Агенты, завидев его, обернулись.

— Все хорошо, — успокоил его один из двоих. — Ничего страшного не случилось.

— Тогда почему вы здесь?

Он подбежал к жене, обнял ее, поцеловал в лоб, чтобы успокоить. Марко потянулся к нему, хотел на ручки к отцу, и Джербер прижал к себе сына.

— Синьора утверждает, что кто-то проник в дом, — объяснил полицейский.

— Это не я утверждаю, а все так и есть, — запротестовала та, потом повернулась к мужу. — Я пришла и обнаружила твои ключи в замке, подумала, что ты вернулся раньше и забыл их вынуть.

Джербер невольно стал шарить в карманах плаща и в самом деле не нашел ключей. Он и правда забыл ключи в замке или кто-то их похитил?

— Вошла, а тебя нет, — продолжала жена. — Свет горел только в гостиной. Я пошла туда и увидела это...

Она указала на что-то в комнате, за диваном. Джербер шагнул вперед, рассмотреть, что там такое.

На полу валялся старый семейный альбом в кожаном переплете. Фотографии были рассыпаны повсюду. Кто-то взял на себя труд вытащить их из ячеек и разбросать.

Казалось, постарался призрак. Разгневанная, неугомонная душа.

Снимки относились к его детству. На самых ранних еще появлялась мать, остальные отображали одиночество овдовевшего отца и единственного сына. Каникулы, рождественские праздники, с вечным ощущением недостающего звена, скорбной пустоты.

Глядя на фотографии, Джербер осознал, что не видел их долгие годы. Многие не рассматривал вообще, просто припоминал тот или иной момент, когда они были сделаны. Проявленные, отпечатанные, их положили в альбом, и никто больше не взглянул на них.

Почему сейчас вернулись все эти воспоминания? Казалось, будто кто-то добивается его внимания. *Синьор Б.?* Ему пришли на ум слова Ханны Холл: *...Когда он говорил с вами на смертном одре, вы слышали уже голос призрака, ведь так?...*

— Вы держите дома деньги, драгоценности, часы? — спросил один из агентов.

Заметив, что муж слишком ошеломлен, чтобы реагировать, Сильвия ответила сама:

— Моя шкатулка с украшениями — в спальне.

— Не проверите, все ли на месте? — попросил полицейский.

Жена пошла посмотреть, а Пьетро Джербер усадил Марко на диван и пристроился рядом. Мальчик стал теревить его пальцы, но отец, удрученный, этого даже не замечал. Хотя был уверен, что из

квартиры ничего ценного не пропало. Но сама мысль о том, что посторонний вторгся в область самых дорогих для него чувств, приводила психолога в исступление.

— Ничего не пропало, — вскоре объявила Сильвия, входя в комнату.

— Раз так, я не вижу оснований для возбуждения дела, — выступил один из полицейских.

— Что? — Сильвия не верила своим ушам.

— Речь даже не идет о взломе, ведь ключи уже находились в дверях.

— А это? — указала она на фотографии, разбросанные по полу.

— Может, кто-то решил над вами подшутить.

— Подшутить? — повторила Сильвия с нервным смешком. Она не могла смириться с мыслью, что виновный останется безнаказанным.

— Я не хочу сказать, что дело пустячное, но это самое правдоподобное предположение, синьора. Вы кого-нибудь подозреваете?

Когда полицейский задал вопрос, Сильвия устремила взгляд на мужа. Джербер отвел глаза, чувствуя себя виноватым.

— Нет, никого, — отвечала она, но было ясно, что женщина что-то скрывает.

Полицейский, наверное, тоже это заметил.

— Такое случается нечасто, но иногда акты вандализма — это только начало, — заявил он. Его слова явно были предупреждением.

— Начало чего? — встревожилась Сильвия.

Полицейский секунду помолчал, прежде чем ответить:

— Если в первый раз им это сходит с рук, они обычно предпринимают другую попытку.

После ужина, под предлогом того, что нужно уложить ребенка, Сильвия пошла спать, не дожидаясь мужа. Она все еще была расстроена и, наверное, сердилась на него, и Пьетро не мог ее в этом винить.

Она его прикрыла, соврав полицейским. Оба знали, что история о ключах, забытых в замке, не выдерживает критики. И уж конечно,

такое сказать легче, нежели: «Мой муж лечит шизофреничку и непонятно почему позволяет ей вторгаться в нашу жизнь».

Сильвия вела себя как обманутая супруга, которая стыдится прилюдно признать вину изменившего ей мужа. Но когда агент спросил, подозревают ли они кого-то, в ее взгляде отразились вся тяжесть унижения и безмолвный гнев.

Джербер не исключал, что оставившее неприятный осадок вторжение в их дом — дело рук Ханны Холл, но не хотел обвинять ее, не имея доказательств. Хотя пациентка всячески старалась все вокруг себя превратить в тайну, нигде не сказано, будто любое событие как-то связано с ней. Obsессия заставляет превращать любое происшествие в итог обмана или заговора. Но паранойя — первый шаг в пучину безумия, а он обязан сохранять трезвый рассудок.

Убравшись на кухне, Пьетро сел за стол с семейным альбомом, собираясь разложить фотографии по ячейкам и убрать его с глаз долой, зная, что больше никогда его не откроет. Занимаясь этим, он был вынужден заново пережить моменты прошлого, которые уже поблекли в его памяти.

Вы замечали, что, когда взрослого просят описать родителей, он никогда не рассказывает, какими они были в молодости, но в большинстве случаев склонен описывать стариков?

Ханна Холл была права: просматривая снимки, изображавшие отца и мать вместе, Пьетро отдал себе отчет в том, какими застенчивыми и неопытными выглядели они в их молодые годы. Может, в один прекрасный день и Марко удивится, обнаружив, что у них с Сильвией тоже была юность.

По мере того как Джербер переворачивал страницы альбома, всплывали подробности, которые он давно не вспоминал. Улыбка матери, например. Поскольку она умерла, когда он был слишком маленьким, чтобы это помнить, единственное свидетельство того, что она была счастлива привести его в этот мир, заключалось в немногих изображениях, навеки запечатлевших их вместе в первые два года его жизни. Судя по всему, отец не придерживался того же мнения, иначе не спешил бы использовать последние мгновения, какие ему оставались, чтобы сделать сыну наихудшее из признаний.

Тайное слово синьора Б.

Почему он не унес эту тайну с собой в могилу? Что сделал ему Пьетро, чем заслужил подобное обращение?

Он винил меня в смерти матери, сказал себе Джербер, додумывая мысль, давно вызревавшую. Не знаю, в связи с чем, но он на меня возлагал ответственность за болезнь, которая убила ее. Так же и Ханна Холл убеждена, что убила братика.

Нет, здесь все хуже. Гораздо хуже.

Он укрепился в своем убеждении, когда наткнулся на фотографию родителей, сделанную до его рождения. На лицо матери уже наложила отпечаток болезнь, которая унесет ее через несколько лет. До сих пор Джербер считал, что процесс происходил скорее.

Она выразила желание занять ребенка прежде, чем умрет. *Синьор Б.* попросту пошел ей навстречу, зная, что должен будет растить этого ребенка в одиночку.

Вот чем объясняется нелюбовь, которую отец всегда таил в душе. Вот почему перед смертью он пожелал поквитаться, открыв секрет, который Пьетро до сих пор не решился разделить с кем бы то ни было.

Для Джербера такая истина оказалась еще более жестокой, чем тот миг, когда он узнал, что его никогда не любили, ведь на месте отца он испытывал бы те же чувства по отношению к сыну, который вечно напоминает ему боль утраты.

Сын как наказание: дитя, не позволяющее забыть.

Он не мог сдержать слез, они струились по лицу в полной тишине. Наконец Пьетро отер щеки тыльной стороной ладони, будто изгоняя всяческую слабость. И закончил укладывать фотографии в альбом.

Только тогда и заметил, что одной не хватает.

Перед пустым кармашком задумался: а не ошибся ли он, была ли вообще тут фотография? Но мысль о том, что кто-то намеренно забрал снимок, медленно, но верно укоренялась в его уме, с его полного ведома. Ему предстояло непрестанно ею терзаться, ломать голову над тем, что именно увековечил снимок и что в нем было такого особенного.

Он стукнул кулаком по столу, проклиная темноту и Ханну Холл. В этот самый миг зазвонил сотовый.

— Не слишком поздно для вас?

— Нет, доктор Уолкер. Рад вас слышать.

— Я бы не была так в этом уверена после нашей прошлой дискуссии.

— Простите, что повысил голос, — извинился Джербер. — Должен признаться, что ситуация с Ханной не из легких.

— Я надеялась услышать от вас, что лечение дало удовлетворительный результат.

— К сожалению, нет.

— Выяснилось что-то еще?

— Родители Ханны были помещены в психиатрическую клинику.

— Этим можно было бы объяснить ее психическое расстройство.

— Да, но не думаю, что можно будет добраться до их историй болезни: после закрытия заведения документы затерялись... И еще кое-что не согласуется: если Ханна жила с ними до тех пор, пока ей не исполнилось десять лет...

— До ночи пожара, вы имеете в виду?

— Именно... Я говорю: если это так, значит потом ее препоручили кому-то еще, иначе нельзя объяснить тот факт, что она перебралась в Австралию и получила имя, под которым живет сейчас.

— В Италии нет свидетельств того, что ее удочерили, вы это пытаетесь мне сказать?

— Да, их нет, но, наверное, вы сможете выяснить у нее.

— Разумеется, при случае выясню.

— Ханна в детстве видела содержимое деревянного сундука, который они всюду носили с собой.

— Правда? И как она это восприняла?

— Она описала бедного Адо, сказала, что он выглядел так, будто просто спит, словно смерть не затронула его.

— Типичный механизм пересоздания реальности.

— Да, я тоже об этом подумал.

— Еще какие-то странности?

— Она говорила о ведьме.

— О ведьме?

— Называла ее «лиловой вдовой», вновь повторила историю об «особенной девочке», добавив, что поэтому ведьма ищет ее.

— Ведьма и чужие, — подытожила Уолкер. — Что вы собираетесь предпринять?

— Оставлю эти темы: мне надоело слушать о призраках и прочей паранормальной чепухе. Выведу Ханну Холл на чистую воду: эта женщина вбила себе в голову, что явилась сюда не только для того, чтобы выяснить правду о том, что случилось с Адо, но и для того, чтобы помочь мне.

— Помочь вам?

— Скажем так: она позволила себе несколько раз вторгнуться в мою личную жизнь.

— Не знаю, что и думать: я этого не ожидала.

— Будьте спокойны: я следую вашему совету, продолжаю записывать все сеансы и не теряю бдительности.

— Отлично... Тогда прощайте, меня ждет пациент.

— Вы, случайно, не продолжаете перезваниваться с Ханной?

— Нет, — заверила Уолкер. — Я бы вам сообщила.

Но у Джербера сложилось четкое впечатление, что она лукавит.

— Спасибо за звонок, я свяжусь с вами, как только смогу, — сказал он.

— И последнее, доктор Джербер...

— Слушаю вас...

— На вашем месте я бы глубже копнула историю с лиловой вдовой.

— Почему?

— Потому что это, по-моему, важно.

Пьетро Джербер хотел было ответить, но на другом конце линии Тереза Уолкер сделала то, чего никогда раньше не делала.

Прикурила сигарету.

— Стало быть, до сих пор ты всегда говорил по телефону с Ханной Холл...

Сильвии с трудом верилось, что Ханна Холл все время притворялась Терезой Уолкер, а он не догадался об этом раньше. Пьетро Джербер понимал, что она права.

— Разумеется, едва что-то заподозрив, я тут же позвонил в кабинет Уолкер в Аделаиде... И знаешь, что выяснилось?

— Что? — вскинулась Сильвия.

— Я поговорил с ассистенткой, и та сказала, что доктор — в горах, ведет семинар по гипнозу с несколькими пациентами и не хочет, чтобы ее беспокоили по мобильной связи... Тут я оставил ассистентке свой номер: пусть доктор мне перезвонит, когда сможет.

— Значит, ты не вполне уверен, что Ханна притворялась доктором Уолкер. — Сильвия казалась разочарованной.

Но у Джербера был в запасе неожиданный поворот сюжета.

— Когда я спросил у ассистентки, не привержена ли коллега курению, та, сильно изумившись сначала, ответила, что доктор Тереза Уолкер не выносит даже вида сигареты.

Он разбудил жену среди ночи, чтобы сообщить ей тревожную новость. То, что он ее впутал в это дело, их сблизило. Теперь они сидели в темноте на супружеской кровати друг напротив друга, поджав под себя ноги. Говорили вполголоса, с опаской, словно во тьме, их окружавшей, кто-то незримый таился и мог подслушать. Хотя никто из двоих еще не высказал это прямо, оба были напуганы.

— При таком раскладе Ханна Холл, возможно, не настоящее имя, — воскликнула Сильвия.

И была права, они об этой женщине ничего не знали.

Пьетро Джерберу пришлось напрячь память и обратиться вспять, чтобы восстановить события последних дней в свете только что сделанного открытия. Первый звонок Терезы Уолкер, когда коллега сообщила о приезде Ханны во Флоренцию и попросила заняться ею. Признание в возможном убийстве братика Адо. Попытка похитить младенца из коляски, которую Холл осуществила несколько лет назад.

Даже запись первого сеанса в Аделаиде была поддельной: уж тут-то Джербер мог догадаться, что один и тот же человек говорит за доктора и пациентку, но его захватил рассказ — *какая глупость!* Хотя Пьетро оправдывал себя: он не заметил, что голоса Ханны и Уолкер похожи, потому что с первой говорил по-итальянски, а со второй — по-английски.

Психолог припомнил все сведения, какие невольно выдал лжегипнотизерше: они-то и помогли Ханне построить свой рассказ. Он и об Эмильяне говорил. Но больше всего Джербера бесило то, что он излагал ей подробности своей частной жизни.

В одном, надо признаться, Ханна Холл была права. Призраки в самом деле существуют. И эта женщина — одна из них. Вот почему он не нашел документов об удочерении итальянской девочки семьей из Аделаиды, давшей ей имя. Такого имени попросту не существовало.

Он невольно рассмеялся.

— Что с тобой? — рассердилась Сильвия.

— Уолкер даже сказала мне, что в Австралии есть две Ханны Холл, наша пациентка и всемирно известный морской биолог... Насколько можно предположить, эта женщина даже не австралийка.

— Ладно, хватит, — одернула его жена, хотя и сама находила трагикомической сложившуюся ситуацию.

Они взглянули друг на друга, уже серьезно.

— И что нам теперь делать? — спросила Сильвия, как всегда практичная.

Пьетро Джербера это в ней восхищало. Перед лицом превратностей она не теряла времени зря, перекладывая на кого-то ответственность или ища виноватого: вооружившись доброй волей, просто сплывала всех вокруг себя, чтобы решить проблему.

— Я было подумал, что ты права, считая Ханну шизофреничкой, но твой диагноз неверен... — проговорил Пьетро. — Эта женщина — психопатка.

Джербер заметил, как изменилось лицо жены. Теперь она пришла в ужас.

— Мы не можем заявить на нее в полицию, поскольку она не совершила преступления: даже если это она проникла к нам в дом, у нас нет доказательств, — заключил он.

— Тогда какой у нас выход?

— Думаю, вести себя с ней как с психами из анекдотов...

Джербер это слово ненавидел. Отец внушил ему, насколько оно унижительно для пациента, для любого человеческого существа. И все же без такого сравнения ему было бы трудно объяснить свой план.

— Ты подыграешь ей... — изумленно закончила Сильвия.

— Пока не выясню, в чем ее истинная цель, — согласился он.

— Что, если эта цель — окрутить тебя и разрушить нашу жизнь?

Пьетро об этом думал, такая опасность существовала.

— У Ханны Холл есть какой-то замысел, — рассуждал он. — Она пытается рассказать мне историю... Вначале я полагал, что являюсь всего лишь зрителем представления. Но теперь понял, что мне в нем назначена какая-то роль, хотя пока не знаю, какая именно.

— Как ты можешь быть уверен, что до сих пор она тебе говорила правду? Может быть, все это сплошные выдумки...

— Стало быть, ты сомневаешься в моем даре гипнотизера, — хмыкнул он. — Если бы она врала, будучи в трансе, я бы это заметил... Ханна способна вставить уводящие в сторону сведения в рассказ об основных событиях, чтобы посеять сомнения или запутать меня. Например, колокольчик на щиколотке Марко. Она это делает, пытаясь показать, что держит под контролем терапию, а следовательно, и меня. Но думаю, что в своей основе ее история реальна: многое из того, что она рассказывает, случилось на самом деле... Как девочка, сочиняющая сказку о ведьмах и призраках, Ханна Холл хочет заставить меня самого догадаться, что она придумала, а что в ее детстве является мучительной правдой.

Он вроде бы убедил Сильвию, что таким образом можно решить проблему. Но Джербер еще не закончил. Он глубоко вздохнул: оставалось самое скверное.

— Думаю, что, прикуривая перед телефоном, Ханна намеренно открыла мне, что она и есть Уолкер.

— Зачем? — воскликнула Сильвия, явно напуганная таким поворотом дела.

— Чтобы вселить в меня страх. Или дать понять, что в нашем распоряжении имеется еще один канал для связи. Так или иначе, я притворюсь, будто ничего не понял, чтобы он оставался открытым: хотя Ханна и воспользовалась этой уловкой, чтобы вытянуть из меня информацию, доктор Уолкер как альтер эго кажется мне более

здравомыслящей, чем ее пациентка. К тому же она дала мне ценные указания о том, как продолжать терапию.

— Ты имеешь в виду историю с лиловой вдовой?

— Ханна использует Уолкер, чтобы указывать мне путь, поэтому следующий сеанс мы начнем с ведьмы.

— Чем я могу быть тебе полезна?

— Тем, что уедешь в Ливорно к родителям и побудешь там, пока я не решу вопрос, — быстро ответил он.

— Нет никакого вопроса, — возразила она, как всегда готовая к битве. А ведь они только что заново обрели гармонию.

Джербер взял ее за руку. Следовало признаться Сильвии, что как-то незаметно и не встречая особого сопротивления Ханна Холл завладела его душой.

— Я боюсь за тебя и за нашего сына, — сказал он вместо того, как последний трус. — Сейчас я уверен, что Ханна Холл опасна.

Сильвия мгновенно догадалась, что это предлог, но ей было нечего возразить: муж не доверился ей до конца, и этого довольно. А Джербер не знал, как объяснить, что речь не идет об обычном трансфере на врача, осуществляемом пациентом: между ним и Ханной Холл существует какая-то связь, и, не развязав этот узел, он не сможет стать таким, как прежде.

Сильвия не торопясь высвободила руку. Скольжение ее ладони было для Джербера хуже любого оскорбления, хуже пощечины. Его жена питала надежду, что ночной разговор подвигнет их к сплочению, а все шло вот к такому итогу. Жена холодно отстранилась от него, и Джербер ничего не мог с этим поделать. То, что он увлекся душевнобольной, ставило под сомнение и его душевное здоровье.

— Зачем ты так поступаешь с нами? — прошептала Сильвия еле слышно.

Он не знал, что отвечать.

Жена вскочила с постели и решительно вышла из комнаты, не удостоив его взглядом. Но напряженные плечи и сжатые кулаки указывали на гнев. Возникло искушение остановить ее, попробовать все исправить, повернуть назад. Но он уже не мог.

После того, что он только что сделал, обратной дороги не было.

Пьетро проснулся незадолго до рассвета и обнаружил, что он в постели один. Едва опустил ноги на пол, как по царившей вокруг тишине понял, что в доме никого нет.

Сильвия ушла, взяв с собой Марко. Он даже не слышал, когда это произошло.

Пока Джербер чистил зубы, не решаясь взглянуть на себя в зеркало, он не переставая думал о том, что случилось ночью. За несколько дней перевернулась и его жизнь, и жизнь его любимых. Если бы неделю назад кто-нибудь предсказал подобный исход, Пьетро рассмеялся бы ему в лицо. Он спросил себя, насколько это потрясение основывается делом рук Ханны Холл и насколько он сам виноват в случившемся. Поэтому только справедливо, что он остался один. Наедине со своими демонами.

Существовал единственный способ спастись. Завершить начатое.

Нужно найти таинственную женщину, с которой отец пытался познакомить его в детстве и которая, как он только сейчас узнал, в то время работала в Сан-Сальви. С неизбежностью возникали вопросы: почему незнакомка оказалась столь важной для Ханны Холл и какие отношения были с ней у *синьора Б.*? в самом ли деле их соединяло чувство, как он думал до сих пор, или под этим крылось что-то другое? Нелегко будет найти ответы, ведь он ничего не знает о ней и понятия не имеет, как ее отыскать.

Еще есть фотография, исчезнувшая из старого семейного альбома. Если ее взяла Ханна Холл, это тоже важно, сказал он себе.

Спал он, кажется, часа два, не более. Такая была бессонница. На короткое время Пьетро проваливался в какой-то коматозный лимб, потом выныривал в полубессознательном состоянии, не понимая, проснулся он или нет.

Перед тем как идти в центр, он снова принял риталин. Чтобы уж наверняка бодрствовать, увеличил дозу до двух таблеток.

Поднявшись на мансардный этаж, Джербер сразу направился к себе в кабинет. Он уже продумал, как примет Ханну Холл. В полном спокойствии, будто бы последние события ничуть его не взволновали.

Таким отношением он даст ей ясно понять, что играет в ее игру. Он был готов идти туда, куда она вознамерится его повести. Чего бы это ни стоило, с твердостью повторил он про себя.

Он растопил камин, приготовил чай, но Ханна не пришла к назначенному времени. Через двадцать минут Джербер забеспокоился. Обычно пациентка бывала пунктуальной. Что с ней могло случиться?

Ханна явилась только через час. Хотя ее одежда хранила следы нападения, которому она якобы подверглась позапрошлой ночью, женщина ничего не изменила в своем гардеробе. Но кое-что новое было. Странное выражение лица, более безмятежное, чем прежде.

— Вы опоздали, — заметил психолог.

Но по ее невозмутимому виду Джербер догадался, что женщина прекрасно отдает себе в этом отчет и даже, наверное, задержалась нарочно: пусть поволнуется, задумается, что с ней стряслось.

— Вижу, синяк проходит, — сказал Джербер, давая понять, что его не интересует, где она была и почему задержалась.

— Он сначала стал желто-зеленым, потом начал чернеть. Пришлось замазать его тональным кремом, — поведала она.

Женщина устроилась в кресле-качалке и, как всегда, закурила. Повернулась посмотреть в окно. После ненастных дней над Флоренцией засияло солнце. Золотистый свет разливался по кабинету, соскальзывая с крыш домов. Площадь Синьории сверкала, как драгоценность, в лабиринте дворцов исторического центра.

Ханна погрузилась в свои мысли, на ее губах заиграла легкая улыбка. Джербер уловил этот момент, и что-то кольнуло его. Он непременно должен узнать, чему или кому обязана она этими минутами необычайного счастья.

— Что-то произошло? — спросил он в невольном порыве.

Ханна вновь улыбнулась:

— Вчера, уйдя отсюда, я встретила одного человека.

Пьетро сделал вид, будто ему все равно.

— Хорошо, — только и заметил он. Но не было в этом ничего хорошего.

— Я была в баре, а он спросил, нельзя ли сесть рядом, — продолжала женщина. — Заказал мне выпивку, мы поговорили. — Она помолчала. — Я давно так ни с кем не говорила.

— Как? — спросил он, сам себе удивляясь, даже не зная зачем.

Ханна уставилась на него с наигранным изумлением.

— Вы знаете как, вам ли не знать... — проговорила она лукаво.

— Рад, что вы нашли себе друга. — Пьетро надеялся, что фраза прозвучала не слишком фальшиво.

— Он устроил мне экскурсию по Флоренции, — продолжала Ханна. — Повел меня на Лоджию Ланци, откуда можно увидеть автопортрет Бенвенуто Челлини на затылке Персея. Потом показал профиль приговоренного к смерти на внешней стене Палаццо Веккьо, возможно вырезанный Микеланджело. Наконец мы пошли к «колесу подкидышей» в Воспитательном доме, где родители оставляли новорожденных детей, от которых хотели отказаться...

Слыша, как она перечисляет достопримечательности, которые несколько лет назад он приберегал для девушек, если хотел их завлечь, Пьетро Джербер ощутил, как новая волна смятения захлестывает его.

— Я наврала, — призналась Ханна. — Вы же и посоветовали мне посетить эти места, помните?

По правде говоря, он не помнил, и вряд ли такое было возможно. Пациентка опять хотела продемонстрировать, как много она знает о нем и о его прошлом.

Гипнотизер сказал, что поддержит игру, затеянную этой женщиной, какова бы ни была ставка. Но теперь начинал понимать, что не знает правил коварной игры Ханны Холл.

— Лиловая вдова, — произнес Пьетро Джербер, объявляя тему нынешнего сеанса.

Ханна устремила на него безмятежный взгляд.

— Я готова, — подтвердила она.

Меня зовут Аврора, и я больше не хочу быть одна.

Я принимаю такое решение в один прекрасный день в конце лета, когда играю со своей тряпичной куклой. Мне надоело придумывать игры для себя одной. Мама с папой всегда слишком заняты, чтобы со мной играть. В тот же вечер я говорю им об этом. Я хочу, чтобы у меня был товарищ для игр. Мальчик или девочка, всегда рядом. Новый братик или сестричка. Адо под землей, он больше не может быть мне братом. Стало быть, я хочу другого. Я на этом настаиваю. Мама с папой улыбаются при таком моем требовании и делают вид, будто ничего не случилось, надеясь, что это у меня пройдет. Но не проходит, и я стою на своем. Твержу об этом каждый день. Тогда они пытаются мне объяснить, что нам и втроем жить трудно, а вчетвером станет еще труднее. Но я не сдаюсь. Вбив себе в голову, что я чего-то хочу, я докучаю взрослым, пока не получаю желаемого. Как тогда, когда я решила, что буду спать вместе с козой, и набралась от нее блох. Я надоедаю им день за днем, и в конце концов родители зовут меня, чтобы поговорить.

— Ладно, — соглашается папа. — Сделаем так, как ты хочешь.

Я прыгаю от радости. Но по их лицам понимаю, что есть одно условие, которое мне не понравится.

— Когда папа положит братика или сестричку ко мне в животик, мы должны будем ненадолго расстаться, — объясняет мама.

— На сколько? — тут же спрашиваю я, и сердце у меня разрывается, я не хочу быть вдали от мамы.

— На какое-то время, — повторяет она.

— Почему? — Я уже чувствую, как глаза у меня наполняются слезами.

— Потому что так безопаснее, — говорит папа.

— Лиловая вдова ищет меня, — говорю я. — Поэтому мы все время убегаем...

Они смотрят на меня в изумлении.

— Черный назвал ее так, когда там, на кладбище, посадил меня к себе на колени.

— Что еще он сказал тебе? — спрашивает мама.

— Что лиловая вдова меня ищет.

— Она — ведьма, — тут же уточняет папа и смотрит на маму, которая быстро кивает.

— Ведьма командует чужими, — добавляет она. — Поэтому мы должны держаться поодаль.

Решено: у меня будет братик или сестричка. Сначала он или она будет очень маленьким или маленькой, и играть не получится. Но потом он или она подрастет, и мы всегда будем вместе. Я сгораю от нетерпения. Мама и папа не сказали, когда это случится. Дни проходят за днями, и все по-прежнему. Но однажды утром мама будит меня.

— Я приготовила твой любимый завтрак, — говорит она. Голос у нее странный. Печальный.

Мы все трое садимся за стол. Еще очень рано, за окнами темно. Пока я ем горячий хлеб с медом, вижу, что мама и папа не сводят друг с друга глаз, словно расстаются.

— Мама сегодня отправится в путь, — объявляет папа.

Я молчу. Я уже все поняла, я боюсь расплакаться, передумать, попросить, чтобы она никуда не уходила.

Мама сложила вещи в рюкзак, и на рассвете мы видим, как она удаляется от дома голосов. Идет одна по полю, иногда оборачивается и машет нам рукой. Мы стоим и смотрим, пока она не исчезает за горизонтом и не наступает день.

Время идет. Проходит осень, приходит зима. Мы с папой неплохо справляемся, но мамы нам не хватает. Я чувствую свою вину перед ним. Если бы не мое требование, мама была бы с нами. Но папа добрый, он не упрекает меня. Мы мало говорим о ней, боимся, что от воспоминаний станет еще тяжелее. Мало-помалу привыкаем обходиться без нее. Я даже начинаю готовить, подражая движениям, которые видела миллион раз. Бывают вечера, когда мы с папой садимся у огня. Мне бы хотелось послушать, как он играет на гитаре. Но папа даже не прикасается к ней, пока мамы нет. Красивые вещи уже не радуют, от печали зарастают мхом.

Весна подходит к концу, я играю на площадке перед домом голосов. Гоняюсь за мотыльком, поднимаю взгляд и вижу далекую фигуру, которая приближается к нам. Машет рукой, будто приветствуя меня. Солнце меня слепит, я не различаю лица. Но потом вижу: это мама. У нее на поясе что-то вроде сумки, как у кенгуру. Ее лицо сияет, глаза блестят. Я зову папу и поскорее бегу к маме, обнять ее. Когда я подбегаю, она опускается на колени и крепко прижимает меня к себе. Я чувствую, как в сумке что-то шевелится. Мама приподнимает ткань и показывает крошечного ребенка.

— Ты должна выбрать ему имя, — говорит она мне. — Это мальчик.

Мне предстоит решить, как мы станем его называть. Поскольку меня зовут, как принцессу, он тоже будет принцем.

— Азур, — радостно объявляю я.

Азур даже не умеет говорить. Я стараюсь научить его разным вещам, но он не понимает. Только спит, ест и делает под себя. Иногда смеется, но чаще плачет, непрерывно, взхлеб. Особенно по ночам. По ночам не дает нам спать. Я-то думала, что с братиком в доме все будет куда как лучше. Единственное, что мне действительно нравится, это когда папа берет гитару и играет, чтобы его успокоить. С тех пор как мама снова с нами, вернулась и музыка. Но теперь внимание уделяется не только мне. Я этого не учла, когда просила братика; наверное, нужно было подумать хорошенько, теперь меня не устраивает, что место посередине большой кровати принадлежит ему, и только ему. Меня не устраивает, что нужно все на свете делить с этим новым членом семьи. И тогда в один прекрасный день я прихожу к выводу.

Я ненавижу Азура.

Если бы можно было вернуться назад, я бы не захотела, чтобы папа положил его маме в животик. Но поскольку нельзя отправиться в прошлое, у меня, может быть, получится как-то это исправить. Мама говорит, что если очень-очень чего-нибудь захотеть, духи преподнесут тебе этот дар. И вот мое пожелание для духов готово.

Я хочу, чтобы Азура положили в сундук вместе с Адо.

Духи услышали мою мольбу, потому что как-то ночью Азур начинает кашлять. Утром кашель не проходит и продолжается день за днем. Он весь горит и не хочет есть. Мама с папой по очереди берут его на руки, чтобы ему было легче дышать. Они в изнеможении, просто не знают, что дальше делать, и я это вижу. Мама приготовила отвар из трав и кладет ему на грудь горячие компрессы. Но ничего не помогает. Азур очень плох.

— Что теперь будет? — как-то вечером спрашиваю я у папы.

Он гладит меня по голове, чуть не плача. Смотрит на меня и отвечает:

— Думаю, Азур уйдет.

Я еще маленькая, но знаю, что он хочет сказать. Скоро Азур окажется в сундуке. И нам придется носить его с собой, как Адо. Кажется, у мамы больше сил, чем у папы, но я замечаю, что и она на пределе. Все по моей вине, я это чувствую и хотела бы что-то сделать. Снова умоляю духов, прошу избавить Азура и всех нас от такой боли. Но на этот раз духи не слышат меня.

Поскольку Азур заболел из-за меня, я и должна ему помочь. Я уже давно говорю себе, что, если бы лиловая вдова не искала меня, у нас была бы совсем другая жизнь. Может быть, если бы не я, мама, папа и Азур жили бы в городе, где есть и другие люди, и не боялись бы чужих. А главное, в городе есть врачи, лекарства и больницы, где вылечат кашель моего братика. Я не хочу, чтобы Азур умирал. Но знаю также, что мама и папа ни за что не понесут его в город, чтобы вылечить. Потому что должны защищать меня. Я — особенная девочка. И тогда однажды утром, пока папа собирает в полях лекарственные травы, а мама спит рядом с Азуром, я захожу в комнату и забираю братика, кладу его в сумку-кенгуру, как на моих глазах это делала мама, и крепко привязываю к себе. Ухожу из дома голосов так, чтобы никто меня не заметил. Среди полей и зарослей граната вьется тропинка. Я пускаюсь в путь, не зная, сколько нужно идти. Азур вначале легкий, но потом становится все тяжелее и тяжелее. И все-таки я должна это сделать. Азур кашляет, потом засыпает. Каким-то странным сном. Слишком спокойным. Но я все иду и иду вперед. Наконец вижу город. Он не такой, как я ожидала. Дома, фонари, машины там есть. Но все вперемешку, все спутано: один только

огромный хаос. Я захожу и вдруг осознаю, что понятия не имею, куда идти. Вокруг люди — много людей. Проходят мимо и даже не видят меня. Может быть, среди них есть и чужие. Но я как призрак. Шагаю, озираюсь. Не знаю, что делать. Где врачи и лекарства? Где больница? Я присаживаюсь на ступеньку. К тому же начинается дождь. Я потерялась. Мне хочется плакать. Я вынимаю Азура из сумки, он по-прежнему спит, и дождь на него не попадает, тогда я пробую его разбудить. Но он не просыпается. Я прикладываю к его носику палец. Он еще дышит, но дыхание слабое. Он похож на птенчика с перебитым крылом. Потом кое-что происходит. Я поднимаю взгляд и вижу маму. Она идет сквозь дождь, через реку автомобилей, чтобы забрать нас. Я счастлива, я вскакиваю на ноги. Прости меня, повторяю мысленно, пока двигаюсь к ней. Она сильно взволнована. Наверное, даже сердится на меня.

— Ты не должна никогда больше так поступать, — говорит она с упреком, обнимая меня.

Она потрясена, но и довольна, что нашла нас. Только мама может быть одновременно счастлива и рассержена. Потом снимает с меня сумку, чтобы привязать ее к себе, берет меня за руку, чтобы увести.

— Не хочу, чтобы Азура положили в сундук, — рыдаю я. — Хочу, чтобы он выздоровел и остался с нами.

Мама начинает утешать меня, но вдруг замирает. Я понимаю: что-то случилось, потому что она с силой сжимает мне руку. Я смотрю туда же, куда и она, и вижу то же, что и она видит.

Лиловая вдова стоит на другой стороне улицы. Глаз не сводит с нас. Как будто только она и может нас видеть.

Она в самом деле одета в лиловое. Лиловые туфли. Юбка, плащ и все, что под ним. Даже сумка. Мама не может отвести от нее взгляда. Потом делает нечто, чего я не понимаю. Начинает расстегивать сумку-кенгуру, в которой лежит Азур. Медленно кладет ее на землю. Не знаю, зачем она это делает. Люди растопчут малыша. Потом понимаю: она это делает для ведьмы, чтобы ведьма видела. Мама поворачивается ко мне.

— Теперь бежим, — говорит она.

Хватает меня за руку, и мы убегаем, оставив Азура на земле. Мама оборачивается посмотреть, что происходит позади нас. Я тоже. Лиловая вдова перешла через улицу и направляется к Азуру. Берет его

на руки, чтобы никто на ребенка не наступил. Но теперь она не может за нами гнаться. Маме пришлось выбирать. Я или Азур. Но зато для ведьмы не осталось выбора.

Азур теперь с чужими. Мама отдала его вдове, чтобы спасти меня.

Ханна открыла глаза и огляделась ошеломленно. Даже не замечала, что плачет. Джербер подал ей бумажный платок.

— Как вы? — спросил он участливо.

Он сразу понял, что женщина не помнит, что сейчас было. Ханна провела рукой по лицу, потом воззрилась на ладонь, влажную от слез, словно спрашивая себя, откуда они взялись.

— Азур, — подсказал гипнотизер, чтобы воскресить воспоминания о сеансе.

У пациентки изменилось выражение лица: сначала недоверчивое, потом удивленное, потом несчастное.

— Азур, — повторила она, словно подхватывая реплику. — Я больше его не видела...

— Что, по-вашему, с ним случилось? Ведь вы представляли себе это, полагаю.

— Чужие забирают людей, — сухо отозвалась Ханна. — Я вам уже говорила... Забирают, и никто не знает, что с ними потом происходит.

— Но в данном случае вы, Ханна, это прекрасно знаете.

Женщина напряглась.

— Почему бы мне это знать?

— Потому что это случилось и с вами после ночи пожара. Ведь так?

— Я выпила водичку для забывания вместе с мамой, — встала она на свою защиту.

Джербер решил подыграть ей и не стал настаивать.

— Кажется, на сегодня хватит.

Ханна вроде бы даже удивилась, что время, предназначенное для нее, так быстро кончилось.

— Мы завтра увидимся?

— В тот же час, — заверил ее психолог. — Только постарайтесь не опаздывать.

Женщина встала, забрала сумку.

— Кстати, сколько времени вы собираетесь пробыть во Флоренции?

— Полагаете, мы не добьемся успеха? — Ей было явно не по себе.

— Полагаю, мы должны учитывать возможность, что терапия не даст вам ответов на все вопросы, которые вы ставите.

Ханна задумалась.

— Увидимся завтра, — только и сказала она.

Джербер слышал, как она уходила, как закрыла за собой дверь на лестницу. Оставшись один, он стал обдумывать только что услышанный рассказ. Братик, лиловая вдова, нечто вроде человеческой жертвы, когда мать оставила новорожденного сына, чтобы спасти ее. Но от чего ее спасали?

Еще раз просеяв историю сквозь мелкое сито, он впервые почувствовал, что ведьма и чужие — аллегория, чей смысл лежит на поверхности. Опираясь на собственный опыт, пытался понять, что в мире девочки могли изображать подобные фигуры. Они заместили что-то или кого-то, в этом психолог был уверен. Вот ведь и Эмильян заменил приемных родителей и священника животными. Многие дети, бывшие под его наблюдением, говорили об орках и злых волках, описывая взрослых, которые причиняли им зло или которых они попросту боялись.

Женщина, всегда и везде одетая в лиловое, повторил он про себя, но не нашел в реальности никаких соответствий.

Новая составляющая явилась бы прекрасной темой для беседы с Терезой Уолкер... если бы коллега была действительно той, кем представлялась. Джербер подумал, что за последние часы лишился какой бы то ни было опоры. Сначала австралийской коллеги, потом Сильвии.

Теперь он может рассчитывать только на себя.

Эта мысль тотчас же привела за собой другую. Он вспомнил о семейном альбоме, о фотографиях, разбросанных по полу у него дома. *Синьор Б.*, оставшись вдовцом, тоже мог рассчитывать только на себя.

Вот оно. Все опять сводилось к нему. К отцу, который, вполне вероятно, вернулся призраком, чтобы устроить кавардак в его доме.

Джербер улыбнулся такому абсурду, но скорее по привычке, чем по убеждению. Но эта мысль вызвала в памяти ночные беседы с

Уолкер, которая настойчиво, вплоть до одурения, советовала из предосторожности вести запись сеансов с Ханной.

...Я серьезно. Я старше вас и знаю, о чем говорю...

Почему она так на этом настаивала? Пациентка снова посылала ему сообщение через свое альтер эго. Интуиция подсказала Джерберу, что нужно просмотреть записи, вдруг что-то от него ускользнуло. Но осознал сразу, что будет искать момент, когда Ханна вытащила у него из кармана ключи, чтобы проникнуть к нему домой.

И наверняка он прекрасно знал, когда это случилось.

Подозрительным был предыдущий сеанс, когда он помогал Ханне после предполагаемого нападения.

Просматривая эту сцену на мониторе ноутбука, Джербер вдруг осознал, что Сильвия ни разу не видела, как выглядит ее соперница. Между двумя женщинами пролегла пропасть. В Ханне Холл не было ни грана той элегантности и грации, какими обладала его жена. Холл запустила себя, превратилась в неряху. Когда проходила Сильвия, мужчины оборачивались, Пьетро часто подмечал эти заинтересованные взгляды. А Ханна Холл оставалась невидимкой. Но именно потому, что только ему удалось ее заметить, разглядеть в ней что-то, чего другие не видели, Джербер чувствовал себя привилегированным, стоящим на ступеньку выше прочих.

На мониторе мелькали изображения, относящиеся ко времени, предшествовавшему гипнозу, когда он осматривал синяк на лице женщины и клал туда лед. Их тела, их лица так близко. Психолог испытывал неловкость, заново переживая моменты непозволительной близости с пациенткой. Он отдавал себе отчет, что впечатление складывалось двусмысленное, возбуждающее. Но за тем, что, как он полагал, было актом самоповреждения, скрывалось нечто другое, теперь он в этом убедился. То была хитрая уловка, которую Ханна использовала, чтобы приблизиться к нему и вытащить ключи от дома так, чтобы он не заметил.

Джербер несколько раз просмотрел запись. Благодаря тому, что камеры были расставлены по всей комнате, он мог увидеть происходящее в разных ракурсах, но не обнаружил ничего необычного. Это обескураживало. Весь мир вступил в заговор против него, дабы он поверил, что фотографии разбросал призрак его отца.

Или то была попытка лишить его рассудка. Внезапно на ум ему пришел такой поворот дела, который он до сих пор не брал в расчет.

Что, если он сам оставил ключи в замочной скважине, чтобы Ханна Холл этим воспользовалась? Она за мной следит, — сказал он себе. — Наблюдает за мной. Что, если я, не отдавая себе отчета, сделал так, что Ханна вошла в дом? Неужели я до такой степени увлечен ею?

Да, до такой.

Ханна знала о нем и о *синьоре Б.* такие вещи, которые предшествовали моменту знакомства. Она хотела вовлечь Пьетро в свою историю. Джербер еще не знал почему, но проще всего было добиться этого через отца. Ведь эта тема его задевала, эта рана еще не затянулась. Бальди предупредила его о том, какими умелыми могут быть иные мошенники. Но если Ханна Холл не охотилась за деньгами, чего она от него хотела? Ведь не одного только внимания...

Это длилось какую-то долю секунды, но Джербер ясно увидел маленький блестящий предмет, выпавший на ковер из руки Ханны Холл. Он невольно отвел взгляд от монитора и посмотрел вниз. Но под креслом-качалкой ничего не было.

Не мог же он исчезнуть, сказал себе Джербер. Он все еще здесь.

Пьетро взялся за дело: передвигал мебель, заглядывал во все углы, ломая при этом голову, что, собственно, он ищет. Наконец нашел таинственную вещицу у ножки столика из вишневого дерева.

Маленький железный ключик.

Джербер стал его разглядывать. Слишком мал для дверного замка. Скорее, им отпирается шкаф или висячий замок. Может быть, камера хранения на вокзале, предположил он, но тут же отбросил эту мысль: ему на ум пришло нечто более простое.

— Чемодан! — воскликнул он.

Джербер обдумал гипотезу со всех сторон. У Ханны Холл нет чемодана, сказал он себе. Ведь с самой их первой встречи она ни разу не сменила одежду. Но может быть, в этом-то все и дело... Если он верно распознал склад ума этой женщины, в ее поведении нет ничего случайного: появляясь все время в одном и том же наряде, Ханна хотела ему подсказать, что в ее багаже содержится что-то другое. Такое исключать нельзя, это очень даже возможно. Однако такой поворот мысли влек за собой серьезные последствия.

Никто не может сказать заранее, существует ли такой чемодан.
Джербер должен проверить это лично.

Отель «Пуччини» был точно таким, как Пьетро Джербер его представлял: убогая однозвездочная гостиница, построенная в семидесятые годы. Вертикальная неоновая вывеска, частично перегоревшая. Панели из коричневого пластика. Вход со двора, рядом железнодорожный вокзал.

Джербер почти час сидел в машине и следил за входом: нужно было убедиться, что Ханна вышла. Сначала он удостоверился, что австралийка еще в отеле, для чего позвонил на стойку администратора и попросил соединить с ее номером, намереваясь сбросить звонок, едва узнав ее голос. Но никто не ответил. Однако чуть позже Пьетро мельком разглядел ее за окном четвертого этажа.

Рано или поздно она выйдет, уговаривал себя психолог, и предоставит ему свободу действий. В конце-то концов, Ханна сама хотела, чтобы он нашел проклятый чемодан, в этом Пьетро был уверен.

Он вздохнул. Не по своей воле он оказался в такой ситуации. Но по своей вине. Или по вине отца, который никогда его не любил. Он задумался, какой была бы сейчас его жизнь без бремени этого последнего откровения.

Тайного слова *синьора Б.*

Из-за него же он расстался с Сильвией. Ведь он никогда не подозревал, что любое проявление нежности со стороны отца скрывало под собой неловкость. Поскольку теперь он не знал, что хуже — ненависть или наигранная любовь, — он под первым попавшимся предлогом отдалился от жены. Ему было необходимо внести ясность в свои чувства, осмыслить их. Ему совсем не хотелось, чтобы Сильвия сама все поняла по прошествии лет. Тогда все, что было в прошлом, обернулось бы для нее притворством. Может быть, поэтому Пьетро Джербер не мог решить, правдив ли рассказ Ханны Холл. Хотя истинная подоплека была совсем другая.

Почему он готов был поведать секрет отца посторонней, а не женщине, которую назвал женой?

Потому, что Ханна его уже знала, сказал он себе. Он был не в состоянии объяснить, каким образом, но она точно знала окрашенное неприязнью слово, которое произнес *синьор Б.* и которое перевернуло всю жизнь Пьетро. А тот боялся прямо спросить у нее и обнаружить, что все так и есть.

...Ведь для этого ваш отец заговорил с вами, правда?...

Джербер заметил в дверях гостиницы знакомый силуэт. Ханна Холл прикурила сигарету и зашагала по мостовой.

Психолог вылез из машины и направился к входу в отель. Выждал момент, когда портье отлучится, и вошел. Перегнулся через стойку, чтобы заглянуть в список клиентов и выяснить, в каком номере остановилась Ханна. Найдя то, что искал, снял нужный ключ с доски.

Поднялся на четвертый этаж, отыскал нужную дверь и незаметно проник в комнату. Зайдя внутрь, прислонился к стене.

Что он делает? Это безумие.

Комната почти тонула в темноте, свет исходил только от маленького телевизора, который странным образом оставался включенным. Джербер озирался, ждал, пока глаза привыкнут к темноте. В комнату едва втиснулись полутораспальная кровать, тумбочка и шкаф, слишком большой для такого крохотного помещения. Узенькая дверца вела в тесную ванную.

Везде был ее запах. Сигареты, застарелый пот, но опять та же самая сладость, природу которой он не мог определить.

Успокоившись, он шагнул вперед. Незнакомец шагнул ему навстречу без предупреждения. Джербер вздрогнул, но тут же понял, что наткнулся на собственное отражение в зеркале, висевшем на стене. Вглядевшись, он только сейчас понял, что одет так же, как вчера, а может, и позавчера.

Он подсознательно перенял привычки пациентки. Стал неряшливым, неухоженным, как она.

Прежде чем начать искать, он прошел в ванную. Удивился, ибо на полочке над умывальником не было ни косметики, ни духов. Даже зубной щетки. При ближайшем рассмотрении, если не считать чуть затхлого запаха, ничто в этой комнате не говорило о присутствии Ханны Холл.

Как будто этой женщины здесь никогда и не было. Призрак, напомнил он себе.

Пошел искать чемодан. Вряд ли он окажется в шкафу: там в самом деле пусто. Значит, под кроватью, больше нигде.

Там Пьетро его и нашел.

Схватил за ручку, выдвинул. Старый тяжелый чемодан коричневой кожи.

Встав коленями на истертый палас, сунул руку в карман и вытащил маленький железный ключик, найденный в кабинете, торопясь выяснить, подходит ли он к замку-защелке. Но, уже протянув руку, чтобы вставить его, Джербер вдруг без всякой причины успокоился и обмяк.

Куда спешить?

Он поднялся с колен, рухнул на матрас. Какое-то время сидел, глядя на багаж Ханны Холл, и теплый, прельстительный сумрак обволакивал его. Он вдруг понял, что выбился из сил. Реакция на риталин, хорошо ему известная. К тому же он осознавал, что, если откроет этот чемодан, под его ногами разверзнется бездна, которая поглотит его на веки вечные, неизбежно.

По всему тому, что он уже узнал, там вполне мог оказаться мертвый младенец.

Он решил дать себе несколько минут на размышление. Откинул покрывало, лег на бок, положил голову на подушку. Задышал ровно. Мало-помалу, сам того не замечая, уснул под музыку и голоса из мультфильма в телевизоре.

Ему приснилась Ханна Холл. Приснился *синьор Б*. Приснилась лиловая вдова и чужие, у которых не было лица. Ему приснилось, что он в сундуке Адо, под землей. И у него внезапно прервалось дыхание.

Когда он, задыхаясь, открыл глаза, слабый дневной свет исчез совершенно и в комнату проникали только холодные блеклые отблески неоновых букв с внешней вывески отеля «Пуччини». Он приподнялся, перевел дыхание и обнаружил, что приход непроницаемой тьмы не единственная перемена в комнате.

В ней царил непривычная тишина. Кто-то выключил телевизор.

Ханна заходила в номер? Пьетро представил себе, как она ложится рядом с ним, спящим. Пристально смотрит загадочными, глубокими голубыми глазами, пытаюсь угадать, что ему снится. Джербер машинально нащупал лампу на тумбочке, щелкнул

выключателем. Вспыхнул свет. Никого. Но, повернувшись к соседней подушке, он заметил на наволочке светлый волос.

На полу его дожидался кожаный чемодан.

На этот раз Пьетро Джербер попробовал ключик. Ошибки не было. Открыв чемодан, застыл в недоумении. Не было там ни мертвого младенца, ни другого чудовищного груза. Только кипа старых пожелтевших газет. Он взял одну и прочел заглавие статьи, анонсированной заранее.

Правда оказалась более простой, чем он себе представлял. И поэтому еще более ужасающей.

Дождавшись полуночи, он позвонил Терезе Уолкер.

После долгих раздумий решил, что это будет самый правильный ход. Он должен был обсудить с Ханной то, что содержалось в газетах из чемодана, но тема была слишком деликатная для прямого разговора. Но ее альтер эго подходило идеально: становясь Терезой Уолкер, Ханна будто бы ставила фильтр между собой и собственной историей. Выступить в роли доктора психологии означало отстраниться от пережитого, отойти от прошлого на безопасное расстояние, избавляя себя от боли.

— Вам не спится, доктор Джербер? — бодро приступила Уолкер.

— Честно говоря, да, — признался тот.

Уолкер проявила понимание.

— Что случилось? Вы не заболели?

— Сегодня я узнал о Ханне кое-что новое.

— Говорите, я слушаю...

Джербер сидел у себя в гостиной, в темноте.

— Ханна Холл — ее настоящее имя, на самом деле ее никогда никто не удочерял.

— Мне не кажется, что это такое уж ошеломляющее открытие, — объявила собеседница.

— Я нашел газеты двадцатилетней давности... Там говорится о пресловутой ночи пожара.

Из молчания коллеги Джербер заключил, что та ждет продолжения рассказа.

— Ханна и ее родители обосновались в деревенском доме в провинции Сиена. Однажды ночью чужие окружили дом голосов. Его обитатели, находившиеся внутри, обнаружили постороннее присутствие. Отец Ханны разработал целую систему, чтобы спрятать семью: в камине был люк, который вел в подземную каморку. Они планировали поджечь дом и спрятаться там, пока незваные гости не уйдут, решив, что вся семья погибла в пламени. — Пьетро сделал паузу. — Перед тем как вторглись чужие, отец Ханны полил пол керосином, а потом бросил бутылки с коктейлем Молотова. Мать тем

временем отвела девочку в подпольное убежище. Отцу не удалось присоединиться к ним, поскольку его схватили. — Джерберу было все труднее рассказывать дальше, тем более что на другом конце линии царило молчание. — Мать не имела ни малейшего намерения сдаваться, а главное, отдавать дочь. Она дала девочке выпить половину пузырька и сама осушила вторую... Водичка для забывания.

— Что было потом? — спросила Уолкер прерывающимся, полным страха голосом.

— В пузырьке был экстракт мандрагоры... Женщина умерла сразу. Девочке удалось выжить.

Уолкер несколько секунд приходила в себя. Джербер слышал ее дыхание.

— А сундучок с Адо? — спросила она наконец.

— В газетах о нем ничего не сказано, поэтому я полагаю, что его не нашли.

— Стало быть, мы не знаем, правда ли Ханна Холл убила своего братика Адо...

— Думаю, на самом деле Ханна Холл никого не убивала.

— Разве это возможно? — засомневалась Уолкер. — Откуда же тогда воспоминания об убийстве?

— Ответ кроется в понятии «чужие», — заявил Джербер. — Зато теперь я знаю, что лиловая вдова реально существовала.

11 марта

Она провела несколько дней в темном помещении, где ее присоединили к мудреным машинам, каких она никогда не видела: машины дышали за нее, кормили ее и чистили изнутри. А она должна была только отдыхать, это ей бесконечно твердили.

Теперь ее перевели на другой этаж. Там была целая комната для нее одной и даже с окном. До сих пор она никогда не бывала так близко к миру чужих. Не привыкла видеть столько людей, слышать столько голосов.

Все очень о ней пеклись, особенно медсестры. Окружали ее вниманием, приносили подарки. Одна принесла шоколадное яйцо. Кто

знает, какое оно на вкус: до сих пор ей не доводилось такого пробовать.

— Начнешь есть самостоятельно, сможешь скушать кусочек, — пообещала медсестра.

Твердую пищу ее желудок еще не мог переваривать, только жидкую. Доктор объяснил, что потребуется больше времени, чем они предполагали. Она не очень понимала, чем больна, никто ей этого не говорил. Одно было известно: она вдохнула в легкие слишком много дыма. Видимо, так оно и было: дыша носом, она все еще чуяла запах гари. А ведь огонь не дошел до убежища.

Она почти ничего не помнила о пожаре, все исчезло, когда мама дала ей выпить водички для забывания. Она задавалась вопросом, что случилось потом; кто-то, ей рассказывали, нашел ее внизу, прежде чем огонь проник туда, и вынес, когда дом голосов уже готов был рухнуть. Мама, давая выпить из стеклянного пузырька, обещала: «Мы заснем, а когда проснемся, все будет кончено». В самом деле, ей было легче оттого, что она не помнила моментов, когда испытывала страх.

С тех пор как попала сюда, она старалась не нарушать пять правил. Она не могла помешать чужим приближаться к себе и сбежать тоже не могла, но не говорила с ними, а главное, никому не сказала, что ее зовут Белоснежка.

Она надеялась, что, поступая так, скоро увидится с мамой и папой. Ей ужасно их не хватало, ей хотелось бы сейчас оказаться с ними. Но мир чужих, по правде говоря, был не так уж плох. Может, они не такие и злые, хотя и увезли ее из дома голосов.

Вспомнив их последнее жилище, она расплакалась, ведь от старого дома не осталось ничего, все пожрал огонь. Хотя она никогда не привязывалась к какому-то месту, мысль о том, что где-то, там и сям, все дома голосов, где она жила, продолжают существовать вместе с воспоминанием о том, как она была счастлива с мамой и папой, радовала ее.

Плач отнял последние силы, и она незаметно заснула. Проснувшись, увидела перед собой нечто изумительное. Тряпичная кукла взирала на нее своим единственным глазом. Она потянулась к кукле, но замерла, увидев, что та лежит на коленях старой знакомой.

Лиловая вдова сидела у изголовья и улыбалась ей.

— Здравствуй, — начала она. — Как ты себя чувствуешь сегодня? Лучше?

Она молчала, глядя исподлобья.

— Мне сказали, что ты до сих пор не хочешь ни с кем говорить, — продолжала собеседница. — Я это понимаю, знаешь, на твоём месте я поступила бы так же. Надеюсь, ты не в обиде, что я пришла тебя навестить...

У нее на лице не дрогнул ни один мускул, еще не хватало, чтобы та, другая, приняла бы мимолетный жест за готовность к общению.

— Ты так и не назвала своего имени, — продолжала ведьма. — Все вокруг просто с ума сходят, не зная, как к тебе обращаться... Вот я и пришла, поскольку мы с тобой уже знакомы. Верно, Белоснежка?

Такое открытие парализовало ее. Значит, это ведьма позвала ее по имени в ночь пожара, когда она уже почти заснула.

— Мы целую неделю наблюдали за вами, — рассказывала вдова. — Ждали подходящего момента, чтобы войти и спасти тебя.

Спаси от чего? — подумала она. Но сделала вид, будто не понимает, о чем речь.

— Мы виделись в тот день, под дождем, помнишь? — настаивала ведьма.

Еще бы не помнить. В тот день лиловая вдова забрала Азура.

— Я бы и с тобой хотела поговорить, но нужно было позаботиться о младенце, которого вы оставили на улице... Кстати, с ним все хорошо, он вернулся домой.

Вернулся домой? Что она хочет сказать? Но она испытала облегчение от мысли, что ее братика вылечили от кашля, хотя и не знала, можно ли доверять словам ведьмы. Ведьмы горазды обманывать и наводить чары, мама часто говорила об этом.

— С тех пор я ищу тебя и рада, что нашла.

А я — нет, злая противная ведьма.

— Твои родители тебе внушили, как себя вести, верно? Поэтому ты никому не хочешь назвать своего имени.

Ведьме известны правила. Кто знает, что еще ведомо ей: надо быть осторожной.

— Уверена, ты послушная девочка и не захочешь огорчить маму и папу.

Конечно не захочу, приложу все старания.

— Понимаю, что ты не доверяешь никому: и мне, когда я была маленькая, говорили, чтобы я не доверяла незнакомым людям.

Но с тобой-то мы знакомы: ты и забрала меня, хотя сейчас и кажешься милой.

— Я долго думала над тем, как поговорить с тобой... Потом решила, что, в конце концов, тебе десять лет, ты уже не малышка. Так что поговорю-ка я с тобой откровенно, как со взрослой: уверена, ты меня поймешь. Ты и так потеряла много времени.

Что означает эта последняя фраза? О чем она говорит?

— Во-первых, должна кое-что уточнить... Не важно, что ты не называешь другим своего имени: ты сама не знаешь его.

Но я знаю, как меня зовут.

— Тебя зовут Ханна.

Меня зовут Белоснежка.

— Ты родилась в очень далекой стране, в Австралии. Когда ты была совсем маленькая, твои родители вместе с тобой приехали посмотреть Флоренцию. Было лето, и когда вы гуляли в парке, кто-то вытащил тебя из коляски и унес.

О чем она говорит? Это неправда!

— Люди, которые содеяли такое злое дело, — те самые, кого ты сейчас зовешь мамой и папой.

Ей показалось, будто сердце замерло в груди. Сама того не замечая, она стала яростно мотать головой, чтобы разогнать злые чары ведьмы.

— Жаль, что ты об этом узнаешь таким образом, но, думаю, мы на верном пути... Твоим настоящим родителям сообщили, они едут из Аделаиды, чтобы встретиться с тобой. Знаешь, они тебя долго искали. Так и не смирились с потерей. Каждый год возвращались сюда, снова и снова пытались найти хоть какой-то след.

У нее перехватило дыхание.

— То, что случилось с тобой, произошло и с другим ребенком.

Она поняла, что речь опять идет об Азуре.

— Только ему больше повезло, он ничего не вспомнит о пережитом.

Неправда! Неправда! Неправда! Я хочу вернуться в дом голосов! Хочу к маме и папе! Отведите меня к ним!

— Знаю, сейчас ты ненавидишь меня за то, что я тебе рассказала, я это читаю в твоих глазах. Надеюсь, однако, что очень скоро тебе захочется снова поговорить со мной.

Она захлебывалась рыданиями, не могла ни на что реагировать. Охотно вцепилась бы в горло ведьме и придушила ее. Или заорала бы во весь голос. Но лежала, как парализованная, только и могла, что комкать пальцами простыню.

Лиловая вдова встала и перед уходом отдала ей тряпичную куклу.

— Когда ты будешь готова, я вернусь и объясню тебе все, что ты пожелаешь... Просто спроси обо мне. Меня зовут Анита, Анита Бальди.

Джерберу удалось ее перехватить на выходе из дома, по дороге в суд. Анита Бальди застыла посреди лестничного пролета, и Пьетро понял, что судья с трудом узнала его.

— Что с тобой стряслось? — спросила она с тревогой.

Психолог сознавал, что выглядит неважно. Он не спал несколько ночей подряд, не помнил, когда ел по-человечески и в последний раз принимал душ. Но он должен был как можно скорее понять, а все остальное отходило на второй план.

— Ханна Холл! — выпалил он, уверенный, что судья сразу поймет, зачем он явился в столь неурочный час. — Почему вы не сказали мне, что знали ее когда-то?

Когда Джербер впервые назвал это имя, пару дней назад, в гостиной ее дома, старая знакомая как-то напряглась. Теперь он это ясно припомнил.

— Много лет назад я дала обещание... — отвечала Бальди.

— Кому?

— Ты должен меня понять, — проговорила она решительно, заранее отменяя всяческие возражения. — Но я отвечу на любые другие вопросы, клянусь. Так что ты хочешь знать?

— Все.

Бальди поставила кожаную сумку и села на ступеньку.

— Я уже тебе рассказывала, что в то время работала «на земле». С детьми всегда непросто, ты сам это знаешь. Особенно трудно убедить их довериться взрослому, ведь взрослые как раз и есть монстры, которых следует остерегаться... Но мы прибегали к разным уловкам, чтобы достичь своей цели. Например, выбирали цвет одежды, какой-нибудь яркий, чтобы дети нас замечали. Я выбрала лиловый. И мы ходили по улицам, искали их. Несовершеннолетних, попавших в беду, которых избивали или третировали знакомые или родственники. Дети, заметив нас, могли подойти без ведома взрослых и попросить о помощи. Был очень важен визуальный контакт. Так я в первый раз заметила Ханну. А она запомнила меня.

— Значит, вы не искали ее?

— Никто ее не искал.

— Неужели? — У Джербера это не укладывалось в голове.

— Холлы заявили о похищении их полугодовалой дочери. В те времена не было камер видеонаблюдения, как сейчас, а все произошло в городском парке, без свидетелей.

Стало быть, похищение, которое Ханна якобы совершила в Аделаиде, на самом деле имело место во Флоренции, много лет назад. И она была не похитительницей, а жертвой.

— Значит, Холлам не поверили, — догадался психолог, которому не терпелось узнать конец истории.

— Сначала поверили, но потом у полиции возникли подозрения: вдруг они все придумали, чтобы скрыть несчастный случай, повлекший за собой смерть младенца, или даже предумышленное убийство. Мать Ханны страдала легкой формой послеродовой депрессии, и муж, вообще-то, задумал путешествие в Италию, чтобы развлечь ее: это сочли достаточно убедительным мотивом.

— Почувяв, что им вот-вот предъявят обвинение, Холлы бежали из Италии, — догадался Пьетро.

— Наши органы просили их экстрадиции из Австралии, но безуспешно, — добавила Бальди.

— Тем временем больше никто не утруждал себя поисками Ханны.

— Холлы за эти годы несколько раз возвращались во Флоренцию, тайно. Они не смирились с потерей.

Джербер даже представить себе не мог, какие невообразимые муки они испытали.

— Похитители содержались в Сан-Сальви, верно?

— Мари и Томмазо — неприкаянные бедолаги, почти всю свою жизнь они провели в психиатрической лечебнице. В стенах больницы они познакомились и полюбили друг друга... Мари была бесплодна из-за лекарств, но очень хотела иметь ребенка. Томмазо исполнил ее желание, украв для нее малышку. Потом они пустились в бега.

— Поскольку подозрение пало на Холлов, а не на них, им удавалось скрываться годами: они таились, бродяжничали, переходили с места на место, порвав все связи с окружающим миром. Стали невидимыми.

Джербер просто не мог поверить в такой абсурд.

— Когда вы начали их подозревать?

— Когда они похитили другого младенца, Мартино, — ответила Бальди.

«Азура», — мысленно поправил ее психолог.

— Они думали, что перехитрили всех, когда расстались, чтобы снова сойтись через несколько месяцев, но Ханна спутала все их планы... Мы прочесывали округу в поисках малыша, когда мне сообщили о странной девочке с младенцем в сумке-кенгуру. Я пошла проверить: она казалась потерянной, испуганной и явно нуждалась в помощи. Но ее мать, Мари, догнала ее раньше, чем я успела вмешаться, и оставила на тротуаре малыша, чтобы отвлечь нас и сбежать вместе с девочкой.

— Но вы не отступились, правда, судья?

— Поглядев на девочку, я поняла: что-то не так. Мне пришло в голову, что и ее в свое время похитили. Мы объявили ее в розыск.

— Чужими, о которых говорит Ханна, были вы.

Бальди кивнула.

— В ходе расследования полиция обнаружила брошенный деревенский дом в провинции Сиена. Ночью мы окружили его, намереваясь ворваться и освободить заложницу... Я там тоже была, но что-то пошло не так.

— Это Ханна подняла тревогу, правда? Она почуяла опасность.

— Томмазо был арестован и через несколько лет умер в тюрьме. Мари от нас ускользнула: ей удалось покончить с собой. Ханна выпила тот же яд, но выжила, проведя несколько недель в больнице. Я ходила к ней, чтобы рассказать правду, и это, несомненно, далось мне труднее всего из того, что когда-либо доводилось делать.

Джербер перевел дыхание. Такую историю нарочно не придумаешь. Но кое-что не состыковывалось.

— Ханна утверждает, что у нее был младший братик, Адо. Он лежал в сундуке, который они всюду носили с собой.

— Об этом я впервые услышала от тебя два дня назад, но тогда мы ничего такого не обнаружили.

— Полагаете, моя пациентка все выдумала? Включая убийство братика, которое совершила, сама будучи ребенком?

— Других братьев, кроме Мартино, у нее не было, это исключено. Как я тебе говорила, Мари не могла родить ребенка, и нет сведений о

том, чтобы каких-то детей похитили в то же время, что и Ханну Холл.

Сомнения не рассеялись, но настал момент задать самый трудный вопрос.

— Мой отец имел какое-то отношение к этой истории?

Бальди недовольно поморщилась:

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что Ханна много знает о моем прошлом: откровенно говоря, я не верю, что это случайность! — разозлился он.

— Скажу тебе одну вещь: может, на что-нибудь пригодится... — проговорила судья. — Те, кого Ханна считала своими родителями, сами были почти что детьми: Мари исполнилось четырнадцать, а Томмазо — шестнадцать, когда они ее похитили.

Родители, которые сами дети.

В том, что Ханна Холл рассказывала под гипнозом, такая важная подробность не прослеживалась. Или, может быть, прослеживалась, но он не уловил.

Вы замечали, что, когда взрослого просят описать родителей, он никогда не рассказывает, какими они были в молодости, но в большинстве случаев склонен описывать стариков?

Каждый склонен представлять себе родителей старше, чем они есть на самом деле. Считать их более зрелыми, а значит, более опытными. Если бы Ханна Холл сознавала, что ее родители — пара подростков, она бы, наверное, стала задавать вопросы, задумалась бы о своем положении.

И он совершил ту же самую ошибку в отношении отца. Теперь, достигнув того же возраста, что и отец, когда овдовел, Пьетро понимал, насколько неподготовленным тот себя чувствовал, как сложно было ему в одиночку пестовать двухлетнего малыша. И все же Пьетро Джербер не мог простить его.

Существовала какая-то связь между *синьором Б.* и Ханной Холл, он в этом был уверен. Ведь стоило ему подумать об отце, как на ум тотчас же приходила Ханна. Чтобы понять, в чем дело, он должен был продолжать сеансы, должен был убедить ее, что Адо никогда не существовал. Только так он мог избавить ее от чувства вины, от убеждения, будто это она убила брата.

Как обычно, утром он ждал ее в кабинете. Ханна явилась вовремя. Выплыли наружу слишком многие истины, о которых оба умолчали: от визита Джербера в отель «Пуччини» до признаний Бальди. Но эта встреча была нужна обоим.

— Я бы хотел попробовать нечто другое, — объявил психолог.

— Что вы имеете в виду?

— До сих пор мы концентрировались на том, что с вами происходило до ночи пожара, теперь я бы хотел извлечь из вашей памяти то, что случилось потом.

Ханна воспротивилась.

— Но так мы отдалимся от воспоминания об убийстве Адо, — запротестовала она. — Какой в этом смысл?

Джербер подождал, пока она прикурит «Винни», и нанес очередной удар.

— С тех пор как мы вспомнили ту историю, вам не приходило в голову отыскать Азура? — спросил он.

Ханна потупила взгляд.

— Я ходила к нему вчера, — призналась она. — Сначала он не хотел встречаться со мной.

— И о чем вы говорили?

— Сперва обоим было неловко, мы не знали, что друг другу сказать. Но потом стали рассказывать о себе, как у каждого сложилась жизнь. У Азура теперь другое имя, как и у меня: его зовут Мартино, ему в апреле исполнился двадцать один год. Он работает на заводе кладовщиком. У него есть невеста, они скоро поженятся. Я видела фотографию: очень милая девушка.

— Что вы почувствовали, встретившись с ним?

Ханна задумалась.

— Даже не знаю... Обрадовалась, что у него все хорошо.

— Вы в детстве спасли ему жизнь. Вам это известно, правда?

Ханна стряхнула пепел в ту же самую поделку из пластилина. Похоже, ей не хотелось признаваться в том, что она сделала для малыша.

— Ради него вы нарушили первое правило ваших родителей, — продолжал Джербер. — «Доверять только маме и папе», — напомнил он как себе, так и ей.

Он уловил нерешительность во взгляде женщины. Перед лицом очевидности Ханна заколебалась.

— Как можно нарушить правило и оказаться правой? — спросил Пьетро. — Наверняка здесь что-то не так. Наверняка кто-то ошибался или лгал вам.

Худшее, что может открыть для себя всякий ребенок, — это то, что мама с папой не всегда правы. Осознавая, что и родители совершают ошибки, он понимает, что теперь немного более одинок перед коварными кознями мира.

Глаза пациентки повлажнели, стали печальными.

— Почему вы настаиваете? — дрожащим голосом спросила она.

— Ваши родители хотели защитить вас от чужих... Вам никогда не приходило в голову, что чужими могли быть именно они?

Между ними двоими наступило гнетущее молчание. Джербер видел, как «Винни» медленно догорает между пальцами Ханны и спирали дыма поднимаются к потолку.

— Иногда мы имеем в наличии все необходимое, чтобы докопаться до правды, только на самом деле не хотим ее знать, — заключил гипнотизер.

Это вроде бы убедило Ханну.

— Что вы хотите, чтобы я сделала?

— Я хочу, чтобы вы вернулись вместе со мной к тому, что случилось после того, как лиловая вдова пришла в больницу вас навестить...

Джербер завел метроном. Ханна Холл начала раскачиваться в кресле.

Мне дали надеть голубое платье и розовые сапожки со звездочками. Такой обуви у меня никогда не было. Сапожки очень красивые, хотя хожу я еще не очень хорошо. Меня спросили, не хочу ли я подстричься, я ответила «нет, спасибо», ведь обычно меня стрижет мама, только она знает, как надо, чтобы мне понравилось. Мне объяснили, что я должна быть миленькой, потому что за мной приедут мои новые родители. Все твердят мне, что они едут издалека, все боятся, что я их разочарую. Не понимаю, как это возможно, если я даже не знаю их.

Никто не спросил, согласна ли я.

Комната холодная и слишком большая. Не люблю, когда столько пустого места. Уже какое-то время я сижу на страшно неудобном стуле, а за моей спиной стоит женщина, которая мне совсем несимпатична. Все время улыбается, повторяет, что все хорошо. Мы ждем, когда придут мои «новые родители», это с минуты на минуту случится. Я не хочу никаких новых родителей, мне по нраву те, которые у меня уже есть.

Дверь открывается, входит небольшая группа людей, которых я никогда не видела. Двое из них держатся за руки. Женщина и мужчина; увидев меня, они замедляют шаг. Они растеряны, и я их понимаю, потому что сама не знаю, как себя вести. Потом мужчина идет ко мне навстречу, ведет за собой женщину, та улыбается мне, но готова заплакать. Оба опускаются передо мной на колени, все это очень странно. Говорят на языке, которого я никогда раньше не слышала, кто-то за моей спиной повторяет, что они сказали, так я и понимаю их. Они хотят познакомиться, называют свои имена. Имена очень сложные. Упорно называют меня Ханной. А я ведь уже всем сказала, что мне это не нравится, что я хочу быть принцессой.

Но это, похоже, никого не интересует.

Синьора Холл хочет, чтобы я ее называла мамой. Говорит, однако, что с этим можно повременить, я сама решу, когда начинать это делать. Никто не спросил, хочу ли я этого. Мне нравятся ее светлые волосы,

но одежда на ней какая-то блеклая. Она осыпает меня ласками, но у нее все время потные руки. Синьор Холл тоже блондин, но волосы у него растут только по краям. Он высокий, полноватый. Всегда веселый, и когда смеется, живот у него колыхается вверх и вниз, а все лицо становится красным. К счастью, он не просит, чтобы я его называла папой.

Они навещают меня каждый день, мы много времени проводим вместе. Каждый раз они что-нибудь мне приносят. Книжку, игрушечную плиту, где можно печь печенье, переводные картинки, карандаши и фломастеры, плюшевого медвежонка. Милые люди, но я до сих пор не понимаю, чего они от меня хотят.

* * *

Место, где я нахожусь, — «дом семьи». Я предпочитаю дома голосов. Здесь есть другие дети, но я с ними никогда не играю. Они тоже ждут, когда их мама и папа придут за ними. Одна девчонка, злющая-презлющая, говорит, что мои мама и папа никогда не придут за мной, потому что мама умерла, а папу заключили в месте, которое называется тюрьмой, и никогда оттуда не выпустят. Злющая девчонка говорит также, что мама и папа плохие. Понимаю, что она не одинока: все так думают, только не говорят при мне. Мне хочется им втолковать, что это неправда, что мама и папа никогда никому не причинили вреда. Меня, например, они всегда любили и желали мне добра. Где на самом деле папа, я не знаю, но уверена, что мама не умерла. Если бы она умерла, то приходила бы ко мне, когда я сплю, как это делал Адо. Когда я говорю о таких вещах, другие дети надо мной смеются. Никто не верит, что существуют призраки. Они думают, что я сумасшедшая.

Но в одном мама с папой ошиблись. Чужие должны были забрать меня, а забрали их.

Сегодня синьора и синьор Холл принесли фотографии места, где они живут. Это очень далеко, на другом краю света. Чтобы добраться туда, нужно лететь на трех, а то и на четырех самолетах. Их дом стоит посередине небольшой бухты. Вокруг него — лужайка, и у них есть желтая собака по кличке Зельда. Среди фотографий, которые мне

показывают, есть и снимок моей комнаты. Там полно разных игр и кукол, а окно выходит на море. Синьор Холл говорит, что в гараже есть велосипед, который ждет меня. Не знаю, хочется ли мне туда ехать, и я до сих пор не поняла, поедут ли с нами мама и папа. Когда я об этом спрашиваю синьору Холл, она не знает, что отвечать.

Когда я провожу время с синьором и синьорой Холл, та иногда выбегает из комнаты, чтобы поплакать в укромном месте.

Синьор Холл сказал, что в их городе, который называется Аделаида, почти всегда стоит лето. У него есть парусная лодка, и он любит море. Он рассказал, что в Австралии водятся странные животные, каких я никогда не видела. Синьор Холл симпатичный, он не такой, как другие. Например, когда я с ним заговорила о призраках, он не стал смеяться. Наоборот, сказал, что тоже в них верит и даже видел их в море. Создания, не отбрасывающие тень, как он их назвал. Рыбы, ракообразные, каракатицы. Поскольку за коралловым рифом мало мест, где можно спрятаться от хищников, эти животные научились становиться невидимыми. Они стали прозрачными. Желудок, например, у них тончайший и состоит из коллагена, который отражает предметы, как зеркало, так что не видно даже самой крошечной частицы пищи. Но и хищники приспособились, чтобы не умереть от голода: у них развились глаза, способные видеть эти создания.

Говорят, я должна собирать вещи, чтобы через несколько дней уехать с синьором и синьорой Холл. Вернуться домой, в Аделаиду. Я объясняю, что тут какая-то ошибка, мой дом не там. Мне говорят, что там, просто я не помню, поскольку была слишком мала, когда покинула его. Я не хочу ехать в Австралию, но, кажется, никого не интересует, чего я хочу, а чего — нет. Видя, что все бесполезно, я перестаю говорить. И есть тоже. Никто не знает, что со мной, думают, я заболела. Тем лучше. В конце концов кому-то приходит в голову спросить, чего я хочу.

— Хочу поговорить с лиловой вдовой, — заявляю я.

Ведьма приходит на следующий день. Она милая, как всегда, но я ей не верю.

— Что происходит? — спрашивает она.

— Могу я увидеть маму?

— Твоя мама — синьора Холл, — отвечает она.

— Мою настоящую маму, — упорствую я.

Лиловая вдова задумчиво на меня смотрит. Потом встает и уходит.

Поскольку, вбив себе что-то в голову, я стою на своем, пока не получаю желаемого, как тогда, когда решила, что буду спать вместе с козой, и набралась от нее блох, я продолжаю отказываться от еды.

Лиловая вдова снова приходит, и я знаю, что она бесится. Говорит мне:

— Мы пойдем с тобой в одно место, но потом ты снова станешь кушать, договорились?

Место, о котором она говорит, серое и унылое, двери там железные или с решетками. И везде полно сторожей. Я не знаю, что это за место и кто бы захотел здесь быть. Меня приводят в комнату без окон. Там только стол и два стула. И вот тогда, не раньше, мне сообщают, что я скоро увижу папу. Я так счастлива, что мне хочется петь. Но мне объясняют, что я не смогу обнять его или даже до него дотронуться. Я не понимаю почему, но мне говорят, что в этом месте такие «правила». Хотя это не *мои* правила, я знаю, что должна их принять. Железная дверь отворяется, и двое сторожей вводят мужчину, держа его за руки. У него на запястьях цепь, и он двигается с трудом. Я не сразу его узнаю, потому что волосы у него очень коротко острижены, а кожа на лице вся сморщилась. Огонь в ночь пожара сотворил с ним такое. Но это все-таки папа. Он видит меня, и по щекам у него катятся слезы. Я забываю, что его нельзя обнимать, бегу навстречу, кто-то хватает меня, не дает приблизиться. Тогда я сажусь на стул, и он тоже садится по другую сторону стола. Так мы и сидим какое-то время, молча смотрим друг на друга и не можем удержать слез.

— Как тебе живется, любовь моя? — спрашивает папа.

Я хочу сказать, что очень плохо, что мне не хватает его и мамы, но отвечаю — «хорошо», хотя знаю, что врать некрасиво.

— Мне сказали, что ты не хочешь кушать. Почему?

Мне стыдно, я не хотела, чтобы он узнал.

— Я так рад, что ты пришла навестить меня.

— Я хочу вернуться в дом голосов.

— Сдается мне, это невозможно.

— Я наказана? Я плохо себя вела? — спрашиваю я сквозь рыдания.

— Зачем ты так говоришь? Ты всегда поступала правильно.

— Все потому, что я убила Адо и заняла его место. Так сказала девочка из сада, когда у меня была температура и сильно болел живот.

— Не знаю, кто тебе такого наговорил, — возражает папа. — Ты никого не убивала: Адо умер, когда мы унесли его.

— Унесли откуда?

— Из плохого места, — отвечает он.

— Из-под красных крыш, — догадываюсь я.

Папа кивает.

— Но это случилось раньше, чем ты вошла в нашу жизнь, милая. Ты тут ни при чем.

— Кто же его убил?

— Его убили чужие. — На мгновение папа погрузился в неведомые мысли. — Той ночью, когда мы с мамой бежали из-под красных крыш, мы забрали Адо из колыбельки. Думали, что он спит. Не знаю, как долго мы шли, все время боясь, что чужие нас настигнут. Но нам казалось, что мы совершенно счастливы: наконец свободны, наконец семья. — Папа помрачнел. — На рассвете мы остановились в заброшенной хижине посреди поля. Мы выбились из сил, хотели хоть немного поспать. Мама пыталась разбудить Адо, чтобы покормить его, но когда попробовала приложить его к груди, он был холодный и не двигался. Тогда мама начала кричать, я никогда не забуду ее крика, ее боли... Я взял Адо из ее рук, пытался вдохнуть воздух в его крошечные легкие, но бесполезно... Тогда я завернул его в одеяльце и пошел искать доски, чтобы сколотить сундук. Мы положили туда Адо, и я запечатал крышку смолой.

Я вспомнила, как Черный, думая, будто в сундуке сокровище, заставил Телка и Искорку открыть его, и я в первый раз увидела лицо братика.

— Когда я его увидела, мне показалось, что он все еще спит, — сказала я, чтобы утешить папу.

— Адо — имя, которое выбрали мы с мамой. — Папа задумался. — Нам оно казалось таким красивым, потому что никто больше его не носил.

Тут нам говорят, что свидание окончено и пора прощаться. Папа встает первым, его уводят. Я хочу поцеловать его, но мне не разрешают. Он оборачивается в последний раз.

— Ты должна кушать, должна жить дальше, — наставляет он меня. — Ты достаточно сильная, чтобы обходиться без нас.

Я знаю, чего ему стоили эти слова. Он сдерживает слезы, но очень страдает.

— Я тебя люблю, малышка... Что бы ты ни услышала обо мне или о маме, никогда не забывай, как мы тебя любим.

— Обещаю, — говорю я через силу: в горле застрял комок и голос почти не слышен. И в этот момент понимаю, что мы больше никогда не увидимся.

Я пытаюсь объяснить всем и каждому, что не хочу ехать в Австралию с синьором и синьорой Холл. Я хочу снова жить с папой и мамой в доме голосов. Но никто меня не слушает. Не важно, чего я хочу или не хочу.

Никто не хочет по-настоящему услышать то, что хотят сказать дети.

— ...пять... четыре... три... два...

К концу обратного отсчета Ханна Холл вернулась из путешествия в прошлое успокоенная, наконец-то умиротворенная.

Джербер мог только догадываться, как трудно было начинать новую жизнь в Австралии, в доме Холлов. Бывают истории со счастливым концом. Добро торжествует, журналисты в восторге, публика растрогана. Но никто никогда не знает, что произойдет потом. Это мало кого интересует. Если подумать, кому захочется испортить красивый финал жестокой реальностью, которая в порядке вещей. Девочка, которая, по мнению многих, была «спасена», выросла рядом с незнакомцами.

Чужие забирают людей.

Так сказала Ханна во время одного из сеансов. И в самом деле, чужим не только удалось забрать ее из единственного мира, который она знала, разлучить с семьей, где она научилась любить и быть любимой, но и навязать себя вдобавок ко всему как «маму и папу». Но это отходит на второй план для людей, которым дороже то, что «все жили долго и счастливо». В конечном итоге кому до этого есть дело? В результате сейчас перед Пьетро Джербером сидит женщина с истерзанной психикой.

— Значит, я не убивала Адо, — сказала Ханна. Она, казалось, испытывала облегчение, но не была убеждена до конца.

Джербер остановил метроном: настал момент прояснить и этот вопрос.

— Адо никогда не существовал, Ханна, — приступил гипнотизер со всей возможной деликатностью. — Женщина, которая похитила вас, была бесплодна.

Она, однако, не хотела верить.

— Зачем тогда мои родители выдумали эту ложь?

— Чтобы оправдаться в том, что сделали Холлам.

— Оправдаться перед кем?

— Перед вами, Ханна. И перед самими собой, чтобы чувствовать свою правоту. — Он помолчал. — Око за око — самое древнее правило

в мире, — заключил он, вспомнив те пять правил, которые внушили в детстве его пациентке.

— Око за око? Мои папа и мама похитили меня из мести? Вы ошибаетесь: мои родители никогда бы не причинили зла Холлам.

— Не Холлам конкретно, — согласился Джербер. — Против Холлов они ничего не имели, другое дело — общество. К сожалению, доказано, что люди, подвергавшиеся насилию, более расположены платить злом за причиненное зло, чем те, к кому всегда относились благосклонно. Вряд ли в Сан-Сальви хорошо обращались с теми двумя подростками, вот они и решили, что внешний мир перед ними в долгу... А именно задолжал им семью.

Типичное для преступников поведение, припомнил психолог. Однако женщина не сдавалась.

— Но мой отец сказал в тюрьме, что Адо умер, когда они уносили его из-под красных крыш, да и я хорошо помню, как видела его труп в сундуке: несмотря на прошедшие годы, он хорошо сохранился.

— Вы смотрели в тот сундук, находясь под сильным стрессом, — напомнил ей Джербер. — Вы рассказывали мне, что сидели на коленях у Черного и не знали, где ваши родители. К этому нужно добавить, что в таком юном возрасте вы не могли постичь смысла того, что было у вас перед глазами, из-за элементарного отсутствия опыта; наконец, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что прошло уже много лет: воспоминание неизбежно исказилось за столь долгий срок.

— Но я все вспомнила благодаря гипнозу, — возразила Ханна.

Эту часть своей работы, когда приходилось разочаровывать пациентов, Джербер ненавидел. Он решил прибегнуть к тому же примеру, какой использовал с детьми.

— Объясняю: цель нашей памяти не только в том, чтобы накапливать сведения о вещах... В раннем детстве, впервые прикасаясь к огню, мы испытываем боль, о которой уже никогда не забудем: стало быть, всякий раз, увидев пламя, мы будем осторожны.

— Мы помним прошлое, чтобы быть готовыми к будущему, — подтвердила Ханна, поняв, как это работает.

— Следовательно, мы забываем все, в чем не нуждаемся, — продолжил Джербер. — Гипноз не в силах восстановить некоторые воспоминания по той простой причине, что, сочтя их бесполезными, наша память их необратимо стерла.

— Но папа сказал, что Адо был жив, а после умер...

— Я знаю, что он сказал, — перебил ее Джербер. — Но это неправда.

Ханна нахмурилась:

— В самом начале вы обещали выслушать девочку, которая живет во мне... Но никто не хочет по-настоящему услышать то, что хотят сказать дети, — повторила она фразу, которую произнесла под гипнозом.

Пьетро Джербер почувствовал к ней бесконечную жалость. Ему хотелось встать, подойти, обнять ее покрепче, чтобы эта боль поскорее прошла. Но Ханна удивила его: она вовсе не собиралась сдаваться.

— Вы хотите, чтобы я возненавидела моего отца только потому, что вы ненавидите своего, так? — яростно проговорила она, испепеляя психолога взглядом. — Вас коробит, что я храню о своем добрую память, только потому, что вам не терпится свести счеты... Кто перед вами в долгу, доктор Джербер?... *Око за око.*

— Вы заблуждаетесь, мне никто ничего не должен, — ответил он, уязвленный.

Но Ханна еще не закончила:

— Скажите, чувствуете ли вы еще щекотку смерти, как тогда, у больничной койки, когда ваш отец шепнул вам на ухо правду?

Джербер невольно отпрянул, откинувшись в кресле.

— Одно слово, — продолжала Ханна уверенно. — Ваш отец произнес одно только слово, и такой малости хватило, чтобы вы утратили чистоту... Что лучше: фантазии девочки, которая верит в ведьм и призраков, или уверенность в том, что существует только этот мир, циничный и рациональный, где смерть действительно знаменует собой конец всему и где каждый решает, что для нас хорошо или плохо, даже не спрашивая нашего мнения? Может быть, я и правда сумасшедшая, раз верю в некоторые истории, но иногда вопрос в том, как посмотреть на реальность, вам не кажется? Не забывайте: люди, которых этот ваш мир называет монстрами, для меня были мамой и папой.

Джербер потерял дар речи. Он не верил своим ушам, он чувствовал свое бессилие.

— Адо существовал. — Ханна встала и взяла сумку. — Он до сих пор погребен в сундуке, под кипарисом, возле дома голосов. Ждет,

когда кто-нибудь придет забрать его.

И она направилась к двери, намереваясь уйти. Гипнотизер хотел бы ее остановить, что-нибудь ей сказать, но ничего не приходило в голову. На пороге женщина остановилась и обернулась к нему.

— Тайное слово вашего отца — это число, не так ли?

Под гнетом истины Пьетро Джербер всего лишь кивнул.

22 октября

— Ну же, Пьетро, смелей, вперед...

До тех пор он ни разу не входил в лес, насаженный отцом. Всегда останавливался на пороге, любуясь деревьями из папье-маше, их золотыми кронами и длинными лианами, соединявшими стволы. То было место для «особенных детей», всегда говорил *синьор Балу*. Это имя тоже было особенным, Пьетро не позволялось так называть отца.

— Зачем мы сюда пришли? — спросил он растерянно.

— Затем, что тебе сегодня исполнилось девять лет, — торжественно возгласил отец. — И я хочу сделать тебе подарок.

Но Пьетро как-то не верилось. Это скорее походило на наказание, хотя он пока не понимал, в чем оно заключалось. Может быть, дело в несъеденном мороженом и в той женщине, с которой он вел себя невоспитанно в прошлое воскресенье? У отца он боялся спросить, так что приготовился стойчески принять любую кару, ему предназначенную.

— Подарок — сеанс гипноза, — несколько неожиданно заявил *синьор Балу*.

— Зачем это нужно?

— Я не могу тебе это объяснить, Пьетро, это слишком сложно. Но однажды ты сам поймешь, обещаю.

Он попробовал представить себе, что можно понять в какой-то далекий день, не поняв сейчас, но ничего не пришло на ум. Тогда он перешел к более практическому вопросу:

— А что, если я не проснусь?

Отец рассмеялся. Пьетро даже обиделся на него за это. Но *синьор Балу* потрепал его по волосам.

— Это волнует многих, все мои маленькие пациенты задают тот же самый вопрос. И знаешь, как я их успокаиваю?

Пьетро покачал головой, уже не чувствуя себя таким дураком.

— Говорю им, что загипнотизированный на самом деле может проснуться в любой момент, это зависит только от него. Поэтому, если что-то пойдет не так, тебе будет достаточно посчитать в обратном порядке, а потом открыть глаза.

— Ладно, — согласился Пьетро.

Отец взял его за руку, и они вошли под сень рукотворных деревьев. Находиться там было приятно. Отец предложил ему лечь на лужайку-палас, даже подложил мягкую подушку под голову. Потом пошел к проигрывателю, который стоял в углу на столике. Элегантными, скупыми движениями вытащил пластинку из обложки, поместил на диск, потом поднял рычаг, и игла автоматически опустилась на бороздку.

Песня «Простые радости» оживила лес голосами медведя Балуги и Маугли.

Отец лег рядом. Они лежали бок о бок, навзничь, сложив руки на животе, и любовались небом в белых облачках и блестящих звездочках. Спокойные, безмятежные.

— Возможно, ты когда-нибудь меня за это возненавидишь, однако надеюсь, что нет, — сказал отец. — Дело в том, что мы с тобой одни на свете, а я не смогу жить вечно. Прости, что выбрал такой способ, но иначе у меня не хватило бы духу. И потом, так будет правильно.

Пьетро по-прежнему не понимал, но решил довериться отцу.

— Ну что, готов?

— Да, папа.

— Тогда закрой глаза...

Джербер вернулся в свой опустевший дом в середине дня. У него уже не получалось проводить сеансы с другими пациентами. Не хватало внутреннего покоя, чтобы их выслушать и исследовать психику под гипнозом. Поэтому он отменил все встречи.

С дикой головной болью прошел в спальню. Упал в подушки, не раздеваясь, даже не снимая башмаков, и закутался в плащ, поскольку почувствовал, что совсем замерз. Побочный эффект риталина. Лежал в позе зародыша, ожидая, когда пройдут раздражающие наплывы мигрени, волны, изнутри размеренно бьющие в стенки черепа. Едва приступ утих, как он погрузился в сон.

Перед ним завертелся калейдоскоп бурных сновидений. Он плывал в темной бездне, где обитали светящиеся рыбы, а кроме того, создания, не отбрасывающие тени, о которых рассказывал синьор Холл. Морские призраки, которые, приспособившись к враждебной среде, сделались прозрачными.

Ханна была такая же. Всегда одевалась в черное, будто бы жизнь научила ее, что лучше оставаться невидимой.

В том море плавала и его мать, жена *синьора Б.* С той же застывшей улыбкой, что и на семейных фотографиях. Неподвижная, безразличная, будто восковая статуя. Пьетро называл ее мамой, но она не откликалась.

Никто не хочет по-настоящему услышать то, что хотят сказать дети. В ушах так и звучал грустный голос Ханны Холл. *Тайное слово вашего отца — это число, не так ли?*

Тут зазвонил мобильник, и Джербер открыл глаза.

— Куда ты пропал? — раздраженно осведомилась Бальди.

Чего ей от него нужно? Почему она бесится?

— Уже десять часов, а тебя нет, — нетерпеливо, с упреком продолжала судья.

— Уже десять? — переспросил он голосом, хриплым со сна.

Посмотрел на часы. Да, так и есть. Но десять часов утра. Сколько часов он проспал? Явно с избытком. Недаром никак не мог прийти в себя.

— Мы тебя ждем, — упрекнула его судья. — Остальные уже собрались.

— У нас назначена встреча? — Он ничего такого не помнил.

— Пьетро, с тобой все в порядке? Когда я звонила тебе вчера вечером, ты сказал, что тебя все устраивает и что ты придешь.

Пьетро не помнил звонка. Ему казалось, будто он со вчерашнего дня спал не просыпаясь.

— Эмильян, — напомнила судья. — Ты должен явиться к нему домой, социальные работники уже собрались.

— Зачем? Что случилось? — встревожился Джербер.

— Ты должен подтвердить свое мнение: слава богу, приемные родители согласились снова взять его к себе.

Он прибежал, запыхавшись. Уже безнадежно опаздывая, он никак не успевал привести себя в порядок. Мало того что одежда несвежая, от него еще и разило. К тому же он чувствовал, что вещи на нем висят мешком, явный признак того, что он потерял на последние дни пару килограммов.

Джербер был уверен, что, увидев его в таком состоянии, Бальди испепелит его одним из своих знаменитых взглядов. Но в глазах лиловой вдовы он прочел одно только беспокойство.

В его памяти еще звучали слова, которые произнесла судья, когда отказалась отвечать на вопрос, почему не призналась, что знает Ханну Холл, при первом упоминании ее имени.

Много лет назад я дала обещание...

Кому?

Ты должен меня понять.

Со временем он добьется ответа, поэтому сразу не стал настаивать. Этим утром снова поднимет эту тему и узнает все. А пока нужно, чтобы прояснилось в голове и он смог бы приступить к работе. Задача не из легких, он разваливался на куски.

Приехав по адресу, он обнаружил особнячок на периферии, в квартале, раскинувшимся вокруг приходской церкви.

Хотя приемные родители Эмильяна были довольно молоды, дом выглядел старомодно: возможно, мебель досталась им по наследству. Складывалось впечатление, будто супруги так и не стали самостоятельными, не развили собственный вкус. Пол из светлого

мрамора, полированная мебель, масса безделушек и глиняных статуэток.

Бросались в глаза религиозные атрибуты. Обитатели дома всячески старались выставить напоказ свою веру. Всюду висели распятия и картины на евангельские сюжеты. Множество святых, несколько образов Девы Марии. Разумеется, не обошлось без репродукции «Тайной вечери» над электрокамином.

Социальные работники проводили рутинный осмотр, дабы удостовериться, что в семье есть все условия для того, чтобы снова взять под опеку белорусского мальчика. Джербер между тем слонялся по комнатам с рассеянным видом, стараясь как можно меньше попадаться на глаза. Он себя чувствовал как с похмелья, когда утром после попойки на смену алкогольной эйфории приходят неловкость и стыд.

Бальди отвела приемных родителей Эмильяна в сторонку. Супруги держались за руки. Предметом разговора была анорексия ребенка. Детский психолог невольно уловил какие-то обрывки фраз.

— Мы посетили нескольких врачей, — говорила мама Эмильяна. — И посетим других, но полагаем, что мальчик больше всего нуждается в нашем внимании и нашей любви, помимо помощи Божьей.

Джербер вспомнил сцену, при которой присутствовал во время последнего сеанса, когда отец Лука собрал всех в круг, чтобы помолиться за мальчика. Мать, закрыв глаза, улыбнулась, зная, что собратья не могут ее увидеть.

Думая об этом, психолог наткнулся на дверцу, которая вела в подвал, туда, где Эмильян, по его словам, присутствовал при оргии, в которой участвовали его родители, дедушка с бабушкой и священник, надев на себя маски животных.

Кота, овцы, свиньи, филина и волка.

Как такое пришло в голову Эмильяну? — спросил себя Джербер. Дети могут быть жестокими, вплоть до садизма, это психолог хорошо знал. Они с Бальди пришли к выводу, что после полной страданий жизни в Белоруссии ребенок хотел испробовать роль палача.

Пьетро стал подниматься по лестнице, полагая, что наверху находится комната мальчика. В самом деле, она располагалась рядом со спальней родителей. Джербер зашел туда, огляделся. Кроватька,

шкаф, маленький столик, множество игр и плюшевых зверушек. Такое ощущение, что комнату готовили с заботой и любовью, зная, что ребенок вот-вот прибудет. На стенах — фотографии в рамках, запечатлевшие самые счастливые моменты, какие пережил Эмильян в своей итальянской семье. Поездка на море, луна-парк, рождественский вертеп.

Но было и кое-что другое. На столике у двери стояли предметы иного рода.

Кропило и ведро со святой водой. Угольки для возжигания ладана и курильница. Сосудик со святым елеем. Образки и различные четки. Библия. Серебряное распятие. Епитрахиль.

Джербер вообразил себе, что могло здесь происходить. Члены религиозной общины, к которой принадлежали супруги, усыновившие Эмильяна, собираются вокруг детской кровати, поют гимны и читают молитвы, дабы освободить ребенка от наваждения.

Психолог затряс головой, чтобы избавиться от такой нелепой мысли, и хотел уже выйти из комнатки, как вдруг заметил, что чьи-то глаза смотрят на него из наполовину открытого ящика тумбочки.

Он подошел, открыл его до конца и обнаружил то самое лицо, которое Эмильян рисовал во время их последней встречи, будучи под гипнозом. Мало того, там было несколько версий, на разных листочках, все очень похожие друг на друга.

Раскосые глаза без зрачков, огромный рот, заостренные зубы.

Возможно, по контрасту с изобиловавшими внизу религиозными картинками и символами, этот рисунок казался воистину демоническим.

«Монстр Мати», — припомнил Джербер имя, которым Эмильян назвал изображенное им чудище.

Но тут психолог впервые подумал, что это слово могло иметь какое-то значение. Схватил смартфон, вбил его в программу машинного перевода. Результат его ошеломил.

«Мати» по-белорусски означало «мама».

Так Эмильян называл свою биологическую мать. Возможно, в чудовищных очертаниях рисунка скрывался весь ужас, какой ребенок испытал в родной семье.

Тут он услышал голоса внизу и решил посмотреть, что там происходит. Перегнувшись через перила, увидел, как работник

социальной службы вводит Эмильяна в дом.

Приемные родители бросились обнимать его. Теперь все трое стояли на коленях, и на них были устремлены полные сочувствия взгляды окружающих.

Джербер все еще стоял на середине лестницы, когда мальчик поднял на него глаза. Он, казалось, был разочарован, даже разозлен. Вообще-то, естественно, что он злится на человека, разоблачившего его ложь. Однако психологу стало не по себе от этого пристального взгляда. Он решил выяснить, в чем дело. Подошел с улыбкой:

— Привет, Эмильян, как ты?

Мальчик ничего не ответил. Но через несколько мгновений содрогнулся, и его стошнило прямо на брюки Джербера.

Сцена всех потрясла. Мать Эмильяна тут же бросилась к сыну.

— Мне очень жаль, — извинилась она перед Джербером. — Приступы нельзя предугадать, они наступают в моменты сильных переживаний.

Психолог ничего не сказал.

Убедившись, что Эмильяну лучше, мать заставила его перекреститься и прочитать молитву, дабы предать забвению произошедшее.

— Сейчас мы вместе вознесем молитву Ангелу-Хранителю, и все пройдет, — пообещала она.

Джербер никак не мог прийти в себя. Бальди подошла к нему, протянула бумажные салфетки, чтобы обтереться, но он уклонился, чувствуя какой-то подвох.

— Извините, — сказал он и направился в кухню.

Снова очутился в обеззараженном помещении. Пол сверкал, конфорки начищены, как будто их никогда не использовали по назначению. Хозяйка дома кичилась своей аккуратностью. Но на кухне витал запах стряпни, тщетно маскируемый ароматизатором с запахом полевых цветов.

Джербер прильнул к раковине, взял стакан с сушилки, открыл кран, дрожащей рукой налил себе воды и залпом выпил. Потом, не выключая воду, оперся обеими руками о столешницу и закрыл глаза. Нужно поскорее уходить отсюда, ему здесь долго не выдержать. Я вот-вот свалюсь, — сказал он себе. — Не хочу, чтобы кто-то присутствовал при таком смехотворном зрелище.

Никто не хочет по-настоящему услышать то, что хотят сказать дети.

Слова Ханны Холл вклинились в его размышления. Они звучали как обвинение, в особенности против него, улестителя детей. Джербер возмутился: ведь он сделал для Эмильяна все, что мог. Если бы он не обнаружил, что мальчик воспользовался книгой сказок, чтобы оклеветать людей, которые приняли его, обещая любить, невинные, наверно, до сих пор бы страдали. Тогда откуда это чувство вины?

Мой полдник всегда такой невкусный.

Последние слова, которые произнес Эмильян перед пробуждением от гипноза. Он как будто оправдывался, объяснял, почему причинил столько зла своей новой семье. Идеальное алиби для малыша.

Джербера осенила догадка. Он открыл глаза, снова оглядел безупречную кухню. Связал этот образ с предметами культа, какие видел наверху. Кто-то пытался очистить душу Эмильяна. Религиозная община.

Нет, поправил он себя. Не все они. Только мать.

Видимость для этой женщины очень важна, подумал он. Раз у нее не получилось заиметь собственных детей, она изнывает от желания показать окружающим, что заслуживает права называться матерью.

Учитывая ее истовую веру, материнство для нее не биологический факт. А призвание.

Лучшая мать — та, что решила взять на себя заботу о плоде, родившемся из чужой утробы. Пусть это будет ущербный ребенок, пусть у него будет анорексия. Смотрите: она переживает страдания больного сыночка как свои собственные. Такая мать не сетует. Довольно улыбается во время молитвы. Знает, что Бог ее видит и благословляет ее веру.

«Мой полдник всегда такой невкусный», — повторил про себя Пьетро Джербер.

Стал быстро открывать все ящики, в лихорадочных поисках доказательства. Нашел его на самой верхней полке. Ореховая паста, чтобы мазать на хлеб. Открыл баночку, рассмотрел содержимое. Как правило, никто из взрослых не пробует еду, предназначенную исключительно для ребенка.

Поэтому никто никогда не обнаружил бы тайну, хранимую мамой Эмильяна.

Существовал только один способ удостовериться окончательно. Пьетро сунул палец в мягкую массу и облизал его.

Почуввав кислоту внутри сладости, невольно сплюнул.

Эмильян не мог рассказать правду, ему бы никто не поверил. Поэтому и придумал историю о сатанинской оргии, в которой участвовала вся семья. У него не было выбора.

Ведь никто не хочет по-настоящему услышать то, что хотят сказать дети. Даже и сам Джербер.

Синьор Б. часто упоминал случай девочки, которая под гипнозом заставляла плюшевого слоненка принимать лекарства, а если он отказывался, грозила, что больше не будет его любить. Такое ее поведение помогло распознать у матери расстройство, называемое «синдром Мюнхаузена по доверенности»: женщина тайком пичкала дочку таблетками в огромных дозах с единственной целью — вызвать у нее болезнь и таким образом привлечь к себе внимание друзей и родных, выступить перед ними в роли прекрасной, заботливой матери.

Джербер, однако, не вспомнил о том давнем деле, пока о нем не заговорила Анита Бальди: только благодаря ему, утверждала судья, они и обнаружили, что происходит с Эмильяном.

— Наверное, твое подсознание подсказало тебе, что делать, — уверяла судья, имея в виду ореховую пасту, отравленную элементарным средством для мытья посуды.

Но Джербер был убежден, что белорусский мальчик обязан своим спасением Ханне Холл. Поэтому отправился на ее поиски. Он прекрасно знал, что ищет предлог увидеться с ней за стенами кабинета. Он вдруг понял, что ему не хватает заранее назначенных встреч. Он, будто неистовый влюбленный, жаждал неожиданных, случайных пересечений.

Придя в отель «Пуччини», бросился к администратору, спросил о ней, надеясь застать ее в номере.

— Сожалею, но синьора уехала вечером, — ответил тот.

Эта новость заставила Джербера похолодеть. Поблагодарив администратора, он направился к выходу, но передумал и вернулся.

— Сколько времени синьора Холл пробыла в вашем отеле? — спросил он, протягивая банкноту.

Он был уверен, что Ханна прибыла во Флоренцию гораздо раньше, чем появилась в его жизни, и все это время собирала о нем сведения. Иначе нельзя было объяснить, откуда ей столько известно о его прошлом.

— Всего несколько дней, — ответил тем не менее администратор.

Психолог этого не ожидал. Заметив его удивление, администратор добавил:

— Синьора заказала номер, но никогда в нем не ночевала.

Джербер принял это к сведению, снова поблагодарил и поспешно вышел, не зная, что и думать. И все же он услышал косвенное подтверждение того, что не ошибался: если Ханна ночевала в другом месте, стало быть, могла находиться в городе сколь угодно долго. Женщина не спеша готовила представление, даже убогий номер в отеле «Пуччини» был его частью.

Она еще здесь, сказал себе Джербер.

Довольно с него всей этой лжи: необходимо срочно поговорить с Ханной. Одна мысль пришла Джерберу в голову, и он полез в карман за сотовым телефоном.

Тотчас же позвонил Терезе Уолкер.

Голос в записи сообщил ему по-английски, что в данный момент абонент недоступен.

Он сделал еще несколько попыток, даже уже вернувшись домой. С тем же успехом. Наконец, издерганный, выбившийся из сил, прислонился к стене в коридоре и медленно сполз на пол. Так и сидел в темноте. Никак не мог смириться с очевидным.

Ханна Холл больше не вернется.

В отчаянной попытке снова встретиться с ней он решил поискать в единственном месте, какое еще оставалось. В Интернете. Уолкер как-то сказала ему, что в Австралии проживают две женщины тридцати лет, носящие это имя. Одна — всемирно известный морской биолог, вторая — их пациентка.

Джербер открыл браузер на смартфоне и вбил имя в поисковик. Когда появились результаты, почему-то вспомнил о созданиях, не имеющих тени, о которых говорил синьор Холл. Из глубин сети как раз и вынырнуло нечто неожиданное, о чем, впрочем, он легко мог догадаться, если бы не позволил себе обмануться видимостью.

Всемирно известный морской биолог, чьи фотографии показались на экране, была неотличима от его пациентки.

Двух женщин по имени Ханна Холл никогда не существовало.

Вот только вид этой единственной никак нельзя было назвать запущенным. Она стояла у штурвала яхты, и светлые волосы развевались на ветру. И она улыбалась так, как никогда не улыбалась

при нем, отчего Джербер ощутил легкий укол ревности. Но главное, перед ним, внешне неотличимая от прежней, возникла совершенно другая женщина.

Счастливая.

Ему бы порадоваться тому, что Ханна — настоящая Ханна — преодолела травму похищения, а потом внезапной перемены, когда ее внедрили в незнакомую семью. Восхититься тем, что она построила свою жизнь, не поддавшись влиянию всего, что с ней случилось. Но он мог думать только об одном: зачем Ханна Холл устроила это представление, чтобы потом исчезнуть. Он был готов поклясться, что в действительности она вела здоровый образ жизни и не курила совсем.

Тайное слово вашего отца — это число, не так ли?

Тут кто-то позвонил в дверь. Пьетро вскочил, побежал посмотреть, кто пришел, молясь, чтобы это была она. Но, увидев лицо, показавшееся в дверях, испытал разочарование.

Лицо, однако, было знакомым.

Хотя она и сильно постарела с тех пор, когда они последний раз виделись, Пьетро все же узнал подругу отца: таинственную женщину в кафе, где он ребенком сидел над порцией мороженого, ту самую, кого он снова встретил уже взрослым у постели умирающего *синьора Б.*

— Полагаю, это ваша, — прокуренным голосом проговорила бывшая сотрудница Сан-Сальви.

Потом подняла руку и показала ему старую фотографию, украденную из семейного альбома. Снимок новорожденного младенца Пьетро Джербера.

Выйдя из дома, они укрылись в маленьком баре на улице Бурелла, единственном, какой оказался открытым в столь поздний час. Здесь пересекались люди, избегающие света дня: полуночники, толкачи, проститутки.

Они уселись в сторонке, им принесли две чашки прескверного кофе, и таинственная подруга *синьора Б.* закурила: уж в таком-то месте точно никто не станет возражать. Джербер заметил, что она курит «Винни».

Психолог держал в руках старую фотографию.

— Кто вам дал ее?

— Нашла в почтовом ящике.

— Как вы поняли, что новорожденный младенец — я?

Женщина пристально на него взглянула:

— Я бы никогда не смогла вас забыть.

— Почему?

Та промолчала. Улыбнулась. Еще один секрет. Опять ответа на вопрос предстоит добиваться, как в случае с Бальди, которая по непонятной причине не захотела сразу признаться, что знакома с Ханной Холл.

— Какие у вас были отношения с моим отцом? — приступил Джербер, пренебрегая правилами приличия.

— Мы были добрыми друзьями, — только и сказала женщина, давая понять, что собирается ограничиться этой тривиальной фразой. Кроме того, она до сих пор даже не пожелала назвать своего имени.

— Почему вы пришли ко мне? Вряд ли только затем, чтобы вернуть снимок...

— Ваш отец попросил пойти вам навстречу в случае, если вы станете меня искать... Я подумала, что фотография — первый шаг с вашей стороны.

Синьор Б. организовал эту встречу? Пьетро Джербер был ошеломлен.

— У вас была связь с моим отцом? — спросил он.

Женщина разразилась хриплым смехом, который быстро перешел в приступ кашля.

— Ваш отец был настолько влюблен в свою жену, что оставался ей верен даже после ее смерти.

Джербера кольнуло чувство вины перед Сильвией. После событий последних дней он уже не мог считаться преданным мужем.

— Ваш отец был честнейшим человеком, таких безупречных людей редко встречаешь, — продолжала незнакомка.

Но Джербер не желал об этом слушать и перебил ее:

— Мари и Томмазо.

Стоило ему произнести эти имена, как женщина смолкла.

— Больше меня ничего не интересует, только они, — уточнил Пьетро, полный решимости.

Женщина глубоко затянулась сигаретой.

— Сан-Сальви представлял собой особый мир, подчиненный собственным правилам. Согласно этим правилам там и жили, и умирали.

Джербер вспомнил пять правил, которые Ханне внушили в детстве.

— Когда в семьдесят восьмом вышел закон, предписывающий закрыть все психиатрические клиники, никому не пришло в голову, что нормы внешнего мира не работают в нашем. Недостаточно взять и приказать нам освободить помещение, ведь многие из тех, кто провел большую часть жизни в клинике, просто не знали, куда идти.

Джербер вспомнил, что сторож в Сан-Сальви говорил ему то же самое, когда он ездил туда в поисках документов.

— Мы продолжали тайком содержать их там. Разумеется, наверху все об этом знали, но предпочитали молчать. Думали, что, когда умрут последние заключенные в больницу безумцы, проблема решится сама собой, с течением времени...

— Так не получилось...

— Бюрократы не знали, что в таких местах, как Сан-Сальви, жизнь продолжалась, несмотря ни на что... И тогда я вступала в игру.

— Что вы имеете в виду?

— Вы не задавались вопросом, что делают в сумасшедшем доме двое несовершеннолетних?

Томмазо было семнадцать лет, Мари — четырнадцать.

— Нет, честно говоря, не задавался.

Женщина встала, потушила окурок в той бурде, что плескалась в кофейной чашке.

— Ответы на все ваши вопросы вы найдете в корпусе Q.

Джербер не ожидал, что дама так быстро расстанется с ним. И еще кое-что не состыковывалось. Он схватил женщину за руку:

— Погодите минутку... В Сан-Сальви есть корпуса от А до Р: корпуса Q нет в природе.

— Вот именно, — подтвердила женщина, пристально глядя на Пьетро. — Его нет в природе.

Пьетро перелез через высокую стену, окружающую комплекс со стороны улицы Мадзанти, выбрав место поудобнее. Упал на траву, чуть не наткнувшись на горлышко разбитой бутылки, валявшееся там кто знает сколько времени. Земля была буквально усеяна мусором, следовало ступать осторожнее.

При свете полной луны Джербер направился к лесу.

Деревья, охранявшие это место, казалось, не замечали его присутствия. Качались в унисон под порывами ночного ветра, что-то шептали хором, наполняя шорохами пространство.

Джерберу удалось наконец найти асфальтированную дорожку, а она, словно рукав устья, должна была непременно вывести его к центру комплекса. Двигаясь по ней, Пьетро вглядывался в здания, составлявшие брошенный город Сан-Сальви.

На фасаде каждого из корпусов красовалась буква.

Следуя этому алфавиту, Джербер дошел до белого строеньица, единственного, на котором не было никакого знака.

Пресловутый корпус Q, сказал себе психолог. Удостовериться в этом можно только одним способом: войти туда.

Это оказалось нелегко, поскольку на разбитых окнах сохранились тяжелые металлические решетки. Однако дверь черного хода уже кто-то взломал, и через нее Джербер проник в здание.

Его приход нарушил тишину, царившую в просторном помещении. С каждым шагом под ногами скрипели стекла, потрескивала осыпавшаяся штукатурка. Пол местами вспучился, между керамическими плитками упрямо прорастали кусты, пробившиеся сквозь бетон. Через трещины в потолке просачивался лунный свет, и в воздухе клубился легкий, сверкающий туман.

Джербер совершенно отчетливо ощущал, что он здесь не один. Невидимые глаза наблюдали за ним, прячась по углам или среди теней. И он слышал непрекращающийся шепот.

Еще им нравится двигать стулья. Так сказал сторож, смутно намекая на неприкаянные души, обитающие здесь. *Обычно они расставляют их перед окнами, с видом на сад.* Даже после смерти их

привычки не изменились: короткий ряд пустых стульев был действительно обращен к широкому окну.

Но подлинное изумление Джербер испытал, войдя в первую из палат. Размер коек был необычным. Маленькие коечки. Детские кровати.

Продолжая разведывать обстановку, гипнотизер задавался вопросом, куда он попал и почему это место всегда было окутано тайной. Добравшись до лестницы из кирпича, он собрался уже подняться на верхний этаж. Но остановился. Что-то заставило его посмотреть вниз, где ступеньки терялись в непроглядной бездне.

В пыли виднелись отпечатки ног.

У Джербера не было с собой фонаря, и он выругал себя: глупо, что не подумал об этом. По крайней мере, сотовый был. Подсвечивая себе телефоном, Пьетро начал спуск в подвал.

Преодолев последний пролет, он ожидал найти склад или старую котельную. Но перед ним возник длинный коридор с единственной дверью в глубине. Двигаясь к ней, Джербер оглядывался по сторонам, поскольку на стенах виднелись росписи, изображавшие веселых сказочных персонажей.

Он строил гипотезу за гипотезой относительно предназначения этого места. Ни одна его не устраивала и не прибавляла бодрости духа.

Переступив через порог комнаты, расположенной в глубине, Пьетро посветил смартфоном. в темноте что-то блеснуло. Джербер вгляделся пристальнее, и то, что он увидел, его потрясло.

Родильное кресло из хромированной стали, с опущенной спинкой и поднятыми опорами для ног.

Сначала Пьетро подумал, будто ему померещилось, но потом убедился, что все по-настоящему. Он медленно двинулся вперед и обнаружил смежную комнату. Шагнув через порог, увидел четыре ряда металлических люлек, раковины, пеленальные столики.

Родильное отделение.

Кроватки, разумеется, были пусты, но он мог живо представить себе спящих там малышей.

Джербер не верил своим глазам. Какая-то часть его сознания велела ему скорее бежать отсюда, а другая приковывала к месту. Третья подвигала на то, чтобы поскорее исследовать абсурдный мир, представший перед его глазами. Пьетро решил покориться ей, ведь не

поняв все до конца, по крайней мере не попытавшись найти ответ, он больше не обретет покоя.

Обернувшись, он увидел перед собой отсек для персонала: врачей и медсестер. Через стекло разглядел письменный стол и небольшую картотеку.

Джербер не знал, сколько оставалось заряда в смартфоне, настолько был поглощен папками, которые перелистывал, вывалив на стол. Сколько времени он уже сидел там? Было никак не остановиться. Любопытство пожирало его. Но не только это заставляло перебирать документы. Он чувствовал себя в долгу перед невинными созданиями, побывавшими в таком несусветном месте, о существовании которого мало кто знал. Только избранное меньшинство, клика, свято хранившая ужасную тайну.

В таких местах, как Сан-Сальви, жизнь продолжалась, несмотря ни на что.

Именно эти слова произнесла таинственная подруга *синьора Б. И*, роясь в бумагах, Пьетро Джербер начинал понимать смысл этой фразы.

Корпус Q представлял собой родильное отделение.

Психолог вспомнил, что психиатрическая лечебница являлась городом в городе. Она существовала независимо от внешнего мира. Там имелась маленькая электростанция. Водопровод, не связанный с общегородским. Кухня, где готовилась еда. Кладбище, поскольку всякий, кто сюда входил, не мог надеяться на то, что выйдет отсюда даже после смерти.

Но автаркия приводила и к другим последствиям.

Пациенты встречались, влюблялись, решались на совместную жизнь. И порой порождали новую.

В Сан-Сальви были готовы и к таким случайностям.

На протяжении лет в психиатрическую больницу поступали не только явные умалишенные, но и люди с тяжелой зависимостью или отвергнутые обществом только потому, что они не похожи на прочих. Одни были безумны, другие в здравом уме, но все одинаково испытывали потребность в любви. Иногда отношения завязывались сознательно. Иногда, к сожалению, нет.

Часто такие связи приводили к беременностям. Случалось это по взаимному согласию или нет, женщин нужно было наблюдать.

И тогда я вступала в игру.

Так сказала подруга *синьора Б.*

Из папок, лежавших перед ним, Пьетро Джербер узнал, что таинственная женщина была акушеркой. Благодаря ее записям ему удалось восстановить историю рожениц и новорожденных.

Некоторые умирали из-за препаратов, предписанных матери в курсе лечения, и их хоронили на кладбище, в братской могиле. Но большинство выживало.

Тот, кто подобным образом оказывался в Сан-Сальви, был обречен оставаться здесь навсегда, точно так же, как и остальные пациенты.

Никто не принял бы в семью детей, рожденных от психов, сказал себе Джербер. Из вполне понятного страха, что в ребенке где-то затаился тот же темный недуг, который поразил их родителей.

Внешнему миру, однако, невозможно было поведать, что целые поколения сыновей и дочерей пребывали в этих стенах только потому, что были здесь рождены. Они сменяли своих родителей: иногда наследовали их патологию, а иногда просто со временем сходили с ума.

Среди личных дел, которые он изучал, Джербер наткнулся на дело Мари.

Психолог прочел ее короткую историю. Они с Томмазо были детьми Сан-Сальви, о чем свидетельствовал и их юный возраст. Оба вошли в число «счастливчиков», рожденных живыми. Оба выросли в этом аду и полюбили друг друга. Ни в ком из них не проявились симптомы душевной болезни, только нервное расстройство, обусловленное самим фактом пребывания здесь с самого рождения. Когда ему было шестнадцать лет, а ей четырнадцать, у них родился сын.

Мари не была бесплодна. Бальди солгала.

Ребенка назвали Адо. К несчастью, он умер через несколько часов после рождения.

Джербер представил себе, как Томмазо и Мари, отказываясь принять жестокую реальность, бегут из Сан-Сальви, захватив с собой труп младенца.

«Адо существовал», — сказала Ханна Холл.

Но Адо умер, подумал Пьетро Джербер.

Мама пыталась разбудить Адо, чтобы покормить его...

Это рассказал Томмазо Ханне, когда та навестила его в тюрьме.

Но когда попробовала приложить его к груди, он был холодный и не двигался. Тогда мама начала кричать, я никогда не забуду ее крика, ее боли... Я взял Адо из ее рук, пытался вдохнуть воздух в его крошечные легкие, но бесполезно... Тогда я завернул его в одеяльце и пошел искать доски, чтобы сколотить сундук. Мы положили туда Адо, и я запечатал крышку смолой.

Вчитываясь в документы, Джербер выстраивал дальнейшую последовательность зловещих событий. Из-за неожиданных осложнений при родах Мари больше не могла иметь детей. По этой причине они с Томмазо похитили Ханну, а потом Мартино. Как он и думал, их преступные деяния явились возмездием судьбе, которая помешала им стать родителями.

У Пьетро Джербера появилось ощущение, что он добрался до конца истории. Если дальше и возникают какие-то вопросы, ответить на них может только Ханна Холл. Самый для него существенный касался связи между пациенткой и его отцом: с какой стати Ханна Холл столько знает о *синьоре Б.*?

Пока психолог размышлял об этом, взгляд его упал на печать и подпись под свидетельством о рождении и смерти маленького Адо. Джербер узнал почерк, понял, почему документ завизирован.

Печать принадлежала суду по делам несовершеннолетних, а подпись — Аните Бальди: они удостоверили, что дело обстояло так, как описано в документе.

Что это за совпадение такое? Оно не может быть случайным. Оттого что в этой истории время от времени появляются одни и те же персонажи, складывается впечатление, будто за этим что-то кроется. Обман. Или обезвреженная, прирученная правда.

Бальди ввела в игру также и его отца.

Много лет назад я дала обещание...

Это *синьор Б.* взял обещание с судьи? Кто, как не он?

Тут Пьетро Джербер понял, что ошибался: разгадкой тайны владеет не только Ханна Холл.

По прошествии двух десятилетий ответ все еще скрывается под землей, в могиле рядом с домом голосов.

Не слишком трудно оказалось отыскать дом, где в ту ночь случился пожар. Место было обозначено в статьях из газет, найденных в чемодане Ханны Холл, оставалось только следовать указаниям.

Сквозь ветровое стекло Джербер увидел, как на горизонте показался дом. В пламенеющих лучах рассвета казалось, будто он все еще горит. Теперь это уже были развалины на вершине холма, оплетенные плющом и осененные двумя высокими кипарисами. Чтобы добраться туда, Джерберу пришлось девять километров ехать по бездорожью.

Он остановил машину, вышел, огляделся. Вокруг простирались пустынные сиенские поля. Но больше всего его поразило абсолютное отсутствие звуков.

Птицы не пели, приветствуя новый день, ветерок не ласкал скудную зимнюю растительность. Воздух был неподвижным, тяжелым. Само место навевало мысли о смерти.

Он зашагал по тропинке, огибавшей дом, точно не зная, где искать. Но, случайно потупив взгляд, обнаружил окурок «Винни». Потом второй, третий. Целая цепочка. Пьетро пошел по этим следам, не зная, куда они приведут.

Под одним из кипарисов валялась пустая пачка, знак того, что Ханна была здесь. Теперь Пьетро Джербер знал, где копать.

Он специально взял с собой лопату и теперь вонзал ее в землю, скованную утренним заморозком. Работая, думал снова и снова над тем, что случилось здесь той ночью, когда Ханну Холл забрали от родителей. Как чужие с лиловой вдовой во главе оцепили дом, как Томмазо устроил пожар, хотел отогнать их, но также и отвлечь, чтобы вся семья успела спрятаться в камерке под камином из песчаника; как Мари дала водичку для забывания дочери, которую не желала от себя отпускать.

На глубине где-то в метр лезвие лопаты стукнулось обо что-то.

Джербер спустился в яму, намереваясь закончить раскопки вручную. Среди комьев земли нащупал предмет, очертаниями напоминавший деревянный сундук. Ханна была права: длина его не

превышала трех пядей. Прежде чем выкопать его окончательно, Пьетро протер крышку ладонью и обнаружил имя, которое Томмазо вырезал раскаленным зубилом.

АДО.

Сундучок был запечатан смолой. Психолог принялся ключом выковыривать ее из паза. Закончив, помедлил несколько секунд, чтобы перевести дыхание. Потом сорвал крышку.

Послышался плач младенца.

Джербер потерял равновесие, завалился назад, больно стукнулся спиной. Ужас объял его, пронизал с головы до пят.

Плач затихал, превращаясь в глухой, дребезжащий хрип. Тогда Джербер снова подошел к яме, чтобы получше рассмотреть.

В сундуке лежал не ребенок, а большой пупс.

Кукла, у которой внутри был механизм, воспроизводящий плач младенца. Чего еще было ожидать, учитывая то, что увидела Ханна, когда Черный и его «детки» открыли сундук в надежде найти несуществующее сокровище. Ханна уверяла, что Адо казался живым, что смерть не затронула его.

Что же значит вся эта история?

Он вернулся к машине, потрясенный, растерянный. Укрылся в салоне, но не сдвинулся с места. Сидел, уставившись в пустоту; казалось, даже сердце вот-вот перестанет биться.

Его привел в чувство звонок сотового.

Пусть себе звонит, подумал он, решив, что это Сильвия. Ему хотелось услышать голос жены, но в данный момент он не нашел бы слов, чтобы все ей объяснить. Звонок прервался, и вокруг снова воцарилась тишина. Но потом повторился, настойчиво. Тогда Джербер взял смартфон в руки, намереваясь отключить звук.

И замер, ибо на дисплее обозначился номер Терезы Уолкер.

— Ну, как съездили? Все получилось? — спросила коллега голосом Ханны Холл.

— Адо — кукла, — проговорил он.

— Адо — призрак, — поправила Ханна.

— Прекратите, привидений не бывает, — резко оборвал ее Пьетро, хотя слова с трудом выходили из пересохшего горла. Джербер

не понимал, почему Ханна так упорно изводит его. Чего она добивается?

— Вы уверены? — спросила она вкрадчиво. — Есть много необъяснимых явлений, связанных именно с тем, что мы изучаем: с человеческой психикой. — Она сделала эффектную паузу. — Призраки часто скрываются в нашем сознании...

Чего хотела от него эта женщина? Почему по-прежнему притворялась доктором психологии?

— Пройдите сеанс гипноза, — продолжала она как ни в чем не бывало. — Гипноз — путь, открытый в неведомое. Одни хотят его пройти, другие уклоняются, не зная, *что* или *кто* ждет их там, внизу, и страшась этой неизвестности.

Джербер собирался уже сказать, что с него довольно этой клоунады, но Ханна снова перебила его:

— Чего ваши пациенты боятся больше всего?

— Что не сумеют проснуться, — ответил он, сам не зная, зачем продолжает игру.

— И как мы их успокаиваем?

— Говорим, что сумеют сделать это в любой момент, все зависит только от них. — Этому Джербера научил *синьор Б.*

— Вы когда-нибудь подвергались гипнозу? — спросила женщина, окончательно выбив его из колеи.

Джербер разозлился:

— При чем здесь это?

— Улестителя детей никогда не убаюкивали в детстве? — поддела его Ханна.

Тут Пьетро Джерберу показалось, будто в телефоне звучит, искаженная расстоянием, мелодия со старой пластинки «Простые радости». Он сдался.

— В мой девятый день рождения отец провел со мной сеанс.

— Зачем он это сделал? — невозмутимо осведомилась Уолкер.

— То был подарок.

Я не могу тебе это объяснить, Пьетро, это слишком сложно. Но однажды ты сам поймешь, обещаю.

— Отец уложил меня в лесу и сам лег рядом: мы тихо лежали бок о бок, любуясь небом в белых облачках и блестящих звездочках.

Возможно, ты когда-нибудь меня за это возненавидишь, однако надеюсь, что нет, — сказал отец. — Дело в том, что мы с тобой одни на свете, а я не смогу жить вечно. Прости, что выбрал такой способ, но иначе у меня не хватило бы духу. И потом, так будет правильно.

— Каким было тайное число вашего отца? — вдруг спросила Ханна Холл.

Пьетро заколебался.

— Смелей, доктор Джербер: пришло время назвать его, иначе вы никогда не узнаете, какой подарок припас для вас отец.

У гипнотизера больше не было сил.

— Когда отец говорил с вами, взгляд его был уже направлен в другие пределы: то число — из потустороннего мира, — настаивала Ханна.

Джерберу пришлось заново пережить ту сцену. *Синьор Балу* что-то шептал, но из-за кислородной маски было не понять, что именно. Тогда он приблизился, и отец с усилием повторил то, что сказал. Откровение тяжелым камнем легло на сердце молодого Джербера. Не веря своим ушам, потрясенный, Пьетро отстранился от умирающего отца. Он и вообразить не мог, что тот выберет именно такой момент, чтобы доверить столь ужасную тайну. Это ему показалось нелепым, неуважительным. Это ему показалось жестоким. В момент последнего прощания не сожаление увидел Пьетро в глазах *синьора Балу*, но облегчение. Облегчение безжалостное, эгоистичное. Отец — самый кроткий из всех известных ему людей — избавился от своего секрета. Теперь эта тайна досталась Пьетро.

— Какое это число? — не отставала Ханна Холл. — Скажите, и узнаете правду... Скажите, и освободитесь...

Пьетро Джербер задрожал, заплакал. Закрыв глаза и произнес еле слышно:

— Десять...

— Хорошо, — похвалила его Ханна. — Теперь продолжайте: что идет после десяти?

— ...девять...

— Превосходно, доктор Джербер, превосходно.

— ...восемь, семь, шесть...

— Я вами горжусь.

— ...два, *один*.

Песенка перестала звучать, и тишина была дарована, будто в награду. Чары рассеялись, и всплыла правда, которую отец спрятал в его памяти за время того единственного сеанса гипноза.

Подарок.

— Моя мать заболела еще до того, как я родился. — Он припомнил старые фотографии из семейного альбома: на ее лице уже были заметны следы недуга. — Перед тем как умереть, она хотела заиметь ребенка. Поскольку сама она родить не могла, из-за лечения, которому подвергалась, отец удовлетворил ее желание другим путем.

Внезапно Пьетро Джербер вспомнил все.

Ночь двадцать второго октября выдалась бурной.

Теперь я там.

Обитатели Сан-Сальви в грозу ведут себя беспокойнее обычного, санитары из сил выбиваются, чтобы как-то их сдержать. Многие прячутся, объятые ужасом, но большинство носится по корпусам, выкрикивая нечто невразумительное: они, кажется, притягивают к себе электричество, которым пропитан воздух. И каждый раз, когда над парком, окружающим больницу, сверкает молния, вопли безумцев звучат в унисон, будто приветствие богу тьмы от его верных поклонников.

Около одиннадцати вечера Мари лежит на койке в палате. Пытается заснуть, положив на голову подушку, чтобы не слышать поднятого сумасшедшими гвалта, который сливается с громовыми раскатами. И в этот момент чувствует первые схватки. Они приходят одна за другой, мощные, неожиданные, словно разряды, рвущие небо на части. Она зовет своего Томмазо, хотя и знает, что тот не сможет ей помочь: чужие, те, кто не верит в их любовь, разлучили их.

* * *

Мари, испускающую истошные крики, кладут на каталку, везут по пустым коридорам, опускают в подвал павильона Q.

В ту ночь дежурная акушерка — та самая таинственная женщина из кафе-мороженого. Приготовившись извлечь новорожденного из лона девочки, она покидает отсек для медицинских работников, чтобы позвонить по телефону.

— Приезжай, пора...

Мари рождает без какой бы то ни было фармакологической помощи, в полной мере испытывая боль, какая сопутствует появлению на свет нового человека. Она не знает, что эти роды для нее — единственный шанс стать матерью, поскольку из-за ее крайней

молодости возникли осложнения и других детей у нее не будет. А если бы и знала, не придала бы этому значения. Единственное, что ей нужно сейчас, это обнять ее малыша, ее Адо.

Но когда страдания наконец заканчиваются и Мари, слыша плач своего милого младенчика, протягивает руки, чтобы взять его и прижать к себе, она вдруг видит, как акушерка уходит вместе с малышом, прежде чем роженица успела взглянуть на его лицо.

Девушка в отчаянии, но никого это не заботит, никто не хочет утешить ее. Но вот перед ней знакомое, улыбающееся лицо.

Это *синьор Балу*, милейший человек, который с недавних пор навещает ее и Томмазо под красными крышами. Он — улеститель детей. Он — друг, он ей поможет. В самом деле, он приносит назад Адо, завернутого в голубое одеяльце. Но, бросив на него взгляд, Мари понимает, что это пупсик. *Синьор Балу* пытается вложить куклу ей в руки.

— Вот, Мари, это твой ребенок, — говорит он.

Мари в ярости отпихивает его:

— Нет, это не мой Адо!

Тогда где-то тут, в палате, кто-то ставит пластинку. Песенка Маугли и медведя. *Синьор Балу* кладет руку на лоб девочки.

— Спокойно, — увещевает он. — Мы ведь много говорили об этом с тобой и Томмазо, помнишь?

Мари помнит только, как они оба погружались в сладостную полудрему, направляемые голосом *синьора Балу*.

— Наступил момент, к которому мы так долго готовились, — объявил улеститель детей.

Потом ласковым голосом, тщательно выбирая слова, он начинает убеждать Мари, что пупсик, которого она держит в руках, — настоящий ребенок.

Сознание Мари понемногу затуманивается, растворяется в глубокой, сплошной иллюзии. *Синьор Балу* убеждает ее, что скоро они с Томмазо смогут вместе пестовать их сыночка.

Околдовав девочку чарами, гипнотизер покидает родильный покой и находит в коридоре акушерку, которая уже ждет его там с маленьким свертком.

— Никогда не говори ему, что он не твой сын, — советует женщина.

— Не знаю, как бы я смог ему объяснить, что он происходит отсюда, — успокаивает ее психолог. — Но если когда-нибудь он станет тебя искать...

— Пусть тебя не мучает совесть, — перебивает она. — Мы поступаем правильно: мы его спасаем, не забывай об этом. Какое будущее ждет его здесь? Он закончит, как Мари и Томмазо.

Синьор Балу кивает, хотя и взволнованный тем, что ждет его впереди.

— Твоя подруга, судья, подготовила документы?

— Да, — заверяет он. — Мальчик будет Джербером по всем статьям.

Акушерка улыбается, чтобы снять напряжение.

— Кстати, как вы его назовете?

— Пьетро, — отвечает психолог. — Мы назовем его Пьетро.

Потом я и мой отец вместе поднимаемся из преисподней под красными крышами. Направляемся к новому дому, поддельной семье и будущему, которое предстоит выдумать.

В этот самый момент, через много-много лет, пока он сидел в машине посреди пустынных полей, воспоминание, которое отец вложил ему в подсознание в его девятый день рождения, окончательно закрепилось в сознательной памяти Пьетро Джербера. Так, будто он всегда это знал.

— *Синьор Б.* под гипнозом убедил Томмазо и Мари, что та кукла — их ребенок. Но если фикция, созданная их же сознанием, могла действовать в стенах Сан-Сальви, во внешнем мире она теряла силу. Психиатрическая лечебница делала ее реальной. Поэтому те двое были убеждены, что малыш умер во время их романтического бегства.

— Поэтому, когда отец перед смертью назвал вам число, вы так на него разозлились, — добавила лже-психолог на другом конце связи. — Злость служила для того, чтобы отгородиться от правды, поэтому вы убедили себя, будто отец вас не любил.

— *Синьор Б.* не спросил меня, хочу ли я знать эту правду или предпочитаю и дальше жить в неведении, — возразил Пьетро. — Перед смертью он попросту начал отсчет в обратном порядке, чтобы облегчить душу, раскрыв секрет.

— Вот и у Ханны Холл тоже не было возможности выбора, — согласилась собеседница. — Ведь если бы Ханну спросили, она, может быть, захотела бы жить с теми, кого считала матерью и отцом.

Пьетро Джербер не мог не задуматься над тем, как судьба свела их задолго до того, как они познакомились.

Они с Ханной — брат и сестра.

Кровь у них разная, но родители одни и те же. Его произвели на свет Мари и Томмазо. Ханна росла с ними, заняв место их сына. Обоих объединило то, что кто-то по собственному произволу захотел их *спасти*.

— Ханна замыслила все это, чтобы я открыл для себя мою подлинную историю, — убежденно проговорил Пьетро Джербер.

— Интересно получается, — заметила лже-Уолкер. — Стало быть, Ханна явилась из Австралии не для того, чтобы освободиться самой, но для того, чтобы освободить вас.

Пьетро продолжал подыгрывать ей, потому что был напуган. Кто знает, что произойдет, положи он конец этому фарсу. Придется всю свою жизнь переписывать заново на основе этой новой правды. Но одно Джербер понял, и это утешило его.

Когда он примется приводить в порядок воспоминания о прошлом, в этом своем предприятии он не будет одинок.

Ханна останется рядом, будет направлять его память на то, чтобы излечивать раны, нанесенные детством, и заговаривать боль, как умеют делать только те, кто вас по-настоящему любит.

Хотя Пьетро Джербер еще не мог собраться с силами, чтобы поднять веки и выйти из уютного убежища темноты, он знал, что Ханна где-то здесь, очень близко. Может быть, стоит спиной к нему в нескольких метрах от ветрового стекла, прижимая телефон к уху и вглядываясь в горизонт.

— Все хорошо, Пьетро, — спокойно, ободряющим тоном проговорила женщина. — Все закончилось: теперь можешь открыть глаза.

Благодарности

Стефано Маури, издателю — другу. И вместе с ним — всем издателям, публикующим во всем мире мои книги.

Фабрицио Кокко, Джузеппе Страццери, Раффаэлле Ронкато, Элене Паванетто, Джузеппе Соменци, Грациелле Черутти, Алессии Уголотти, Эрнесто Фанфани, Диане Волонте, Джулии Тонелли и незаменимой Кристине Фоскини.

Вы — моя команда.

Эндрю Нюрнбергу, Саре Нанди, Барбаре Барбьери и изумительным сотрудницам Лондонского агентства.

Тиффани Гассук, Анаис Бакобца, Алии Ахмед.

Вито, Оттавио, Микеле, Акилле.

Джованни Аркаду.

Джанни Антонанджели.

Алессандро Узаи и Маурицио Тотти.

Антонио и Фиеттине, моим родителям. Кьяре, моей сестре.

Саре, которая всегда со мной рядом.

notes

Примечания

1

Сейчас фреска находится в галерее Уффици.

2

Имеется в виду фильм «Шестое чувство» (1999).

3

Изготовление горячего шоколада на пару (ит.).

New Age (букв. «новая эра») — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. Эта идеология достигла наибольшего расцвета на Западе в 1970-х годах.

В Лоджии Бигалло на площади дель Дуомо.

Кростата — итальянский открытый пирог из песочного теста, с разными начинками.